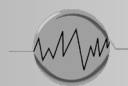

ISSN 2500–3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ

№ 9–10 2016 (СЕНТЯБРЬ–ОКТАБРЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Верстка
А.В. Романов

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

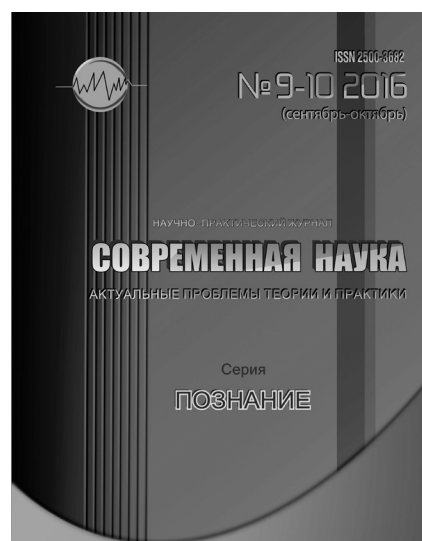
Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

Подписано в печать 24.11.2016 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание № 9-10 сентябрь–октябрь 2016 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 755-1913
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>
<http://www.vipstd.ru/nauteh>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, доктор псих. наук, профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к. экономических наук, доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Воронина Наталья Ивановна — доктор философских наук, профессор Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — доктор искусствоведения, профессор Ярославского государственного педагогического университета им. К. Ушинского

Иконникова Светлана Николаевна — доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного института культуры

Кибальченко Ирина Александровна — доктор псих. наук, профессор Южного федерального университета

Кириллова Наталья Борисовна — доктор культурологии, профессор Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — доктор культурологии, доцент Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — доктор псих. наук, доцент Самарского государственного института культуры

Коротких Вячеслав Иванович — доктор философских наук, профессор Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — доктор культурологии, к.и.н., профессор Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления

Куруленко Эллеонора Александровна — доктор культурологии, ректор Самарского государственного института культуры

Листвина Евгения Викторовна — доктор философских наук, профессор Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — доктор философских наук, профессор Финансового университета при Правительстве РФ

Никольский Сергей Анатольевич — доктор философских наук, зав. сектором Института философии РАН

Овсяник Ольга Александровна — доктор псих. наук, доцент Российского экономического университета им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — доктор культурологии, к. пед. н., доцент Новосибирского государственного технического университета

Пономарева Галина Михайловна — доктор философских наук, профессор МГУ им. М.В.Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — доктор искусствоведения, профессор ВГИКа

Садохин Александр Петрович — доктор культурологии, доцент РАНХиГС

Сгибнева Ольга Ивановна — доктор философских наук, профессор Волгоградского государственного университета

Серов Николай Викторович — доктор культурологии, действительный член Оптического общества им. С. Рождественского

Синягин Юрий Викторович — доктор псих. наук, профессор, заместитель директора «Высшая школа государственного управления» РАНХиГС при Президенте РФ

Сиюхова Аминет Магаметовна — доктор культурологии, доцент Майкопского государственного технологического университета

Соловьева Светлана Владимировна — доктор философских наук, доцент Самарского государственного института культуры

Тихонова Анна Юрьевна — доктор культурологии, доцент Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — доктор культурологии, профессор Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — доктор философских наук, профессор Государственного института искусствознания Министерства культуры РФ, профессор Всероссийского государственного института кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр Михайлович — доктор псих. наук, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семен Аркадьевич — доктор философских наук, профессор, руководитель Центра истории искусств и культуры Института всеобщей истории РАН

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Гун Г.Е.** — Инфраструктура художественной культуры в условиях дезурбанизации
Goon G. — Infrastructure of art culture in the conditions of a dezurbanization 4
- Девятова О.Л.** — Композитор в культуре постсоветского периода
Devyatova O. — A composer in a post-soviet culture 8
- Кириллова Н.Б.** — Экранная культура как конструкт «виртуальной реальности»
Kirillova N. — Screen culture as a virtual reality construct 12
- Комиссаренко С.С.** — Трансформация культурных моделей современной России
Komissarenko S. — Transformation of cultural models of modern Russia 17
- Кургuzов В.Л.** — Методологические проблемы изучения культурного наследия в контексте противоречий современной культуры
Kurguzov V. — Methodological problems in the study of cultural heritage in the context of the contradictions of modern culture 20
- Сабери Ф.** — Российско-иранские отношения в сфере культуры
Saberi F. — The Russian-Iranian relations in the sphere of culture 29
- Смирнов А.М.** — Сотрудничество Российской Федерации и Казахстана в сфере культуры
Smirnov A. — Cooperation of the Russian Federation and Kazakhstan in the sphere of culture 33
- Чжэн Цзелань** — Сотрудничество государств БРИКС в сфере культуры и образования
Zheng Jielan — The cooperation of the member countries of BRICS association in the field of culture and education 37
- Психология**
- Истратова О.Н., Кибальченко И.А., Эксакусто Т.В.** — Интеллектуально-личностный ресурс субъекта развития: постановка проблемы и содержание понятия
Istratova O., Kibalrchenko I., Eksakusto T. — Subjects of development mental and personal resource: scope and problem definition 41
- Кибальченко И.А.** — Задачи обучения студентов, учебники и эволюция научной дисциплины
Kibalrchenko I. — The goals of student teaching, textbooks and evolution of scientific discipline 46

- Козырева О.А., Дьякова Н.И.** — Изучение адаптационного потенциала и копинг-стратегий будущего специалиста к работе с детьми-инвалидами и детьми с ограниченными возможностями здоровья
Kozyreva O., Dyakov N. — Study of adaptive capacity and coping strategies of the future specialist to work with children with disabilities and children with disabilities 49
- Костригин А.А.** — О дискуссии Н.Г. Чернышевского и П.Д. Юркевича («стены и мосты» в истории становления психологической науки в XIX в.)
Kostrigin A. — «Walls and Bridges» in history of development of psychological science in XIX century: discussion between N.G. Chernyshevsky and P.D. Yurkevich 57
- Лежнев Е.В.** — Психологические особенности ознакомления с материалами уголовного дела обвиняемого с психическими аномалиями
Lezhnev E. — Psychological characteristics of study of the materials of criminal case accused with mental anomalies 62
- Мартынова В.А., Ткаченко О.В.** — Эмоциональное выгорание педагогов среднего профессионального образования
Martynova V., Tkachenko O. — Emotional burnout of teachers of secondary professional education 65

Философия

- Егоров В.В., Ларионова И.С.** — Связь концепций синергетики с законами диалектики
Egorov V., Larionova I. — The relationship of the concepts of synergetics with the laws of dialectics 69
- Егоров В.В., Ларионова И.С.** — Объединяющий, направляющий и управляющий факторы в живых организмах и общественных системах
Egorov V., Larionova I. — Uniting, guiding and managing factors in living organisms and social systems 72
- Замлелова (Макеева) С.Г.** — Семантика образа Иуды Искариота в Четвероевангелии и в «Евангелии от Иуды» из Кодекса Чакос
Zamlelova (Makeeva) S. — The semantics of the image of Judas Iscariot in the Gospel and the «Gospel of Judas» from the Codex Tchacos 75
- Плужник О.Б.** — Социальный миф: сущность и значение
Pluzhnik O. — Social myth: essence and value 83
- Сафонов К.Б.** — Тайм-менеджмент и социокультурные факторы деятельности организации
Safonov K. — Time management and socio-cultural factors of the activity of an organization 86

Информация

- Наши авторы
Our Authors 89
- Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 90

ИНФРАСТРУКТУРА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ ДЕЗУРБАНИЗАЦИИ

INFRASTRUCTURE OF ART CULTURE IN THE CONDITIONS OF A DEZURBANIZATION

E. Goon

Summary. Specifics of the Russian dezurbanization are shown in article and her cultural aspects are considered. According to the author, in the conditions of a dezurbanization infrastructure of art culture has to provide preservation of a city way of life and the sphere of leisure in new territories. Parameters of security with cultural institutions and arts the dezurbanizirovannykh of settlements, on the one hand, have to remain within the centralized institutional model, with another, — to provide decentralization of art culture.

Keywords: city, art culture, infrastructure, urbanization, dezurbanization.

Гун Галина Евгеньевна

*Д. культурологии, к. филос. н., доцент,
ГБОУ ВО ЧО «Магнитогорская государственная
консерватории (академия) им. М. И. Глинки»
filosof_gun@mail.ru*

Аннотация: В статье показана специфика российской дезурбанизации и рассмотрены ее культурные аспекты. По мнению автора, в условиях дезурбанизации инфраструктура художественной культуры должна обеспечивать сохранение городского образа жизни и сферы досуга на новых территориях. Параметры обеспеченности учреждениями культуры и искусства дезурбанизированных поселений, с одной стороны, должны оставаться в рамках централизованной институциональной модели, с другой, — обеспечивать децентрализацию художественной культуры.

Ключевые слова: город, художественная культура, инфраструктура, урбанизация, дезурбанизация.

Местом разворачивания социокультурных сдвигов современности оказываются города, в жизни которых всегда отражались противоречия времени и которые становились местом социальных и культурных перемен. Становление постиндустриальной урбанистической парадигмы сопряжено с процессами дезурбанизации, которые воспринимаются как кризис городов и городской культуры.

В урбанистике дезурбанизацию принято определять как «процесс, выражающийся в деконцентрации населения и расселении вне городов, противоположный урбанизации» [8, с. 286]. У дезурбанизации существуют разные ракурсы. Например, градостроительный её аспект фиксирует внимание на определенном типе застройки, которая, будучи плотной высокоэтажной в центральных районах города по мере удаления от центра становится разреженной, малоэтажной и функциональной.

Социокультурные процессы скрепляют разнообразные элементы городской жизни в единое целое. Город, где культура, обеспечивая синергичный эффект, скрепляет сумму разнородных проявлений городской жизни в социокультурное целое, способен сохранять целостность, устойчиво развиваться и соответствовать вызовам времени.

Такое понимание роли культуры в жизни современного города дает основание рассматривать культурный модус дезурбанизации. Если урбанизация в таком ракурсе представляет рост культурного влияния городов, рас-

пространение городских ценностей и городского образа жизни, то дезурбанизация может трактоваться как снижение значения роли городов в жизни общества. Если рассматривать урбанизацию как универсальный процесс распространения городской культуры, то дезурбанизация — это прямо противоположная тенденция её сворачивания и затухания. В любом случае урбанизация и дезурбанизация — это определенный образ жизни и специфическое мировоззрение.

Динамические характеристики дезурбанизационных процессов сложны. Дезурбанизация не односторонняя устойчивая традиция, она имеет волновой и компенсаторный по отношению к непрекращающейся урбанизации характер. Урбанизация и дезурбанизация цикличны и будучи разнонаправленными, но равноположенными тенденциями сосуществуют по принципу дополнительности. Последняя принимает всё новые формы и охватывает всё новые территории. Волны урбанизации сменяются дезурбанизационными циклами, а затем вновь наступает черед урбанизационных тенденций.

Дезурбанизация детерминирует субурбанизацию, т.е. развитие пригородов. В определенный момент темпы развития пригородов начинают опережать темпы развития центральной части города, поскольку в пригородную зону переселяются жители, переносятся промышленные объекты, офисы, социальная и культурная инфраструктура. Иначе говоря, пригороды начинают развиваться за счет центра. Итогом субурбанизации

онных процессов является формирование городских агломераций, которые представляют динамичные поселенческие системы, многообразно связанные экономически, организационно, инфраструктурно и т.д.

Урбанист Э. Данхэм-Джоунс указывает, что имевшая в Америке более полувека тенденция переселения в «зеленые» пригороды пошла на убыль. Последние десять лет молодые образованные категории жителей начали возвращаться в города, понимая негативные последствия субурбанизации. Главная причина этого набирающего силу процесса в том, что «многие пригороды становятся все более урбанизированными. Город выплескивался из границ, захватил пригороды, а потом и они превратились в города со всё теми же городскими проблемами» [5]. Дезурбанизация оказалась компромиссным решением для тех горожан, которые хотели одновременно сохранить стандарты городского комфортабельного существования с экологией деревни. Но это не изменило их менталитета и культурных установок — в этом смысле они остаются горожанами. Иначе говоря, город воспроизводит себя везде, где появлялись городские жители, что лишний раз подтверждает его устойчивость в культурном смысле.

Характер и масштабы дезурбанизации у нас специфичны. Исторически процессы урбанизации воспринимались как сфера идеологического противостояния с Западом. На ранних этапах социалистического строительства городское планирование являлись полем градостроительных и идейных экспериментов, радикально менявших судьбы существующих и новых идеальных социалистических городов (например, Магнитогорска и Комсомольска-на-Амуре). Просчитывались модели городов оптимальной величины. Позднее столь же насильственным стал процесс искусственного сдерживания роста крупных городов посредством введения института прописки. Однако города продолжали незапланированно и неуправляемо расти. Численность городского населения в России составляет по разным оценкам около 75%, что свидетельствует о высокой степени урбанизированности. И продолжают расти. При этом в первую очередь растут столица и крупные города. За первое десятилетие 2000-х годов население столицы увеличилось на 13,6%, в то время как рост в городах-миллионниках оказался не таким значительным: максимальные показатели — в Челябинске, где население увеличилось на 4,9% [7].

Сегодня российские города существуют в совершенно иных политико-экономических и социокультурных реалиях. По мнению президента фонда «Институт экономики города» Н. Косыревой в российских городах градостроительная тенденция прямо противоположна общемировой: плотность и этажность застройки увели-

чивалась по мере удаления от центра к городским окраинам, и периферийная застройка оказывается более плотной и высокоэтажной. В результате такой «многоэтажной субурбанизации» формируются «перевернутые города» [6].

Не будем углубляться в демографический смысл этих процессов, но в культурном значении все сложнее. Культуролог Н.С. Галушина справедливо заметила, что «город — это продукт длительного культурно-исторического развития, его нельзя «сохранить» или «ликвидировать» и ... очень сложно «создавать». Ведь речь идет не просто о градостроительстве, а об «осмысленности» (смысловой полноценности) городской среды» [1, с. 143].

Приходится согласиться и с известным урбанистом В.Л. Глазычевым в том, что поселение становится городом не по причине достаточного количества проживающих в нем людей. Для этого необходимо осознание жителями общности и наполнение городского пространства неповторимой культурой, выражающейся в его внешнем облике, истории, во всем содержании городской жизни и, конечно, в художественной жизни.

Попутно заметим, что в России слабо оформлена собственно городская идентичность как ментальная основа городской культуры. В градостроительном смысле города существуют, но не стали таковыми в культурном смысле. Поэтому В.Л. Глазычев называет российские города «разросшимися слободами» со всеми культурными атрибутами последних [3]. Если учитывать это мнение, то и культурные смыслы дезурбанизации оказываются иными.

Учитывая специфичность российской урбанизации и дезурбанизации, сочетающейся с незволюционными «негородскими» культурными процессами, рассмотрим проблемы инфраструктурной обеспеченности художественной культуры.

В нашей стране существовала практика, когда городам определенного статуса полагались соответствующие ему учреждения культуры: театры оперы и балета, драматические театры, музеи, музыкальные коллективы и концертные организации и т.д., причем в определенных количественных показателях. Такая идеологическая нормативность сразу задавала жесткие рамки городской культуры без учета индивидуальности конкретного города. По наблюдениям В.Л. Глазычева, процесс определяемого сверху насыщения городов учреждениями культуры себя исчерпал в 1980-е годы, поскольку структура предложения не соответствовала конкретным запросам горожан. Однако она существует и сегодня. В Российской Федерации действует распоряжение Правительства от 03.06.1996 г. N1063-р с измене-

ниями, внесенными правительством РФ 23.11. 2009 г. N1767-р.

Идея нормативности может критиковаться, но именно при опоре на нее определяются параметры институциональной оснащенности художественной жизни городов. Она сформировалась в определенных идеологических условиях в параметрах «центр — периферической» модели. Сегодняшняя ситуация характеризуется постепенным переходом к плюралистической, многополюсной модели региональной жизни.

Художественная культура дезурбанизированных поселений, на наш взгляд, должна обеспечить сохранение «городского» образа жизни и сферы досуга жителей, а учреждения культуры «переехали» за город вслед за покинувшим его горожанином. Но это касается не всех учреждений культуры.

Художественная жизнь дезурбанизированных поселений, с одной стороны, должна оставаться централизованной в институциональном смысле и, с другой, — быть разнообразной и децентрализованной во внеинституциональных и субституциональных своих измерениях. Сохраняющаяся централизованность расположения художественных институций, на наш взгляд, оправдана, поскольку не может быть бесконечно много театров, музеев, концертных залов высокого уровня. Редкость и относительная труднодоступность этих учреждений должна сохраняться как их имиджевая составляющая, как элемент престижа. А более «демократичные» кинотеатры, библиотеки, клубы и дворцы культуры должны быть равномерно рассосредоточены как в центре города, так и на его периферии.

В субурбанизированных пространствах должны существовать площадки креативности, которые будут местом рождения субституциональных проявлений художественной жизни. Главное, чтобы сохранялись и создавались возможности для них. Тогда художественная культура городов сохранится. Примером проработки проблем культурной дезурбанизации может служить проект Центра современного искусства «Винзавод». Здесь был организован конкурс «Дезурбанизация. Организация открытого пространства в городской среде». В рамках конкурса было предложено создать концептуальный дизайн-проект Парка культуры и отдыха в г. Ка-

шира. Перед молодыми архитекторами стояла задача трансформировать Летний кинотеатр парка в Центр культурного досуга, сосредоточив здесь площадки для общения и самореализации. Дезурбанистическим этот проект был назван потому, что новое городское пространство предлагалось сформировать в пригороде столицы, насытив его возможностями для общения и досуга подобно городскому парку.

Симптоматично, что пример присутствия институтов культуры и креативных пространств в пригородах и обсуждение параметров этого присутствия обнаруживается только в столице. Для региональных центров эта проблема пока не столь актуальна, но по мере количественного разрастания пригородов она вскоре окажется на повестке дня. Пока же в культурном смысле более важной является задача формирования городской культуры и городской идентичности.

Подводя итоги, можно сказать, что дезурбанизация представляет в первую очередь демографические и градостроительные процессы, связанные с субурбанизацией. Культурное содержание жизни в дезурбанизированных и субурбанизированных пространствах остается городским. Дезурбанизация в градостроительном и демографическом смысле не тождественна дезурбанизации в культурном значении. Нет оснований утверждать, что городская культура и художественная жизнь городов теряют свое значение, уступая место на исторической арене негородским формам культуры. У городского образа жизни, мировоззрения, форм досугового времяпрепровождения нет альтернатив. Они, не переставая быть собственно городскими, осмысливаются в реалиях времени с экологической, человекообразной позиции. В культурном смысле дезурбанизация — это расползание городского образа жизни и городских ценностей на новых территориях. Речь идет о смене акцентов внутри городской культуры, что связано со сменой социокультурной парадигмы и формированием постурбанистических дезурбанизационных городов. Художественная культура дезурбанизированных поселений, на наш взгляд, не претерпит содержательных изменений. В процессе дезурбанизации, сколь бы специфичной она ни была, культура и сфера досуга сохраняют «городской» облик, а учреждения культуры в определенной части переместятся за город, но частично останутся в центральной части городов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галушина, Н. С. Город как объект культурологического исследования [Текст]: дис. ... канд. культурологии / Н. С. Галушина. — М., 1998. — 153 с.
2. Глазычев В. Л. Урбанистика [Текст] / В. Л. Глазычев — М.: Изд.-во «Европа», 2008. — 220 с.
3. Глазычев В. Л. Среда отторжения [Электронный ресурс] / В. Л. Глазычев. — Режим доступа: <http://conflictmanagement.ru/sreda-ottorzheniya>
4. Гун Г. Е. Художественная культура города: структура, динамика, перспективы [Текст]: Дис. ... д-ра культурологии / Г. Е. Гун. — Челябинск, 2015. — 365 с.

5. Данхэм-Джоунс Э. Американский урбанист: Москве надо развивать пригороды [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://realty.rbc.ru/experts/02/12/2013/562949989804942.shtml>
6. Косырева Н. Новый российский феномен — города наизнанку [Электронный ресурс].— Режим доступа: http://gkhprim.ru/news/interview/novyy_rossiyskiy_fenomen_-_gorod/
7. Сазонов Б. В. Городская централизация или новая дезурбанизация? [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://conflictmanagement.ru/gorodskaya-centralizaciya-ili-novaya-dezurbanizaciya>
8. Яницкий О. Н. Идеология современного дезурбанизма [Текст] / О. Н. Яницкий // Идеологические проблемы научно-технической революции.— М., 1974.— С. 285–303.

© Гун Галина Евгеньевна (filosof_gun@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОМПОЗИТОР В КУЛЬТУРЕ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

A COMPOSER IN A POST-SOVIET CULTURE

O. Devyatova

Summary. The article explores problems facing contemporary composers in a post-Soviet Russian culture. It points at the new cultural priorities that have arisen as a result of expanding market relations and commercialization of art, as well as the growing role of mass media and show business diminishing the impact of classical music. The author concludes that there is a need to support talented phenomena within the new «serious» and its authors and to raise the status of high musical professionalism both in composition and performance arts — the arts that have a formative influence on culture and general artistic and musical tastes of contemporary listeners.

Keywords: composer; post-Soviet culture; musical classic; media culture; contemporary music.

Десяткова Ольга Леонидовна

*Д. культурологии, профессор, Уральский
Федеральный университет им. первого Президента
России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург
urfo@bk.ru*

Аннотация. В статье исследуется проблема бытия современного композитора в российской культуре постсоветского периода. Обращается внимание на новые приоритеты в культуре, связанные с развитием рыночных отношений и коммерциализацией искусства, увеличением роли масс-медиа и шоу-бизнеса, умаляющих значение музыкальной классики. Делается вывод о необходимости поддержки талантливых явлений новой серьезной музыки и ее авторов, повышении статуса высокого музыкального профессионализма в композиторском и исполнительском творчестве, формирующим культуру, общехудожественные и музыкальные вкусы современного слушателя.

Ключевые слова: композитор; культура постсоветского периода; музыкальная классика; медиакультура; современная музыка.

Проблема духовного бытия композитора в системе культуры является одной из актуальных в постсоветский период. Необходимость исследования этой проблемы продиктована тем, что в настоящее время, в период развития постмодернистских тенденций, влияющих и на музыкальную культуру, сама профессия «композитор» нередко обесценивается, утрачивает свой авторитет и подчас игнорируется средствами массовой коммуникации. Вызывает тревогу и тот факт, что, по мнению ряда исследователей, в ближайшем будущем эта профессия, в условиях тотальной глобализации, якобы, сойдет на «нет» или совсем исчезнет (такова, к примеру, точка зрения известного российского композитора и музыковеда В. Мартынова, высказавшего идею о «конце времени композиторов») [см.: 8; 9]. Эта идея представляется хотя и не бесосновательной, но все-таки весьма спорной и вызывает желание и необходимость высказать другой взгляд по этому вопросу.

Постсоветский период (начиная с перестройки 1985 года и распада СССР) свидетельствовал о новом этапе в развитии отечественной культуры, которая после диктата советской власти вынуждена была подчиниться диктату рынка и коммерции (в силу изменения социально-экономических и политических приоритетов в стране). Это существенно отразилось на социальном статусе композитора как в положительном, так и в отрицательном смысле. С одной стороны, композиторам была возвращена свобода творчества и независимость от власти придержащих, что, безусловно, давало возможность раскрыть свои возможности и проявить яркие, интересные творческие инициативы. В 1980-е — 1990-е годы и тем более в 2000-е годы открылись большие перспективы для развития контактов компо-

зителей с зарубежными странами, стал свободным выезд композиторов за рубеж и жизнь за рубежом (многие этим воспользовались и работали за рубежом, другие, что называется, жили (или живут) «на два дома», в одной из европейских стран или в Америке, периодически приезжая в Россию (А. Шнитке, С. Губайдулина, Р. Щедрин, Г. Канчели и др.).

Однако творческая жизнь многих больших российских композиторов в условиях рыночной экономики и коммерческих отношений значительно усложнилась тем, что их музыка, крупные значительные замыслы, их работа в таких масштабных и сложных жанрах, как опера, балет, симфония, концерт или соната оказались на периферии музыкальных запросов общества потребления, где существенно сменились вкусовые приоритеты и интересы в пользу культуры масс-медиа и продукции поп-культуры. Тотальная коммерциализация культуры, организация российского шоу-бизнеса, подчинившего себе все сферы культуры, в том числе и сферу академической (элитарной, классической) музыки, привела к увеличению роли исполнителей, а также продюсеров, менеджеров, звукорежиссеров и свела к минимуму значимость композитора.

В этой связи понятие «свобода творчества» стало размытым и во многих случаях заменилось вседозволенностью, снижением композиторского профессионализма, ростом дилетантизма (подробнее эти вопросы затронуты в моих работах [см.: 5; 6]). Во многом, это произошло потому, что продукция массовой культуры сегодня заняла лидирующие позиции и оттеснила серьезную музыку на второй план. Свою роль в этом процессе играет и значительное развитие информативных технологий и медиакультуры, ко-

торые делают музыку, условно говоря, «средством общего пользования» для многих потребителей, которые нередко и процесс сочинения музыки считают легким и доступным (благодаря возможностям компьютерной и иной электронной техники). В таких условиях Музыка перестает быть и восприниматься многими людьми искусством, требующим внимательного серьезного вслушивания, глубоких размышлений и переживаний, а превращается в средство развлечения, забавы, бездумного, легкого времяпрепровождения: «Ставка в поп-индустрии и в шоу-бизнесе, — как верно пишет А. Цукер, — делается не на качество музыки или ее исполнения, а на визуальную сторону сценической продукции, представленной слушателю-зрителю» [7, с. 509]. В результате этого обесценивается сама внутренняя, глубинная, поистине космическая, божественная природа музыки не только как искусства, но и как некой сущностной бытийно-философской категории культуры. Прав мастер современной музыки композитор С. Слонимский, считая, что мир серьезного, высокого искусства несовместим с бизнесом и коммерческой индустрией: «музыка как коммерческая империя и музыка как самая духовная, сама идеалистическая (не просто идеальная) форма существования — не только две разных профессии, это два разных мира, которые никак не соприкасаются... Есть музыка и музыка — сладкая жизнь и жизнь горькая, трудная, но плодотворная и плодоносная» [11, с. 11]. Верно размышляет С. Слонимский о музыке как высшей математике, требующей от создателей (композиторов, исполнителей) очень многих знаний и умений (не случайно музыканты-профессионалы учатся более пятнадцати лет), а также общей музыкальной и культурной эрудиции (то же, кстати, относится и к исследователям классической и современной музыки). Серьезная музыка, как отмечалось, предъявляет значительные требования и к слушателю, который должен обладать не только способностью воспринимать музыку (иметь слух и общую музыкальность), но и многими знаниями, а также готовностью к сопереживанию и соучастию в процессе ее слушания, погружению в ее мир. Слушатель должен обладать также широким и разнообразным слуховым опытом, который позволяет ему адекватно воспринимать замысел композитора и его реализацию исполнителем. С. Слонимский справедливо считает, что «серьезная музыка никогда не старалась конкурировать с легкой, в том числе с точки зрения ее массовости, а пыталась найти свою, более углубленную область существования» [12, с. 25].

Стремление рынка сделать любую музыку товаром и «подчинить себе все, что пользуется спросом и может приносить прибыль», абсолютное лидерство «попсы», энергично «раздуваемое» СМК, вытесняет сегодня на периферию культуры деятельность многих серьезных музыкантов, работающих как в области академической, так и неакадемической («непопсовой») музыки, в том числе в области джаза и рок-музыки, которые образуют своего рода «новый

андеграунд» (А. Цукер). Такие композиторы работают в системе нового музыкального мышления, в разнообразных композиторских техниках, выработанных всей историей мировой культуры и ищут новых звуковых путей в осознании мира, человека, вселенной. Однако творческая жизнь таких композиторов сопряжена нередко с писанием «для себя», что называется «в стол», со значительными трудностями в «пробивании» издания новых сочинений, и, тем более, их концертного исполнения или осуществления их сценических постановок (если речь идет об опере, балете или мюзикле). Вот почему творчество многих больших композиторов в настоящее время неизвестно или малоизвестно широкому слушателю, так как не столь бойко рекламируется и пропагандируется в СМК. Думается, что композиторы, представляющие сегодня серьезную музыку, серьезные жанры в большей мере нуждаются в пропаганде, рекламе, «раскрутке», финансовой поддержке и спонсорстве, чем их «собратья» по перу, представляющие массовую культуру и массовые жанры.

В результате такой ситуации, крайне редки сегодня премьеры новых сочинений выдающихся российских композиторов (С. Губайдулиной, С. Слонимского, А. Эшпая, Г. Канчели и других больших музыкантов); чаще концерты и новых, и «старых» сочинений этих мастеров бывают приурочены к юбилейным датам. Еще реже сегодня даются премьеры оперных и балетных новинок. Как тут благодарно не вспомнить 1960-е — 1970-е годы, когда мы были свидетелями многих премьер новых сочинений Д. Шостаковича, Г. Свиридова, А. Петрова, Р. Щедрина, С. Слонимского, Б. Тищенко, К. Караева и других композиторов, ставших сегодня классикой XX века. Но когда эти премьеры все же случаются в наши дни (оперы Л. Десятникова, оперы В. Кобекина, симфонии, оперы и балеты С. Слонимского и др.), то нередко вместо доброжелательного, заинтересованного, профессионально-компетентного отношения и оценок они вызывают у предвзято настроенной критики (часто слабо разбирающейся в музыке) резкие, необоснованные нападки и суждения.

В свете избранной проблематики особенно актуализируется сегодня проблема профессионализма и дилетантизма. В сфере массовой культуры нередко бытует недооценка в обыденном сознании роли настоящего профессионализма, значимости творческого труда музыкантов (композиторов, исполнителей). Это представление о «легкости» сочинения музыки обусловлено тем, что технические средства сегодня позволяют практически любому человеку (независимо от его музыкальных способностей, таланта, знаний, умений) вообразить, что он может сочинять музыку (с помощью компьютерной, электронной, цифровой аппаратуры) и должным образом исполнять ее. Безусловно, в дилетантском, любительском ключе, эти факты, быть может, не так уж плохи, ибо позволяют массовому слушателю приобщиться к созданию и исполнению музы-

ки. Однако, с точки зрения профессионализма, это профанация, заметное снижение понятий и представлений о том поистине титаническом труде, который необходим для создания и исполнения музыки на высоком художественном уровне. Безусловно, на наш взгляд, насущной задачей современной культуры является повышение престижа высококвалифицированного музыканта-профессионала как композитора, так и исполнителя-сотворца композитора, способного открыть для слушателя тайны бытия Большой музыки.

Решению этой задачи могут способствовать и кардинальные изменения в области музыкального и общегуманитарного образования, в котором постепенно будет исчезать «пропасть» между элитарной и массовой культурами, ибо музыка едина и неделима, в ней, как верно говорил выдающийся композитор А. Шнитке, нет «низких и высоких» жанров. Все решает мера таланта и гениальности композитора, а также высочайшая степень его профессионализма, способность овладеть всей системой музыкальных средств и техник, выработанных к сегодняшнему дню мировой культурой, и на этом фундаменте строить здание собственного творчества, собственную звуковую реальность: «Каждый музыкант, считал А. Шнитке, должен научиться овладеть всем (то есть не только традиционно-авангардистской техникой, но и психологически чужой — например, джазом, битом, фольклорной импровизацией, восточной музыкальной имитацией, магической ритуальной примитивностью и прочим)» [1, с. 204].

В таком направлении, как известно, А. Шнитке шел и в своем творчестве, «все мои поиски, — говорил он в одном из интервью 1984 года, — в направлении преодоления того разрыва, который существует между низким и высоким «штилями», между интонациями прикладных жанров или бытовой музыки и интонациями музыки очищенной, абстрагированно выражающей, может быть, нечто очень важное, строгое, серьезное и возвышенное, но теряющее какое-то реальное подкрепление в отрыве от тех интонаций» [1, с. 316].

О необходимости поиска путей диалога, синтеза в композиторском творчестве академических и массовых жанров справедливо пишет и А. Цукер, размышляя о композиторах так называемого «третьего направления», к которому он относит авторов, синтезирующих черты музыки классической, серьезной с доступностью, простотой, развлекательностью «легкой». Эти композиторы, по мнению А. Цукера, в целом сохраняют лидирующее, «приоритетное» положение в современной культуре, хотя их музыка, подчас, «с трудом вписывается как в эстрадные программы-шоу, так и в академические программы» (отсюда возрастает потребность в создании собственных творческих лабораторий, студий и т.п.) [7].

Таким образом, положение композитора в России остается трудным, во многом зависимым (от спонсоров, издательств, исполнителей и др.), но это не дает оснований говорить о «конце времени композиторов». Безусловно, начало XXI века знаменует собой пограничную ситуацию, когда и российская, и, в целом мировая музыкальная культура в эпоху глобализации и интеграции стоит перед лицом чего-то неведомого, непредсказуемого, перед сменой культурной парадигмы, ставящей в новые, непривычные соотношения такие традиционные антиномии как «устная — письменная», «слуховая — визуальная», «западная — восточная», «элитарная — массовая» культуры. Однако это не должно вести к умалению роли личности композитора как феномена, который в своем особом и неповторимом индивидуальном опыте претворяет не только завоевания и достижения предшествующих эпох, но и намечает пути развития Музыка будущего.

Этот тезис доказывают целый ряд проектных акций, которые были осуществлены в последнее время в России и приурочены к большим юбилейным датам как великих классиков русской культуры прошлого, так и выдающихся композиторов XX и начала XXI века. В их числе серия грандиозных мероприятий (конcertов, спектаклей, научных конференций, выставок и др.), посвященных 175-летию со дня рождения П. И. Чайковского, прошедших в столицах и многих городах России в 2015 году. В текущем 2016 году успешно проводятся интересные, творчески перспективные концерты, спектакли, научные форумы и другие мероприятия в честь 125-летия со дня рождения С. С. Прокофьева. Назову в качестве примера масштабный фестиваль, посвященный С. С. Прокофьеву, прошедший на Южном Урале, в Челябинске, где установлен первый в России памятник великому композитору (скульптор В. А. Авакян). В течение октября 2016 г. на концертных площадках Челябинской филармонии, Института культуры и других организаций прошли разные мероприятия: научно-практическая конференция «Прокофьевские чтения» с участием профессора Московской консерватории, доктора искусствоведения Е. Б. Долинской, ученых из Екатеринбурга, Магнитогорска, Челябинска; проведена серия концертов из произведений Прокофьева (с участием Санкт-Петербургской академической капеллы и других коллективов), а также концерты из сочинений-посвящений челябинских композиторов, явившихся музыкальным приношением композитору. Беспрецедентным событием фестиваля стало исполнение всех фортепианных сонат Прокофьева силами студентов Челябинского института культуры (класс профессора, заслуженного деятеля искусств РФ Е. А. Левитана). Высокий профессиональный уровень исполнения сложнейших по художественным задачам сонат Прокофьева молодыми музыкантами, но особенно Д. Каукиным, заслуживает самых престижных наград, достойных международных конкурсов (ранга конкурса им. П. И. Чайковского).

В Екатеринбурге, в 2015–2016 гг. успешно проведена творческая акция, посвященная большому композитору XX века — Моисею (Мечиславу) Вайнбергу. В Екатеринбургском оперном театре прошли концерты, в которых исполнялись сочинения М. Вайнберга (Восьмая симфония «Цветы Польши» на ст. Ю. Тувима), Д. Шостаковича (13 симфония на ст. Е. Евтушенко) и А. Чайковского («Русский реквием»). Великого Шостаковича Вайнберг считал своим учителем, вот почему влияние гениального симфониста XX века ощутимо в оркестровом стиле Вайнберга, музыка которого отличается серьезностью и глубиной постижения человеческих мыслей и переживаний.

В сентябре 2016 года оперный театр осуществил первую в России театральную постановку оперы М. Вайнберга «Пассажирка», которая актуализировала проблему фашизма, вновь нависшего над миром. Постановщики (дирижер Оливер фон Дохнани, режиссер и сценограф Тадэуш Штрасбергер, художник по костюмам Вита Цыкун и др.) создали волнующий, трогающий за душу спектакль, обращенный к высшим человеческим ценностям: Добра, Любви, Сострадания, погранных, как в годы Великой отечественной и Второй мировых войн, так и в современном мире жестокости, насилия, ненависти и злобы, разрушающих человека и человечество.

Из явлений новой современной музыки безусловно событием стала премьера в Москве оперы С. Слонимского «Король Лир», приуроченная к 400-летию со дня смерти Шекспира (состоялась 6 июня 2016 года). Необычный, ярко оригинальный и самобытный замысел оперы Слонимского, написанной в старинном жанре *drama per musica*, прекрасно воплотил в жизнь (в концертной версии с элементами театрализации) высокоталантливый дирижер Вла-

димир Юровский, знаток и пропагандист новой серьезной музыки (русской и зарубежной), ныне возглавляющий Государственный симфонический оркестр им. Е.Ф. Светланова (режиссер Камерного театра им. Б.А. Покровского М. Кисляров, солисты: М. Михайлов — Лир, Л. Петрова — Корделия, М. Пастер — Шут и другие).

Столь значимое в классической и современной музыкальной культуре личностное, авторское начало, естественно, не исключает дальнейшего развития бесписьменных, неавторских форм творчества (фольклор, духовные традиции, джаз, рок и многие другие виды бытия музыки, исключаящие в самих себе наличие автора как самостоятельной культурной единицы), но это не значит, что потребность в авторстве, индивидуальном композиторском творчестве исчерпала себя и окончательно уступит место новым, коллективным формам творчества. Композиторская деятельность как высшая ступень в развитии музыкальной культуры была и будет неким «маяком» в истории человечества, по крайней мере, в новом столетии. И именно творения композиторского таланта и гения были и останутся наивысшим мерилем достижений человеческого духа и мировой музыкальной культуры. Многие пишут и говорят сегодня о глобальном культурном синтезе, который коснется не только области композиторских техник, но и сфер музыкальной психологии, музыкальной экологии и других явлений, что приведет Музыку как нечто изначально цельное и неделимое к некому гармоничному равновесию всех ее многогранных звуковых полей и погружит в лоно «Новой реальности» (В. Мартынов), полной глубоких сакральных сущностей. И определяющей в этом процессе будет, на мой взгляд, безусловно, роль КОМПОЗИТОРА как духовного проводника высших идей и помыслов на земле.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беседы с Альфредом Шнитке. — М.: Классика XXI, 1994–320 с.
2. Власова Е. 1948 год в советской музыке. Документированное исследование / Е. Власова. — М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2010. — 456 с.
3. Вольные мысли. К юбилею Сергея Слонимского. — СПб.: Композитор — Санкт-Петербург, 2003. — 616 с.
4. Девятова О. Художественный универсум композитора Сергея Слонимского: Опыт культурологического исследования / О. Девятова — Екатеринбург: Изд. — во Урал. ун-та, 2003. — 408 с.
5. Девятова О. Судьба академической музыки в системе духовной оппозиции элитарной и массовой культур / О. Девятова // *Фундаментальные проблемы культурологии*. В 7 т. Т. 4. Культурная политика — СПб.: Алетейя, 2008. С. 285–297.
6. Девятова О. Композитор в системе культуры. / О. Девятова. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. — 184 с.
7. История современной отечественной музыки / Ред.-сост. Е. Б. Долинская. Вып.3. 1960–1990 — М.: Музыка, 2001. — 656 с.
8. Мартынов В. Конец времени композиторов / В. Мартынов. — М.: Русский путь, 2002. — 296 с.
9. Мартынов В. Зона *opus posth* или Рождение новой реальности / В. Мартынов. — М.: Издательский дом «Классика XXI», 2005. — 288 с.
10. Слонимский С. Свободный диссонанс. Очерки о русской музыке / С. Слонимский. — СПб.: Изд-во «Композитор-Санкт-Петербург», 2004. — 144 с.
11. Слонимский С. О прошлом, настоящем и будущем. Монолог после Фестиваля / С. Слонимский. // *Муз. обозрение*. 1994. № 12. С. 11
12. Слонимский С. Взгляд на предыдущее десятилетие. Интервью А. Шнитке и С. Слонимского / С. Слонимский. // *Сов. музыка*. 1992. № 1. С. 25.

© Девятова Ольга Леонидовна (urfo@bk.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭКРАННАЯ КУЛЬТУРА КАК КОНСТРУКТ «ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ»

Кириллова Наталья Борисовна

*Д. культурологии, профессор, Уральский
федеральный университет им. Первого Президента
России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)
urfo@bk.ru*

SCREEN CULTURE AS A VIRTUAL REALITY CONSTRUCT

Kirillova N. B.

Summary. The article explores the screen (electronic) culture as an information age phenomenon, as well as the concept of virtual reality constructed based on this culture. The author argues that the development of diverse form of screen creativity — from cinema to Internet — played decisive role in the democratization of culture and the transformation of media environment. By coopting audio-visual affordances of the cinema, and then of the TV and video, and by augmenting and transforming them, the screen (including the computer display) becomes not only the physical medium of the new type of culture founded on the synthesis of technology and creativity, but also the constructor of the new parallel world, i.e. the «virtual reality». Today, this problem has not only academic, but also social weight, because the global expansion of information and communication technologies embeds them into all aspects of public life and demands thorough attention.

Keywords: information age, audio-visual technologies, virtual reality, screen culture, e-culture, media environment, information and communication technologies (ICT).

Аннотация. В статье рассматривается экранная (электронная) культура как феномен информационной эпохи и сконструированный на ее основе концепт «виртуальной реальности». Автор доказывает, что развитие разных форм экранного творчества (от кино до Интернета) сыграло решающую роль в демократизации сферы культуры и трансформации медийной среды. Именно экран (в том числе и дисплей компьютера), вбирая в себя аудиовизуальные возможности кино, затем телевидения и видео, дополняя и трансформируя их, становится не только материальным носителем нового типа культуры, основанной на синтезе техники и творчества, но и конструктом нового параллельного мира — «виртуальной реальности». Сегодня эта проблема является не только научной, но и социально значимой, так как планетарный масштаб ИКТ делает их включенными во все сферы общественной жизни и требует особого внимания.

Ключевые слова: информационная эпоха, аудиовизуальные технологии, «виртуальная реальность», экранная культура, электронная культура, медиасреда, информационно-компьютерные технологии (ИКТ).

Одним из феноменов информационной эпохи, оказавших влияние на социокультурные процессы во всех регионах мира, стала *экранная культура*. Изобретение в 1895 году кинематографа и стремительное распространение его, затем телевидения, видео, компьютерных технологий, Интернета — все это разновидности единого целого — экранной культуры как своеобразного итога научно-технической революции.

**Экранная культура:
аудиовизуальный синтез**

Экранная культура — это особый тип культуры, основанный на синтезе техники и творчества, материальным носителем текстов которой является экран. И можно согласиться с К.Э.Разлоговым, ведущим исследователем этой сферы, в том, что экранная культура на рубеже XX — XXI веков «становится важнейшим механизмом формирования и трансляции норм, обычаев, традиций и ценностей, составляющих основу различных сообществ людей и массовой культуры в целом» [8, С. 13].

Все это достаточно четко проявляется в разные периоды развития экранной культуры, каждый из которых

выделяется «техническими артефактами, обуславливающими возможности распространения артефактов культурных — произведений экранных искусств» [8, С. 13].

Поэтому вполне естественно, что содержание экранной культуры включает в себя самые разнообразные формы, связанные с кино, телевидением, видео, компьютерным творчеством, системой мультимедиа. То есть по мере совершенствования технических артефактов экран от белого полотна кино эволюционировал к электронной телевизионной трубке и далее — к дисплею компьютера. В процессе этой эволюции экран повышал свою способность передавать изображения. Таким образом, развитие экранных средств отображения реальности определило формирование экранной культуры. А сами термины «экран», «экранирование», «экранная реальность», затем и «виртуальная реальность» — стали центральными и ключевыми понятиями культуры на рубеже XX — XXI веков.

Чтобы глубже раскрыть содержание экранной культуры, попытаемся представить ее как систему культур, среди которых можно выделить кинокультуру, телекультуру, видеокультуру и компьютерную культуру, которые органически взаимосвязаны друг с другом. Что в этом случае

можно считать системообразующим признаком экранной культуры? И.А. Негодаев в качестве такого признака предлагает рассматривать подачу представляемых объектов «в аудиовизуальной и динамичной форме, т.е. в сочетании звука и динамичного изображения» [7]. По его мнению этот признак присущ всем элементам системы «экранная культура» и объединяет их в целостное образование. С этим утверждением нельзя не согласиться. Хотя тексты и фотографии, отображаемые на экране компьютера, SMS-сообщения, хранящиеся в памяти сотового телефона, ролики, прокручивающиеся на городском рекламном дисплее, — эти и многие другие явления современной экранной культуры могут не иметь аудиальной составляющей и подаваться в статичной форме. И все же понятие «экранная культура» тождественно понятию «аудиовизуальная (звукоразительная) культура», так как «обеспечивает включение определенных качеств одних элементов в другие» [7].

Таким образом, можно определить экранную культуру как развивающуюся систему разных аудиовизуальных культур, основополагающим признаком которых является представление информации (текста) в аудиовизуальном аспекте, то есть посредством синтеза экранных изображений и звука.

Об экранной (аудиовизуальной) культуре как феноменальном явлении писали многие исследователи как зарубежные, так и отечественные: Арнхейм Р., Базен А., Беньямин В., Больц Н., Маклюэн М., Делез Ж., Кастельс М., Лотман Ю., Луман Н., Маклюэн М., Кириллова Н., Нечай О., Разлогов К., Шлыкова О. и др. Экранной культуре и экранным видам творчества за последние десять лет посвящены научные конференции и сборники научных трудов [11–14].

За последние три десятилетия стало очевидно, что экранная культура серьезно потеснила печатную (книжную). Взаимодействуя со сложными и противоречивыми социальными процессами, экран сыграл решающую роль в демократизации культуры и в появлении ее новых форм. В результате изменилась социально-культурная ситуация в целом, трансформировалась медиасреда: наряду с локальными средами появилась глобальная.

Развитие аудиовизуальной коммуникации и экранной культуры представляет собой комплексную проблему, поскольку включает факторы и технические (развитие новых медийных технологий), экономические и социокультурные, которые, тесно переплетаясь между собой, приводят к непредсказуемым результатам.

Понятие «экранная культура», как считает К.Э. Разлогов, достаточно многомерное: «Именно экран (в том числе и дисплей компьютера), вбирая в себя аудиовизуально-образные возможности кинематографа (а затем

телевидения и видео), дополняя и трансформируя их, становится материальным носителем нового типа культуры во всех ее формах: информационной, художественной и научной» [9, С. 11].

С теоретической точки зрения экранная культура типологически соотносится с письменной (книжной) культурой, с другой — является продуктом ее эволюции. В книге, о чем бы она ни рассказывала, повествование вытягивается в книжную строчку, поскольку основано на «линейном языке» письма. Появление на книжной странице иллюстрации явило уже новое качество этой страницы (и книги в целом). В данном случае линейный язык письменности сочетается с языком изобразительного (визуального) искусства, этот синтез приводит к рождению кинематографа, сумевшего передать реальную последовательность движений на плоском четырехугольнике экрана. «Ожившая» страница превратилась в экран, который затем с помощью телевидения пришел в каждый дом, став таким же атрибутом бытовой культуры, каким уже давно являлись книга и радио. Наконец, видеомагнитофон предоставил возможность более гибкой обратной связи с экраном, нежели кинематограф или телевидение. Видеокассета, затем DVD, CD — те же явления мировой культуры, как и книга. Процесс совершенствования экранной культуры привел к тому, что персональный компьютер стал восприниматься как «раскрытая» книга.

Новизна экранных форм моделирования реальности обернулись качественно иными социокультурными измерениями компьютерной страницы. Это прежде всего возможность диалога с новым типом книги. Принципиально важное для экранной книги и культурологически знаковое понятие «диалог», связанное с теоретическими трудами М. Бахтина, В. Библиера, Ю. Лотмана, Л. Когана, в трудах по информатике принято подменять не синонимом «взаимодействие», а его калькой с английского «интерактивность». А между тем в культурологии и семиотике, благодаря исследованиям Ю. Кристевой, уже появились термины «полилог» (широкий обмен смыслами, значениями, в которые вступает каждый новый автор и каждый новый текст) и «интертекст» (взаимодействие между текстами), которые «поднимают на качественно новую ступень бахтинскую полифонию» [5, С. 14–21]. Компьютер, благодаря наличию информационных сетей, становится важнейшей составной частью глобального полилога, новым динамизированным способом бытия экранной культуры.

Настоящее призвание экранной культуры — открытие новых социокультурных ниш, освоение которых классической культурой невозможно как по технологическим причинам, так и из-за традиционалистских форм мышления. В то же время экранная культура может развиваться только в неразрывном контексте трех культур: письменной, визуальной и аудиальной.

Сегодня экранная культура берет на себя доминирующую роль, частично «съедая» книжную. Экранная культура имеет более широкий ареал распространения и более тесную обратную связь между контактирующими сторонами, между творцами культурных ценностей и их потребителями.

Экранная культура и виртуализация реальности

Что же привнесла с собой экранная культура? Прежде всего новый тип общения, основанный на возможностях свободного выхода личности в «информационное пространство». Свободное распространение информации сделало медиапространство постоянным местом встречи людей, ищущих созвучие себе в бескрайнем информационном мире, позволило ощутить специфику многомерности разных культур, стало основой нового мышления.

Приоритетность экранной культуры возросла во всем мире. А всемирная паутина Интернет стала глобальным коммуникационным «зеркалом-экраном» жизни всей планеты. В начале третьего тысячелетия появилась особая порода людей, живущих более в виртуальном мире Интернета, нежели в мире реальном.

В предисловии к русскому изданию своей книги «Галлактика Интернет» американский социолог М. Кастельс подчеркнул, что «в России происходит одновременно несколько переходных процессов. Один из самых значимых — технологический и организационный переход к информационному обществу. Богатство, власть, общественное благополучие и культурное творчество России XXI века во многом будут зависеть от ее способности развить модель информационного общества, приспособленную к ее специфическим ценностям и целям» [2, С. 5].

Вместе с тем Интернет — это явление культуры, оказавшее влияние и на политику, и на сферу коммуникаций. «Интернет изначально создавался как средство свободной глобальной коммуникации», — утверждает Кастельс. — Это не просто метафора, это технология и орудие деятельности» [2, С. 6–7].

Особое внимание социолог уделяет «культуре реальной виртуальности», посвятив этой проблеме и предшествующую свою работу «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» [3].

Проблеме разнообразия культур в сети Интернет, его сохранения и использования при создании обществ знаний посвящена Всеобщая декларация ЮНЕСКО «О культурном разнообразии». В ней, в частности, говорится, что «киберпространство» — это не только среда существования и распространения информации, но и средство осу-

ществления коммуникации и обмена взглядами. Разнообразие информации в Интернете о различных культурах и ценностях позволяет человеку, оставаясь носителем своей культуры, представлять ее другим людям, и в свою очередь, знакомиться с другими культурами и испытывать их влияние» [6, С. 11].

Поэтому важнейшей задачей информационной эпохи является необходимость «найти баланс между защитой этнических и экономических прав авторов и сохранением общественного доступа к литературным произведениям, научным и художественным работам, а также к услугам в области культуры» [6, С. 20–24].

Наличие общедоступных сетей Интернета и услуг, предоставляемых с помощью этих сетей, является первым необходимым условием для того, чтобы все граждане могли извлечь пользу от использования информации, находящейся в Web. Значительная часть всемирного наследия человечества составляет содержание, известное как «информация, относящаяся к общественному достоянию». Этот огромный массив знаний, частично созданный правительствами, общественными учреждениями и международными организациями, есть в каждой стране, представляет разные культуры и существует на разных языках.

Отсюда и цель ЮНЕСКО — «содействовать распространению идей о необходимости соблюдения баланса интересов и равноправия в информационном обществе, о том, что свободный доступ к информации и сохранение языкового и культурного разнообразия является, прежде всего, политическим выбором, а также о том, что такой выбор является единственно возможным выбором просвещенного общества» [6, С. 29].

Виртуальная реальность и виртуальная культура

На протяжении всей человеческой истории людей интересовало существование параллельных, иных миров, в том числе созданных искусственно. Однако только в эпоху технических революций, бурного развития ИКТ, появилась потребность в более глубоком изучении процессов конструирования новой реальности. На волне внимания к проблемам искусственной (виртуальной) реальности французский философ, социолог, писатель Ж. Бодрийяр в романе «Симуляции» еще в 1983 году писал:

«В современном мире доминируют симуляции — смоделированные опыт и чувства, и мы уже потеряли способность воспринимать реальность саму по себе. Наш опыт состоит из «обработанных» реальностей. Определением реальности стала фраза: то, чему можно создать эквивалентную копию. Реальность сегодня — это не то, что мож-

но скопировать и воспроизвести, это то, что уже воспроизведено. И это гиперреализм: т.е. симуляция» [4, С. 245].

Заметим, что Бодрийяр в качестве примера упоминает вовсе не виртуальную реальность, а главное средство массмедиа второй половины XX века — телевидение, формирующее существенную часть реального мира для современного человека. Однако под «симуляцией» Бодрийяр все-таки имел ввиду реальность виртуальную, иллюзорную.

Понимание «виртуальности» как инобытия и ее осмысление предпринималось еще в античности. А в 1990-е годы понятия «виртуальная реальность», «киберпространство», «виртуализация сознания» и др. стали настолько модными трендами, что сегодня без них трудно представить социокультурную сферу — будь то теоретические исследования или практика реального бытования [4, С. 245].

«Философско-культурологическое осмысление виртуальности,— считает Д. Усанова,— может быть представлено как динамика следующих ключевых вариантов прочтения: 1) виртуальность как инобытие, несуществующая реальность; 2) виртуальность как непознанная реальность; 3) виртуальность как утопия — идеальная реальность; 4) виртуальность как внутренний мир, субъективно-переживаемая индивидом реальность; 5) виртуальность как мнимая, имитационная реальность («псевдореальность»); 6) виртуальность как информационно-техническое пространство — киберпространство: технически-опосредованная среда, как информационный ресурс современного общества, как медийная среда культуры» [10].

Актуализация виртуальности оказывает значительное влияние на современную культуру, способствует переходу общества к «сетевому» (М. Кастельс) типу существования, установлению прямых и равноправных связей «всех со всеми», обеспечивая возможности более точного, оперативного учета личностных запросов институциональными структурами.

При этом современные гуманитарные науки все больше акцентируют внимание на изменчивости и нестабильности реальности — на том, что «виртуально», то есть связано с духовно-символическими образованиями. Более того, можно констатировать, что игра, иллюзия, случай как вариации псевдореального существования «становятся мировоззренческими доминантами современной культуры; все превращается в элемент... азартно-игрового проживания: коммерция, политика, социокультурные практики» [10].

Что касается «киберпространства», то этот термин впервые был введен писателем У. Гибсоном в романе

«Neuromancer» (1984). В этом научно-фантастическом произведении описано киберпространство, основанное на прямой «нейросвязи», ведущей от мозга к мозгу. В мозг главных героев вмонтированы электронные устройства и датчики, позволяющие им быть частью компьютерной киберсети: иметь доступ к данным, оперировать ими.

Постепенно «киберпространством» стали называть пространство, созданное всемирной телекоммуникационной сетью, а также компьютерными системами связи. По мнению Н. Петровой, «киберпространство является значимой базой современных систем виртуальной реальности, обеспечивая интерактивность взаимодействия. Киберпространство активизирует творческое воображение пользователей» [8, С. 385]. Вначале, когда очередное киберизобретение еще не было поставлено на поток, его пользователями являлись его же создатели, то есть профессионалы, хорошо понимающие и, как правило, самостоятельно совершенствующие новую кибертехнологию. Они относились к новой технологии критически, творчески преобразуя и развивая киберпространство, сначала подражая реальному миру, а затем — создавая разные виртуальные реальности.

В какой-то момент технология, ранее бывшая объектом и материалом для исследований избранных специалистов, приобретает простой интерфейс и массовые приложения. И тогда она стала доступна обычному пользователю, который в устройстве «киберпространства» ничего не понимает и воспринимает представленную ему в привлекательной упаковке форму киберпространства — конкретную виртуальную реальность — как нечто законченное, совершенное, обладающее неведомыми силами и даже «мыслящее».

Будучи пространством «свернутых» виртуальных реальностей, киберпространство может пробуждать творческие и психологические ресурсы не только профессионалов, но и обычных пользователей компьютера и Интернета, только надо начать осваивать киберпространство критически и творчески, не придавая ему никаких «мистических» черт. Именно это и подчеркивает М. Кастельс в указанном выше исследовании «Галактика Интернет».

«И все-таки — это инструмент или игрушка?» — спрашивает немецкий медиолог Н. Больц, размышляя о компьютерных технологиях и предлагает свою точку зрения. «Компьютер — это артефакт, который полностью может быть описан функционально; все его свойства имеют организованный характер. Поведение компьютера определяется, следовательно, функциями его компонентов. И куда он функционирует, ссылки на какие-то аспекты его устройства просто неинтересны. Поэтому «взять и попробовать» — всегда хороший совет.

В случае техники, которую легче использовать, чем объяснить, игра — лучший способ понимания. Это относится не только к компьютеру, но и к цифровым фото и видеокамерам и мобильным телефонам. Инструменты они или игрушки? Вопрос поставлен неверно. Эти технологии медиа нужно, играя, познавать, чтобы раскрыть их инструментальный потенциал.

Поэтому дети так легко осваиваются в новой медиареальности. Книга помогает образованию взрослых, компьютер способствует обучению детей. Они сразу чувствуют, что все товары, от коммуникационных технологий до развлекательной электроники, представляют собой не инструменты, а фетиши и игры. Игра, следовательно, — прямая дорога в цифровой мир. Медийную компетентность человек приобретает, не читая руководства по применению, а получая удовольствие от использования программ» [1, С. 89–90].

Исходя из концепции психологического подхода, виртуальная культура характеризуется как набор поведенческих стереотипов и мотиваций, обеспечивающих коммуникацию внутри гиперреальности. Виртуальная культура в данном случае может быть понята через индивидуальный мир представителя виртуального пространства, своеобразную компенсаторную мотивацию восполнения реальности.

Проанализировав особенности экранной культуры, мы рассмотрели не только процесс ее трансформации — от кинокультуры к телевизионной культуре, видеокультуре, компьютерной и Интернет-культуре, но и выявили, что именно экранная культура является не чем иным как

конструктом виртуальной реальности и соответственно виртуальной культуры как особой среды обитания современного человека. Отличительными, специфическими чертами виртуальной культуры, позволяющими «киберпутешественникам» создавать свой виртуальный мир являются: возможность для личности самостоятельного моделирования виртуального пространства через собственный сценарий; личностная основа виртуальной культуры (так как у каждого потребителя Интернета она своя); открытый характер внутрикультурной мобильности.

Вместе с тем виртуальная культура может быть рассмотрена как часть культуры реального мира, развивающаяся по аналогичному сценарию, однако имеющая свои отличительные черты и свое специфическое пространство. Опираясь на логику структурно-функционального подхода, можно определить и ключевые функции виртуальной культуры: информационную, познавательную, коммуникативную, компенсаторную, креативную, интеграционную, посредническую и функцию социализации личности. И можно согласиться с теми исследователями, кто в качестве ведущей определяет функцию компенсаторную, сущность которой видится в особой «философии восполнения», то есть того, что не достает в объективной реальности, но необходимо для восприятия личностью ценностно-идеального (мифологического) мира.

Но анализ этих процессов относится не столько к сфере культурологии, сколько к сфере психологии познания человеком окружающей его реальности. А это уже другая тема исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Больц Н. Азбука медиа. — М.: Европе, 2011.
2. Кастельс М. Галактика Интернет. — Екатеринбург: У-Фактория, 2004.
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономики, общество, культура. — М.: ГУВШЭ, 2000.
4. Кириллова Н. Б. Медиалогия. — М.: Академический проект, 2015.
5. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. — М.: РОССПЭН, 2004.
6. Культурное и языковое разнообразие в информационном обществе. — СПб.: ЮНЕСКО, 2004.
7. Негодаев И. А. Информатизация культуры [Электронный ресурс]. — 2002. Режим доступа: http://polbu.ru/negodaev_informculture/ (дата обращения 18.11.2016 г.)
8. Новые аудиовизуальные технологии/Под ред. К. Э. Разлогова. — М.: Едиториал УРСС, 2005.
9. Основы продюсерства. Аудиовизуальная сфера/Под ред. Г. П. Иванова и др. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003.
10. Усанова Д. О. Виртуальная культура как феномен современности и репрезентация ее в субкультурных практиках//Теория и практика общественного развития № 11 (2013)/Электронный ресурс: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2013/11/kulturologiya/usanova.pdf.
11. Экранная культура в современном медиaprостранстве / Под ред. Кирилловой Н. Б. — Екатеринбург: Ур. рабочий, 2006;
12. Электронная культура и экранное творчество/Под ред. К. Э. Разлогова. — М.: Академич. проект, РИК, 2006;
13. Экранная культура. Теоретические проблемы: сб. статей/Под ред. К. Э. Разлогова. — СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2012;
14. Кириллова Н. Б. Аудиовизуальные искусства и экранные формы творчества. — Екатеринбург: УрФУ, 2013 и др.

© Кириллова Наталья Борисовна (urfo@bk.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТРАНСФОРМАЦИИ КУЛЬТУРНЫХ МОДЕЛЕЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

TRANSFORMATIONS OF CULTURAL MODELS OF MODERN RUSSIA

S. Komissarenko

Summary. In article the modern sociocultural processes connected with change of models of domestic culture are analyzed. The author researches, the problems connected with the withdrawal tendencies arising recently from the American-western cultural model and its consequences in Russia. In article transition in new cultural model of modern society which is also integrated to a number of the problems transforming development of domestic culture is also considered.

Keywords: transformation, crisis, cultural model, values, ideas, ideals.

Комиссаренко Светлана Сергеевна

*Д. культурологи, доцент, Санкт-Петербургский
Гуманитарный университет профсоюзов
komissarenko07@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируются современные социокультурные процессы, связанные со сменой моделей отечественной культуры. Автор исследует, проблемы, связанные с возникающими в последнее время тенденциями отхода от американско-западной культурной модели и ее последствиями в России. В статье также рассматривается переход в новой культурной модели современного общества, который также сопряжен с целым рядом проблем, трансформирующих развитие отечественной культуры.

Ключевые слова: трансформация, кризис, культурная модель, ценности, идеи, идеалы.

Сегодня со всей очевидностью можно констатировать факт распада западно-европейской модели развития отечественной культуры, которая была безоговорочно принята в 90-е годы XX столетия социально-культурной практикой. Но, как бывает в реальной жизни, смена политико-экономических ориентиров последних двух лет быстро отразилась на культурных процессах, которые способны порождать трансформирующие процессы по основным критериям: ценности, идеи и идеалы. Любое человеческое сообщество принимает в первую очередь те ценностные ориентиры, которые отражают бытие в реально-очертанном времени, поскольку в них всегда возникает необходимость. Существование в российском культурном пространстве почти два десятилетия западно-европейской, а более в конкретном выражении — американско-европейской модели, успело оставить в наследство не только положительные тенденции в развитии культуры, но и отрицательные ориентиры, связанные в первую очередь с формированием потребительской культуры, вирус которой поразил сегодня большинство россиян. В свое время ученые В.В. Ильин, А.С. Панарин и А.С. Ахиезер предупреждали об этом. Так, в частности, они писали, что «западная цивилизация в своем влиянии на мир работает как редукционистская система в двояком смысле: посредством модернизации-вестернизации снижает социокультурное разнообразие мира; посредством секуляризации, принявшей форму всемирного «потребительского общества»; оспаривает духовные ценностные иерархии, защищаемые великими религиями. <...> Вестернизация, накрывшая Россию, дала результаты: деморализацию, денационализацию, предельная популяризация» [1].

Сегодня западная модель уже утратила свою востребованность, а насаждаемые ею ценностные объекты остались. Они закрепились в общественном самосознании в виде «**потребительской модели**». В этом противо-

речии и существует сегодня отечественная культура. Так, например, именно в 90-е годы, с одной стороны, произошло освобождение от материалистического понимания мира и приоритета бытия, а с другой стороны, на всех эмпирических позициях идеалистическую философию духа побеждает в чистом виде материализм. Смысл жизни опирается на мощные материальные основы, создающие не идеалы, а идолов в виде успеха, благополучия, где главным культом являются деньги. Идеалы коммунизма сменились идеалами демократии. Но демократия не имеет идеалов личностей, здесь масса определяет идеи. Поэтому массовая культура становится сегодня приоритетной. Доминанта «всех» исключает самобытность «единиц». А неравномерность экономическая, утилитарная детерминирует над неравномерностью духовной. Общество, обретя свободу от духа, веры, устремилось к стяжательству, накопительству, внешнему благополучию. Оно не нуждается сегодня в идеях, ибо его существование вполне может быть без идейным. Но с точки зрения собственных материальных выгод и интересов, общество вполне может считаться идейным. В границах «потребительской модели» появляются ее разновидности в виде **неязыческой модели** культуры. Она характеризуется направленностью на удовлетворение первичных потребностей. При этом наиболее значимыми выступают материально-вещественные, потребительские ценности. Престиж овладения ими перекрывают и модифицируют иные этажи потребностей. Стремление к овладению престижными квартирами, машинами, дачами, коттеджами становятся главными в определении смыслов жизни. Личностные качества представителей данной модели связаны лишь с материальными успехами человека, а не с его духовными достижениями. Рыночная экономика изменила не только качество жизни, но и самого человека. На первый план выдвигаются экономические ценности и смысл жизни видится в ракурсе «экономических интересов

и выгод». Приоритет сильного и состоятельного человека определяет высшую шкалу ценностей. Данное распределение ценностных ориентиров нравственно развращает одних, внутренне опустошает других. Безнравственность становится критерием в определении качеств человека. За чертой социокультурного развития остаются все те, кто не вписался в капиталистические условия жизни, а остался на его периферии, «презираемыми» теми, кто достиг материального благополучия, ценой, которая уже мало кого интересует. Буржуазные ценности признаются общественно-значимыми, а духовно-нравственные игнорируются. Неоязыческая модель навязывается российскому обществу мощной атакой различных средств массовой информации, агрессивной рекламой, активными формами PR, врывающимися в жизнь каждого отдельного человека, и заставляющая его принимать буржуазный стиль жизни, формировать потребительское самосознание. Стихия рыночных отношений заполняет социально-культурное пространство. Фетишинизация российского общества, проявляющаяся в стремлении обустроить свою жизнь и достичь во что бы то ни стало огромных материальных благ выступает сущностью данной модели.

Поиск духовных опор демократического общества (равность как заданность) наталкивается на внутреннюю пустоту человека. Отсутствие веры в надличные, высшие силы является следствием отсутствия напряженной духовной работы у целых поколений россиян, чья вера в идеалы равенства также была разрушена, как в свое время была разрушена вера в божественный смысл жизни. Бездуховность стала нормой жизни. Не имея ценностных духовных ориентиров, общество не в состоянии разрешить конфликт между духовностью и бездуховностью. На этом «ничейном поле» появилась **дионисийская модель**. Характеризуя ее сущность, Ф. Ницше пишет: «ближайшая аналогия дионисийского похмелья. В ней постепенно тает субъективное, достигая полнейшей самозабвенности» [2]. Уход от реальности жизни в сферу неоправданного гедонизма, устремленность к чувственным наслаждениям, граничащим с проявлением деструктивных моделей поведения, свидетельствует о разрушительной сущности данной модели. Сегодня она принимает неприглядные формы жизнеустройства, где социальная безответственность становится нормой. Наиболее крайние формы проявления этой модели находят отражения в различных «фрик-культурах», которые воссоздает «неотесанно-грубые» удовольствия вплоть до «уродливости и извращения» (Ф. Ницше).

Воздействие представителей духовной культуры продуктивно только в том случае, если оно отвечает вызовам современности. Божественная идея духовности не находит отклика у целых поколений россиян, воспитанных на атеизме. Демократическое правление оставляет многих на нейтральном поле жизненного пространства. В силу отсутствия духовных потребностей, они не принимают идею веры

в Христа, но при этом отрицают веру в прежние коммунистические идеалы. Отсутствие потребности веры рождает людей «не имеющих Бога в себе». Эти условия формируют **«натуралистическую или гуманистическую» модель культуры**. Основная ее направленность связана с освоением либеральных ценностей. Данная модель состоит из различных направлений: атеистического гуманизма, либерально-религиозного (отрицающего традиционные религии), светского или секулярного, планетарного гуманизма. Представители гуманистической модели утверждают гражданские свободы и демократические права личности, отстаивают право индивидов на самоубийство, аборт, разводы, эвтаназию и сексуальную свободу [3]. В этом заключается «аксиологическая» квинтэссенция модели.

Сегодня отказ от американско-европейского влияния порождает поиск новых моделей культуры в России. Интенсивно идет процесс формирования российской модели отечественной культуры, которую условно можно назвать **культурно-исторической**. В ее основе находится стремление к переосмыслению исторического прошлого России, ее истоков и роли в развитии, как отечественной культуры, так и ее влияния на мировую культуру вообще. Становление этой модели требует переосмысления культурного опыта прошлого и его переложения на день сегодняшний в виде своеобразной «аранжировки». Это наблюдается в целом ряде культурных событий, свидетелями которых мы являемся. Открытие в Москве памятника Киевскому князю Владимиру, создание отечественными кинематографистами исторических фильмов о прошлом России, появление новых литературных произведений и т.д. Однако, историческое прошлое России оказалось тем камнем преткновения, где сами исторические факты стали подменяться мифами и легендами, а великими героями вдруг стали личности, чей вклад в развитие культуры весьма сомнителен.

История России составляет мощный и богатый пласт отечественной культуры, в которой проблемы антропологии и аксиологии приобретают доминирующее значение и способствуют выражению ее национальной самобытности, а также проявлению национального своеобразия. Они воздействуют на самосознание отечественной культуры самим фактом существования, без которых нельзя рассматривать становление и развитие культуры. Модели отечественной культуры создают личности, где главным критерием являются их лучшие качества. Вся отечественная культура персоналистична ориентирована. Выдающиеся люди оставляли отпечаток индивидуальной незаурядности на лике эпох, в которой они трудились, мечтали, творили. Они являли собой символ времени и выражали концентрацию всей его духовной мощи. Современники формировали целостные мировоззрения непосредственно под влиянием ярких, всеосвящающих личностей, чей авторитет был абсолютен. Такова эпоха Пушкина, Достоевского, Толстого и целого ряда уникальных русских

философов конца XIX и начала XX века. В отечественной философско-культурологической мысли понятие «идеала» рассматривалось в неразрывной связи с нравственным началом в человеке. Неразрывность понятий «идеала» и «нравственности» восходит к традиции русской философии, где духовность вообще не рассматривалась вне их единства. Размывание сегодня «ценностное поля» российской культуры фиксирует отсутствие в общественном сознании людей, обладающих духовным авторитетом, одинаково признаваемым всеми слоями и группами социума. Примеров здесь множество. Это и памятник Иоанну Грозному в Орле, поставленный без научной историко-культурной экспертизы и широкого общественного обсуждения и мемориальная доска маршалу Карлу Маннергейму, а также совсем недавно установленная в Санкт-Петербурге памятная доска адмиралу Александру Колчаку. Все это вызывает большие проблемы в процессе становления культурно-исторической модели.

Процессы деисторизации разрушают и без того тонкие нити преемственности культурных российских традиций. Драматизм XX столетия принес России две мировые войны и две революции, последняя революция «разрушив все до основания», предала забвению социокультурные основания прошлого, целенаправленно и методично лишала нацию исторической памяти. Вернуться к истинной

памяти, как показывает время, оказалось очень сложно. Любые модели в системе отечественной культуры не имеют социальной динамики с точки зрения ярко выраженного прогресса, понимаемого как наивысшего подъема, расцвета и бесконечного обновления. Поскольку за прогрессом всегда следует упадок, происходит истощение духовных запасов общества и наступает рецессия человеческих ресурсов. Своеобразие культурных моделей заключается в том, что они подпитывают основное тело культуры, поддерживают ее функционирование как равно движущегося процесса. Культурные модели не ориентированы внутрь себя, они всегда экстровеерны, их предназначение служит всему обществу, а не отдельным группам. Наиболее плотное сосредоточение духовных личностей в определенные периоды истории отечественной культуры дает наиболее продуктивные результаты ее деятельности и, данное уплотнение напрямую связано с интенсивностью ее функционирования. А отсутствие духовных лидеров ведет к духовному застою. Именно сегодня можно констатировать время культурного застоя. Однако, культура никуда не исчезает и никогда не находится в точке замерзания. Она имеет самовоспроизводимые ресурсы, поэтому время ее расцвета наступит только тогда, когда ее воспроизводимые силы способны будут вновь заявить о себе, как это было не раз в России, где наивысшими периодами расцвета являлись «золотой» и «серебряный» век отечественной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильин В. В., Панарин А. С., Ахиезер А. С. Реформы и контрреформы в России: циклы модернистического процесса // В. В. Ильин, А. С. Панарин, А. С. Ахиезер — М.: Изд-во МТУ, 1996. — С. 260, 314.
2. Ницше Ф. Рождение трагедии / Ф. Ницше — М.: Ad Marginem, 2001. — с. 69
3. Humanism. al. ru|ru| articles. phtml?num =000142 [Электронный ресурс. Дата обращения 25.11.2016]

© Комиссаренко Светлана Сергеевна (komissarenko07@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

METHODOLOGICAL PROBLEMS IN THE STUDY OF CULTURAL HERITAGE IN THE CONTEXT OF THE CONTRADICTIONS OF MODERN CULTURE

V. Kurгуzov

Summary. In article the most important problems concerning theoretical and methodological judgment of a phenomenon of cultural heritage are considered. Its reflection is performed against the background of the analysis of contradictions of development of modern culture. Affirms that in implementation of a phenomenon of cultural heritage and the social memory expressed in it it is necessary, a compromise between formal and informal figurativeness, the scientific and spontaneous knowledge directed by the analysis and the personal and emotional relation. Flows, massifs, amounts and forms of cultural heritage shall keep all variety and shades of the past and the present for the future, and methodological issues of a correctness of broadcast of values of cultural heritage in society shall become a subject of special cultures — philosophical and culturological researches.

Keywords: person, culture, society, humanity, contradiction, heritage, tradition, globalization, region.

Кургузов Владимир Лукич

Д. культурологии, профессор, член Международной комиссии исследований культуры ЮНЕСКО, Заслуженный работник высшей школы РФ, Заслуженный деятель науки Республики Бурятия, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления vlkurгуzov@rambler.ru

Аннотация. В статье рассмотрены наиболее важные проблемы, касающиеся теоретического и методологического осмысления феномена культурного наследия. Его рефлексия осуществляется на фоне анализа противоречий развития современной культуры. Утверждается, что в реализации феномена культурного наследия и выраженной в нем социальной памяти нужен, компромисс между формальной и неформальной образностью, научным и стихийным знанием, направленным анализом и личностно-эмоциональным отношением. Потоки, массивы, объемы и формы культурного наследия должны сохранить все многообразие и оттенки прошлого и настоящего для будущего, а методологические вопросы корректности трансляции ценностей культурного наследия в обществе должны стать предметом специальных культур-философских и культурологических исследований.

Ключевые слова: человек, культура, общество, гуманитарная наука, противоречие, наследие, традиция, глобализация, регион.

Одна только мысль о том, что у нас есть наследие, делает нас сильными и богатыми

Д. С. Лихачев

Культура, как одна из важнейших форм бытия человека — феномен, безусловно, социальный, возникший в результате общественного развития, являющийся продуктом истории и, одновременно, частью его содержательного наполнения. Любой человек, приходя в этот мир, погружается в культуру, которая его окружает, и на определенном этапе обогащает ее своим вкладом. Иными словами, он проходит поэтапно процессы адаптации и интеграции в культуру.

Вместе с тем, существует мнение, что некий объем социально — культурной информации передается человеку, вступающему в этот мир, на генном уровне, но большинство ученых считает, что это не так. «В генах нет ни грана культуры», — подчеркивает известный американский культур — антрополог М. Мид. Но, как бы там, ни было, ясно одно, что человек с самого начала своей жизни знакомится с **культурным наследием** прошлого, чтобы адекватно ощущать себя в новом мире.

Выделив методологические проблемы изучения культурного наследия в качестве предмета изучения в данной статье, автору необходимо, прежде всего, обосновать сущность самого феномена культурного наследия и проанализировать его категориальный аппарат, и шире — терминологический круг проблем, которые с ним связаны. Учитывая объективную неизбежность такого обоснования необходимо изначально выделить, по меньшей мере, **три** препятствия, стоящих на пути любого аналитика, поставившего пред собой подобного рода задачу.

Во-первых, не следует забывать о том, что, не разработав соответствующий понятийный аппарат, хотя бы на уровне рабочих, операционных определений и дефиниций, вряд ли существует какая-либо возможность продуктивно исследовать ту или иную проблему. Мудрая мысль Декарта: «Определите значение слов, и вы избавите человечество от половины заблуждений» — справедлива и до сих пор. Ведь, что, значит, дать определение чего-то или кого-то? Это четко обосновать принципиальные различия одного объекта от другого. Без этого никакое продуктивное исследование, просто, не состоится. Разумеется — эта задача непростая,

особенно относительно определений сложных систем, какой и является сама культура. Однако решение этой проблемы фатально неизбежно в деятельности любого аналитика.

Во-вторых, как справедливо отмечает отечественный философ Н.Л. Гинделис в своей работе «К вопросу о демаркации традиционного и нетрадиционного знания»: «Всякие определения омертвляют живую плоть определяемого и, препарировав уже мертвое тело, выделяя его существенные (не существо, но суть) характеристики, тем самым лишают его главного — Духа». [4, с. 13]. Быть может, именно поэтому в отношении объекта нашего исследования пока еще не имеется четких дефиниций. Разумеется, феномену культурного наследия даются отдельные характеристики, но они чаще всего вырисовывают лишь смутный образ представлений отдельного автора по данному вопросу.

Да и как можно обозначить черты культурного наследия, охватывающие самые различные, обширнейшие и разноплановые временные пласты, когда даже несравненно более узкий круг близких к нему феноменов, таких как «культурное наследование», «культурная память» или его антитеза — «культурное забвение» не всегда и не всеми понимаются однозначно.

В-третьих, дать определение феномена «культурное наследие» так же сложно, как и дать определение самой культуре как суперсистеме высшего порядка. Бывший директор Института культурологии РАН, профессор К.Э. Разлогов в свое время признавал, что «...в обиходе, наряду с **двумя тысячами** (выделено мной — В.К.) определениями культуры, есть два основных понимания культуры, которые далеко не всегда пересекаются друг с другом. Одно понимание узкое, скорее ведомственное, но очень широко распространенное в обществе — это культура как совокупность искусств и культурного наследия... С другой стороны, есть широкое понимание культуры, которое сейчас характеризуется модным термином «антропология»... В антропологическом понимании культура — это, в первую очередь, совокупность обычаев, нравов, традиций, ценностей, которые характеризуют то или иное общество, и в этом широком смысле, разумеется, культура есть последняя из забот тех людей, которые занимаются культурой в узком смысле слова». [7, с. 15].

Вряд ли стоит забывать и о том, что категория культурного наследия уже сегодня структурируется культурологической наукой: на наших глазах возникает галатика всевозможных культурных наследий: мировое или общечеловеческое, общероссийское, региональное, национальное, этническое, культурное наследие отдельных эпох, выдающихся личностей, литературное, худо-

жественное, музыкальное, театральное, эстетическое, нравственное, историческое и т.д.

Осознавая вышесказанное, попытаемся начертить, хотя бы и приближенную схему, систематизировав отдельные представления о культурном наследии, которые, безусловно, не могут исчерпать многоликости живого целого. При этом, мы полагаем, что решение этой задачи — не тот случай, когда, как говорится, стоит с ходу «брать быка за рога» — давать свое определение культурного наследия. Мы сделаем предпочтение другому подходу — с помощью методов дедукции и компаративистики, хотя бы кратко, проанализируем сначала пограничные, родственные, близко лежащие к этому феномену категории, каковыми, на наш взгляд, являются: культурное **наследование**, культурная **память** и культурное **забвение**.

Начнем с культурного **наследования**. Уже при ближайшем рассмотрении бросается в глаза то, что значение слов «наследие» и «наследство» достаточно близкое друг к другу. Оба этих слова характеризуют объект исследования, которым является совокупность результатов прошлой деятельности человечества, а их разделение возможно лишь в результате договоренности. При этом, — как справедливо замечает С.П. Калита, — «... весьма часто под **«наследством»** понимают некую **совокупность опредмеченных результатов** прошлой деятельности, а термин **«наследие»** используют для характеристики **совокупности смыслов**, придаваемых прошлому актуальной культурой». [6, с.191].

Вполне очевидно, что в широком плане речь идет не только об артефактах, но и о нематериальном т.е. **духовном** культурном наследии. Можно сказать и так: **наследство** — это (в широком смысле) предметы, **артефакты** культуры, а наследие — связанные с ними **смыслы** в системе культуры.

В ретроспективных размышлениях о прожитых человеком или обществом годах, мы нередко убеждаемся в неоднозначности оценок сделанного, ибо **частное** прошлое никогда нельзя оторвать от контекста **общего**, от политической и социо-культурной обстановки на фоне которой и протекала вся наша деятельность. Более того, этот фон во многом определял все смыслы и суть этой деятельности. Таким фоном практически всегда являются тенденции развития мировой и отечественной культуры, что дает нам основание сегодня оглянуться назад, кратко охарактеризовать проблемы настоящего и заглянуть в наше будущее. При этом полезно оценить не только значимость приобретенного культурного наследия прошлого, но и взвешенно отнестись к анализу проблем и противоречий современной культуры, в рамках которой мы действуем сегодня.

Иными словами, не разобравшись в особенностях **общего**, мы обречены на ошибки в достижении **частного**. Так, какими же особенностями характеризуется современная мировая культура, в чем заключаются основные противоречия и проблемы ее развития, без учета которых вся наша деятельность с какими бы успехами она не осуществлялась, всегда превратится в схоластику и абсурд?

Первый вывод, который мы обязаны сделать тот, что после тысячелетий относительно замкнутого существования мировые цивилизации вышли на путь всестороннего сближения. Движение на этом пути становится год от года все более стремительным, а главной движущей силой стала цивилизация Запада с ее динамизмом, невиданной экономической мощью и всеми соблазнами свободы.

Претензий к западной культуре немало, но будем, все же, справедливы: культура Запада внесла решающий вклад в сокровищницу мировых человеческих ценностей таких как: Закон, Гражданское право, Парламентская демократия, Разделение законодательной, исполнительной и судебной властей, местное самоопределение, отделение церкви от государства, уважение прав человека, его личная и имущественная неприкосновенность, отмена внеэкономического принуждения, рыночная экономика, свобода предпринимательства, а также интеллектуальная и духовная свобода слова, собраний, печати, вероисповедания и т.д. Смело можно сказать, что в борьбе с феодальным варварством европейская культура создала то лучшее, чем мы вправе гордиться.

Вряд — ли кто-то будет отрицать и вывод о том, что проблема достижения земных благ была во многом успешно решена, именно, на Западе. Технический и научный прогресс обеспечил материальный комфорт, нужное качество и количество товаров. Были побеждены мировые болезни — оспа, чума, холера. Человек завоевал право на безопасное одиночество. Он добился защиты своей личности и своего имущества от посягательств кого бы то ни было... Однако, это только блестящая сторона медали. Есть и другая сторона, зловещие очертания которой все более проступают в наше время. Облик этой стороны медали во многом объясняется тем, что западная культура практически неразделима с развитием **потребительского эгоизма**.

Для дальнейших рассуждений нам важно подчеркнуть, что потребительский эгоизм это такое качество, которое всегда осуждается культурным наследием народов всей Евразии и Востока в целом. Практически, бесполезно искать хоть одну, например, русскую, монгольскую, китайскую пословицу, сказку, песню, бурятский улигершен или эпос, в которых бы не осуждался этот по-

рок. Наоборот, во все времена ценностями культурного наследия восточных народов были щедрость, гостеприимство, хлебосольство, взаимовыручка и т.д.

Что нам делать с этим противоречием в ближайшем будущем, если даже путей ее разрешения у нас всего два: либо пополнить нашу сокровищницу культурного наследия новой ценностью в лице потребительского эгоизма, либо оставаться верным своим традициям, что гигантски сложно в условиях тотальной экспансии западной культуры не только на Россию, но и на другие страны всех континентов Земли.

Другая проблема,— это возникновение массовой культуры — о которой, вроде бы, все и всё знают, но от которой в наше время отмахнуться как от мухи нельзя, и, которая, кстати сказать, каждый день проверяет на прочность традиционное наследие наших народов. Массовая культура! Такого монстрозонного термина не могло быть и в помине без появления кинематографа, телеграфа, радио, телевидения и компьютерных систем.

Что может сегодня школьный учитель сообщить подростку, у которого дома стоит компьютер «Пентиум 100», и который за пол — часа может пообщаться со своими сверстниками практически из любых точек земного шара и узнать столько нового, чего не узнает в школе за несколько лет? Способны ли мы соревноваться с супер-современными СМИ в борьбе за голову и сердце, какой ни будь деревенской девчушки, для которой персонажи знаменитого «Дурдома- 2», или известные «мадонны» и «примадонны» реальные витии и идеалы бытия?

Думаю, что да! Но, это можно сделать только с помощью новых, зачастую незнакомых для подростка сокровищ традиционного культурного наследия, самобытности наших этнических культур. Это, пожалуй, единственное на сегодняшний день «оружие», в котором заложено наше преимущество перед вестернизацией культуры, и «разоружение» в сегодняшних условиях — недопустимо.

В этой связи надо сделать глубокий поклон тем руководителям народных коллективов, особенно на селе, тем руководителям учреждений культуры, тем работникам школ искусств и библиотекарям, которые неустанно борются с эпидемией пошлости, безвкусицы, нередко распространяемых СМИ, возвращая наших детей к целепительным истокам народного искусства, проверенной веками народной мудрости.

Следует помнить, что культурное наследие традиций — это последний бастион сохранения нашей само-

бытности, последний редут на путях того, что превращает наше подрастающее поколение в «инкубаторских птенцов».

Негативной стороной пространства культуры современного мира является острый **дефицит человеческо-го в человеке**. Симптоматично то, что под воздействием либерального реформаторства личностные качества в современной России уверенно вытесняются сугубо коммерческими свойствами и политической благонадежностью человека. А такая усредненность существования последнего ведет к постепенной деградации самих потребностей в личностном самоутверждении и совершенствовании.

У нас сегодня даже система образования, потеряв статус важнейшего **канала культуры, стала сферой услуг**. Культура России, все больше становится массовой, что также существенно сужает возможности утверждения личностного начала. Финальной целью либерализации в стране является создание полностью рыночного общества. Но, в таком обществе, коммерческие ценности становятся единственными. Как справедливо отмечает известный французский теоретик современного консерватизма А. де Бенуа: «У торговца нет родины, он может поселиться в любой стране. Родина у него там, где он умножает свою прибыль».[3, с. 15].

В полной мере испытавшие пагубность безответственного властвования за последнюю четверть века, зачастую лишь прикрываемого демократической и популистской риторикой, россияне все больше осознают спасительную роль и перспективность ответственного **коллективного** самоуправления, как на региональном, так и на всероссийском уровне. По данным «Левада-Центра» нынешнюю российскую систему считают лучшей всего 17%, западную — 22%, а советскую — 36% россиян. 51% опрошенных выступают за экономику, основанную на государственном планировании и распределении. [1, с. 3].

Эта статистика вселяет в нас вполне обоснованный оптимизм. Поэтому, сегодня стоит задача целенаправленного возвращения в культурном пространстве России такой личности, которая опиралась бы не на мифические или дарованные кем-то из-за «бугра» права и свободы, а на огромный потенциал наших культурных традиций, на **коллективистский нравственный, потенциал**, заложенный в каждом человеке.

Одного древнегреческого мудреца спросили: «Ты за коллектив, или за личность? За коллектив — ответил тот, — ибо сумма нулей всегда нуль, а сумма единиц — всегда больше одной единицы».

Конечно, в становлении коллективистских нравственных начал, противостоянии коммерциализации сферы культуры ее работникам вряд ли следует забывать и о том, что есть в этом вопросе и другая сторона дела. В сущности, искусство Эрмитажа, Третьяковской галереи или Большого театра никогда не были, и, думаю, никогда не станут субъектами массовой культуры. Музыка Моцарта и полотна Рембранта, даже если их ежедневно транслировать по всем каналам радио и телевидения, к сожалению, тоже никогда не станут явлением массовой культуры.

Масса пойдет на многотысячный стадион, где поет под фонограмму какая-нибудь заезжая певичка. Пойдет на какое-нибудь шоу с Веркой Сердючкой. Эстеты же, которые способны пролить слезу умиления «под музыку Вивальди, под славный клавесин» об ушедшей эпохе Перикла всегда будут находиться в меньшинстве. Не надо забывать, что философию, например, музыки Баха может постигнуть только подготовленный слушатель. А где его взять? Такой слушатель всегда будет в меньшинстве. Вот тут-то и возникает фактор **подчиненности культуры законам коммерции**. Есть масса (потребитель), и есть для нее подходящий товар. В наши дни, к сожалению, эта зависимость стала фатальной и повсеместной.

Делая такой вывод, зададим себе и вопрос: чем мы руководствовались на протяжении длительного пути советской истории? Прежде всего, **идеями, идеалами и нравственными** ценностями. Но, коммерческий эффект, как известно, определяется не нравственностью, а разницей между вложенными средствами и суммой полученного дохода. В свою очередь, доход будет тем выше, чем больше спрос. Стало быть, **культура** сегодня **превращается в товар** и должна удовлетворять **не идеи**, не мораль, а **потребности**. А, поскольку, потребность в комфорте и развлечениях «среднему» человеку всегда была ближе и насущней, чем потребности духа (иначе вся коммерческая культура сплошь была бы высоко — духовной и высоко — нравственной), а это, к сожалению, означает, что простые человеческие желания, в том числе и самые низменные, должны быть удовлетворены в первую очередь. Более того, эти желания имеет смысл всячески стимулировать — на то и существует так называемая коммерческая реклама.

Вся эта нехитрая механика как раз и лежит в основе атрибутов рыночной экономики: шоу-бизнеса, секс-индустрии, поп-музыки, хит-парадов, гей-парадов и прочих гламурных явлений современной культуры. Здесь мы видим уже не просто разрыв, скажем, с религиозной или, на худой конец, традиционной идеей, а нечто прямо им противоположное. Ведь в основе массовой культуры, в какой бы области мы ее не рассматривали, лежит одно и то же: **СОБЛАЗН**. И, подобно тому, как технический

прогресс, давая сиюминутную выгоду, необратимо губит окружающую нас природу, **массовая культура**, будучи самым выгодным бизнесом, **разрушает природу человека**.

Только здесь, похоже, дело обстоит еще безнадежнее, ибо у нас: здесь пока нет своих экологов, своих «зеленых», своих борцов за сохранение среды обитания, как на федеральном, так и на региональном уровне. Министерство культуры России бедно, как церковная мышь (менее 1 процента годового бюджета страны), а созданное Всероссийское научно — образовательное общество (НОКО) — малоэффективно, так как, в сущности, никак не влияет на власть и даже не стремится этого делать. Приняв участие в работе четыре прошедших Конгрессов НОКО я убедился в том, что в адрес правительства здесь не было принято ни одного документа, несмотря на аховое материальное положение всей российской культуры, особенно культуры села, сокровищницы нашего национального культурного наследия.

К сожалению, в России, в Байкальском регионе в том числе, некоторые работники культуры (нередко по вынужденным причинам) так глубоко «заглотили» коммерческую «наживку», которую им предложили еще в стенах учебных заведений культуры, которым, в свою очередь, ее навязало государство, что стали поборниками только коммерческого пути развития культуры, **объективно** стали разрушителями ценностей культурного наследия своих народов, духовности человека, а не ее созидателями и поборниками. Парадоксально, но факт!

Видимо нам всем следует понимать и то, что «коммерциализацию» культуры нередко порождает недавно возникший в мире **денежный тоталитаризм**. Так называл русский философ А.А. Зиновьев экономическую и политическую систему, сложившуюся в настоящее время на Западе и которая в определенной степени появилась и у нас.

Сегодня мы весьма часто замечаем по выступлениям СМИ, как постоянно встречаются главы правительств, представители различных банков, крупные олигархи, члены Международного валютного фонда и т.д. Это и есть иллюстрация работы современной денежной власти. Денежный тоталитаризм, уже создал в мире сверхэкономику, которая состоит из крупнейших не национальных, а наднациональных и глобальных корпораций. Эта сверхэкономика уже практически правит всеми правительствами, определяя, кого выберут президентом, кто пойдет в конгресс или в сенат и т.д. На Западе уже сложилась система сверх государственности и успешно складывается система сверх власти, господствующая над самой властью.

И в этом примере мы видим, как считает А.А. Зиновьев, что «достижения западной цивилизации не только не устранили опасность произвола власти, но она теперь перешла на такой уровень, где с нею почти невозможно открыто бороться. Транснациональные корпорации контролируют уже сегодня более половины ВВП и почти всю международную торговлю. Создана сеть мировых финансовых центров, обеспечивающих свободное международное перетекание финансового капитала и инвестиций». [5, с. 21].

Для всех работников культуры, стремящихся сохранить культурное наследие немаловажно учитывать и то, что формирование глобального информационного пространства (сеть телекоммуникации, паутины Интернет, мобильный телефонной связи и т.д.) обеспечивающего свободное достижения информации (коммерческой, культурной, научно-технической, политической и пр.) последовательно стирает всякие границы между странами и народами.

Может быть, к счастью для судеб мировой культуры и традиционных культур в частности, что данная тенденция — не единственная. Существуют еще, по меньшей мере, две тенденции, источником которых является, с одной стороны, **восточная духовность** — традиции культурного наследия Индии, Китая, Японии, Кореи в целом традиции буддизма, даосизма, конфуцианства, других стран индо-буддийского ареала и, с другой — **охранительный консерватизм** стран мусульманского мира.

С тех пор как Веды начали переводить на европейские языки, представление европейцев об уникальности культурного наследия этого ареала стало радикально меняться. Европейцы с удивлением обнаружили, что издревле здесь существовала духовная традиция, способная перевернуть привычное мировоззрение человека Запада, что философия, существующая у восточных народов, по своей интеллектуальной ценности ничуть не ниже по глубине и древности значительно превосходит все, что до сих пор известно, так называемому «цивилизованному» миру. Искатели Истины из многих стран Запада, изверившись в ценностях рационалистической культуры, один за другим потянулись к тенистым троп древних восточных монастырей и ледяным пещерам гималайских отшельников

Мало того, страны индо-буддийского ареала, до сих пор замкнутые в своем одиночестве, словно проснулись и открыли свое лицо перед Западом. Один за другим в этот шумный и суетный мир двинулись миссионеры и апостолы Духа, имена которых очень скоро стали легендарными: Вивекананда, Йогананда, Прапхупада, Кришнамурти, Раджиниш и др.

В это же время и буддийские священники, врачеватели и мудрецы, начиная от тибетских лам, до японских учителей Цзен, стали весьма часто навещать Запад. Не следует сбрасывать со счетов и весьма ощутимые демографические тенденции в современном мире, который на наших глазах «желтеет» и «чернеет», ибо для цивилизаций Востока (особенно мусульманской, индийской и буддийской), а также латиноамериканской характерно устремление к увеличению численности семьи, поощрение рождаемости, что во многом связано с религиозными и экономическими факторами.

Для цивилизаций же Запада характерна нуклеарная семья с одним, реже двумя детьми, а в последнее же время получают заметное развитие внебрачные и однополые отношения, не завершающиеся появлением ребенка. По данным ООН население мира с 1950 года по 2000 год увеличилось в 2,52 раза, а население Африки — в 3, 21 раза, Латинской Америки — в 2, 87 раза, Южной и Центральной Азии — в 3, 34 раза, Юго-Восточной Азии — в 2,65 раза, тогда как Европы всего лишь в 1, 33 раза, Северной Америки — в 1,73 раза. В ближайшие 50 лет этот разрыв будет еще более ощутим. По данным ООН население Африки вырастит в 3,35 раза, Азии почти в 2, а население Европы останется неизменным. [9, с. 14].

Сейчас трудно сказать, насколько далеко может пойти процесс современной экспансии культур Запада на Восток и наоборот. Можно прогнозировать только одно, и это очень важно для практической деятельности работников сферы культуры: **в любом случае эра локальных культур идет к концу; её наследует культурный синкретизм**, хотя, пока что, и не ставший синтезом.

Сумеет ли восточная традиция, имеющая тенденцию к сближению природы и поискам Истины в глубинах человеческого Духа, одолеть экспансию «западного образа жизни»? Окажется ли жажда спасения сильнее соблазна? Сейчас на эти вопросы дать однозначные ответы невозможно, ибо, с другой стороны западная технотронная цивилизация пустила достаточно глубокие корни в некоторых восточных странах — Япония, Корея, Сингапур, Малайзия, Филиппины, Тайланд, да и Индия с Китаем тоже.

Что же касается исламского мира, то в наши дни это, быть может, единственный хорошо укрепленный форпост традиционной культуры. В таких странах, как Иран, Саудовская Аравия, Арабские Эмираты эта культура стойко обороняется от вторжения западных идей. На вооружение здесь берется только западная наука и техника, поскольку без этого вообще невозможна жизнеспособность современного государства.

Однако ислам ничего нового не обещает, здесь нет никаких подвижек сознания. Все формы культуры здесь почти неизменны еще со времен средневековья. Даже исламские страны с развитой светской культурой (Египет, Турция и др.) не обнаруживают заметных признаков духовного прогресса. Современный ислам слишком самодостаточная, слишком цельная и жестко организованная структура, чтобы иметь хоть какое-нибудь желание к эволюции. С другой стороны ислам сегодня вряд ли можно назвать целостным. Радикальные движения в нем (типа ИГИЛ) — характерный тому пример.

Итак, в качестве промежуточного вывода мы скажем одно — в современном мире, к счастью, нет, не только «звездных», но и мировых войн. Однако идет ожесточенная **война культур** в основном в рамках дихотомии «Восток» — «Запад» (экспансия США в Афганистане, Ираке, Ливане тому пример). По какую сторону баррикад встать в этой войне — решает каждый отдельно взятый человек. При этом вряд ли следует забывать, что выступать против западной науки и техники вообще, быть неолуддистами, технофобами — глупо, ибо современный человек в пещеру жить не пойдет. Эта проблема разрешима лишь со стороны избранных нами приоритетов: **технократы** всегда ставят **технику** выше интересов человека, а **гуманисты** — наоборот. Поэтому в развитии культуры нужно стремиться к гуманистическим компромиссам. Иными словами, к ценностям светского, секулярного гуманизма. Религиозный же гуманизм непоследователен, ибо на шкале его ценностей впереди будет всегда стоять Бог, а не Человек.

Не менее глупо выступать и против глобализации вообще. Никому не по силам уничтожить извечное стремление человека к объединению. Так было всегда: в пещере была простейшая **кооперация** людей, затем **интеграция**, а сегодня **глобализация**, огромная по своим масштабам диффузия культур. Это глупо еще и потому, что в современном мире сегодня есть проблемы, которые в одиночку не решит никакая супер-богатая держава, например, проблема экологии. Бороться надо с **глобализацией** в области **духа**, стремлением всех людей планеты приобщить к чуждым им культурным ценностям. Именно здесь и раскрывается значимость ценностных оснований традиционного **культурного наследия** народов мира.

Сегодня пред всеми работниками культуры и культурологами стоят одни и те же вопросы: «Что мешает людям Земли жить мирно и наслаждаться жизнью бок о бок друг с другом?». «Почему в истории так мало примеров мирного соседства «локальных» культур, без экспансии и агрессии?»

На мой взгляд, это объясняется тем, что культурно-мировоззренческие, в том числе и религиозные Идеи, формирующие эти культуры, организуют жизнь, но **не изменяют человека**. Личная религия, например, не претендует на изменение личности верующего, наоборот, она предусматривает ее само тождественность. Культовый ритуал не приводит к совершенствованию человека — напротив, он консервирует его ментальность. С другой стороны, приходится с сожалением констатировать, что существующие до сих пор рациональные идеи, при всех их чудодейственной способности формировать культуру какого-либо этноса, ничем не могут помочь дальнейшей духовной эволюции человека.

Между тем сегодня эта проблема остро стоит на повестке дня, ибо в недалеком будущем человечеству предстоит формировать Ментальную матрицу, которая была бы способна руководить всем человечеством и была бы синтетической основой всей мировой культуры. Нет сомнения в том, что ценностную основу этой глобальной Матрицы будет представлять совокупность культурного наследия всех народов мира, которое сегодня надо не только сохранять, но и модернизировать и использовать в социо-культурной практике.

Сегодня население Байкальского региона, где уже более полу века живет и работает автор статьи, как и вся Россия, переживает нелегкие времена. Вместе с тем, нельзя не заметить, того, что именно сегодня мы ощущаем стремительное возрождение духа российских провинций, когда от нивелирующего пресса централизованной системы прошлого освободилось разноцветье территориально-этнических субкультур. При этом становится очевидно, насколько живуч генотип регионального («земляческого») самосознания, насколько важную и необходимую роль играет в жизни людей ощущение «малой родины» — пространственный аспект идентификации людей и региональных сообществ.

Можно только удивляться тому, как быстро и явно проступает в сегодняшнем облике особенно сельских населенных пунктов исторически традиционные черты, как много неповторимого воспроизводится людьми в их бытие и сознании. Все это в значительной степени актуализирует проблему методологического осмысления процессов изучения и сохранения культурного наследия народов России в целом, и народов Бурятии в частности.

Культурное наследие Байкальского региона не только богато и разнообразно, но и уникально по своей природе. Его уникальность связана, прежде всего, с полиэтничностью населения, которая сложилась в результате длительного, на протяжении столетий, сосуществова-

ния, взаимозависимости и взаимовлияния культур разных народов. В культурном наследии данного региона зримо представлены не только ценности традиционных культур бурят, эвенков или русских, но и тюркских и этносов нашего региона.

Нельзя недооценивать тот факт, что по Забайкальской и Прибайкальской земле, начиная от пограничной Кяхты и через территорию Российской империи в Европу, проходил знаменитый «чайный путь», который через посредство русского языка связывал культуры Востока с культурами Запада, что в немалой степени способствовало их диффузии.

Чрезвычайно ценное культурное наследие оставили нам декабристы, которые десятилетиями жили на поселении в Нерчинске, Сретинске, Петровском Заводе Забайкальского края, в деревнях Баргузинского, Кяхтинского, Селенгинского, Тункинского и Прибайкальского районов Бурятии, в селах и городах Иркутской области. Во многих селах нашего региона до сих пор сохраняется богатейшее разноцветье культуры семейских (старообрядцев), которые были сосланы за Байкал из районов центральной России и внесли в культурное наследие этого региона самые различные по происхождению культурные традиции.

Проблему культурного наследия сегодня актуализирует и то, что его сохранение — есть сохранение памяти о прошлом. А, сохранение прошлого — есть сохранение нации как целостности, ибо, нация, утерявшая связь с прошлым, превращается просто в население, в размытую общность людей. Носителем неуловимого ощущения причастности к нации, своему народу и его культуре является наиболее консервативная, морально стабильная часть нации — крестьянство, традиционализм которого основывается на крайне медленно изменяющейся среде обитания. Городское население, особенно в индустриальную и постиндустриальную эпохи — все поголовно пришлое, с оборванными корнями, с разрушенными традициями. Крестьянская же жизнь с ее традиционализмом — есть постоянное воспроизведение опыта прошлых поколений.

Культурологическая рефлексия жизни и быта сельского населения Байкальского региона позволяет нам сделать вывод о том, что прошлое здесь — неразрывно связано с настоящим и каждое мгновение настоящего опирается на традицию, становится прошлым, становится культурным наследием.

В связи с его научным осмыслением перед исследователем возникает крайне важная методологическая проблема: **что следует понимать под культурным наследием?** И дело здесь не в недостатке дефиниций —

определений этого феномена немало. Стоит привести некоторые из них.

В Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия, принятой Генеральной конференцией ЮНЕСКО в Париже еще в 1972 году под «культурным наследием» понимаются:

- ◆ памятники — произведения архитектуры, монументальной скульптуры и живописи, элементы или структуры археологического характера, надписи, пещеры и группы элементов;
- ◆ ансамбли: группы изолированных или объединяющих строений, архитектура, единство или связь с пейзажем;
- ◆ достопримечательные места: произведения человека или совместные творения человека и природы, а также зоны, включая достопримечательные места, представляющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки, эстетики, этнологии или антропологии.

В Основах законодательства о культуре от 09.10.1992 года культурное наследие Российской Федерации определяется как «материальные и духовные ценности, созданные в прошлом, а также памятники и историко-культурные территории и объекты, значимые для сохранения и развития самобытности Российской Федерации и всех ее народов, их вклада в мировую цивилизацию». Кроме того, (что для нас наиболее значимо в научном плане) под культурными ценностями в Основах понимаются нравственные и эстетические идеалы, нормы и образцы поведения, языки, диалекты и говоры, национальные традиции и обычаи, фольклор, художественные промыслы, произведения искусства, результаты и методы научных исследований, имеющие историко-культурную значимость здания, сооружения, предметы, уникальные в историко-культурном отношении территории и объекты.

С точки зрения Э.А. Баллера, **культурное наследие** это — «совокупность доставшихся человечеству от прошлых эпох культурных ценностей, критически осваиваемых, развиваемых и используемых в контексте конкретно-исторических задач современности в соответствии с объективными критериями общественного прогресса». [2, с. 79]. Однако, в устоявшейся научной рефлексии это понятие обычно «съезживается», ибо под ним понимается чаще всего лишь произведения прикладного и изобразительного искусства, разного вида недвижимые памятники истории и культуры и письменные источники, литературные, философские и политические трактаты, что имеет для общества, безусловно, тоже актуальное значение. И все же, для нас,

предпочтительнее именно баллеровское определение этого феномена, ибо в нем речь идет о совокупности «культурных ценностей» вообще, независимо от того, является ли это наследие образцом, скажем, монументальной пропаганды, или архитектурным сооружением, или это будет, скажем, обыкновенный народный фольклор, песня, традиция, обряд.

Но, дело не только в этом. В научных работах, как правило, не придается значения аксиологической стороне понимания культурного наследия. Иными словами, забываются два очень важных слова в дефиниции Э.А. Баллера, которые относятся не к «культурным ценностям» вообще, а к **критически осваиваемым культурным ценностям**. В результате теоретические «упущения» приводят к большим «перекосам» в социо-культурной практике, ибо, поскольку культурное наследие понимается как «совокупность» всех достижений культуры, то по законам формальной логики к наследию следует относить все артефакты культуры.

Тогда получается, что если в музеях мира хранятся в качестве культурного наследия, например, кремневые или костяные наконечники стрел и копий первобытного человека, то следует хранить и атомную бомбу, ибо она — есть ничто иное, как такой же артефакт культуры. Вот здесь то и нужно весьма ответственно относиться к «критическому осмыслению» культурного наследия. В этой связи, очевидно, мы должны четко понимать, как говорил классик: «От какого наследия мы отказываемся?».

С точки зрения автора статьи, нам надо отказаться от всякого наследия, которое в той или иной мере направлено против человека, является **антигуманным**, мешает его полноценной жизнедеятельности или создает анти комфортное существование. В исторической ретроспективе — такого наследия накоплено в культурах всех народов немало. К счастью, в культуре неумолимо действует **закон ее преемственности и развития**, когда новые поколения людей отказываются от чего-то, но взамен, дают культуре нечто новое. В противном случае человеческая культура давно бы уже превратилась в «лавку с хламом».

При этом, к сожалению, весьма часто бывает, когда «с водой выплескивают ребенка», когда пропадает навсегда часть богатейшего культурного наследия. На этот счет можно приводить сотни и тысячи примеров из истории не только российской, но и мировой культуры. Все это обязывает нас еще раз подчеркнуть роль аксиологического критерия при отборе культурного наследия в лице гуманитарной культуры, базовым основанием которой являются принципы гуманизма.

В научной жизни гуманитариев Байкальского региона вообще и Бурятии, в частности, сегодня идет повальное увлечение мифологией и фольклором, что само по себе весьма положительно сказывается не только на сохранение культурного наследия, но и приобщение к нему подрастающих поколений. При этом уходит на второй план другая проблема: а все ли образцы мифов и фольклора несут на себе ценности гуманизма, все ли из них приводят нас к стремлению научного познания мира?

Нет, скажем мы. Далеко не все. Некоторые мифы и фольклорные произведения насаждают в сознании людей, особенно молодежи мифологическое, иррациональное мировоззрение. Как — то стало забываться, что большинство мифов родилось в эпоху родоплеменных отношений, когда человек всецело зависел от сил природы, не мог верить в собственные силы и поклонялся целому пантеону выдуманных им же богов. Стоит ли удивляться тому, что даже в деревнях сегодня растут как грибы всевозможные секты с самыми экзотическими названиями.

Не под воздействием ли подобного рода культурного наследия некоторые профессора современных вузов (к сожалению, не только «идеалисты-лирики», но и «материалисты-физики») приходят в студенческие аудитории формально секулярных, светских вузов с четками в руках и с амулетами на шее? Можно, конечно, толерантно относиться ко всему этому, но тогда надо толерантно относиться и к богатейшему **атеистическому** культурному наследию всех времен и народов. Однако этого в наши дни не наблюдается.

Следует ли понимать вышесказанное как ригористичный отказ от изучения, скажем, мифов и фольклора? Конечно — нет. Социальная память, выраженная в любом культурном наследии стремится к равновесию по схеме «теза-антитеза», несмотря на манипулирование ею общественными институтами и методологиями. Идеи прошлого, которые не стали интегральным фактором решения современных проблем, тоже должны быть объектом познания, чтобы новые открытия не были новыми заблуждениями. Магистральные мысли научного знания пробиваются через «процесс» к «результату». Социальная память, выраженная в артефактах культурного наследия — звенья процесса познания, хранилище разнообразной, в том числе неактуальной, безыдейной, экзистенциальной информации. И в этом, в частности, показателен, например, миф как способ моделирования реального на базе ценностно-смысловых идей, не востребованных обществом по тем или иным причинам.

В реализации феномена культурного наследия и выраженной в нем социальной памяти нужен, на наш взгляд, компромисс между формальной и неформальной образностью, научным и стихийным знанием, направленным анализом и личностно-эмоциональным отношением. Потоки, массивы, объемы и формы культурного наследия должны сохранить все многообразие и оттенки прошлого и настоящего для будущего, а методологические вопросы корректности трансляции ценностей культурного наследия в обществе могут стать предметом специальных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеев С. Современная Россия в цифрах и фактах. — //Аргументы и факты, 27 февраля 2015 г. «Аргументы и факты». — 6 февраля 2013.
2. Баллер Э. А. Культура и ее наследие. — М. — 1987. — 364с.
3. А де Бенуа. Против либерализма. СПб.: 2009. — 174с.
4. Гинделис И.А. К вопросу о демаркации традиционного и нетрадиционного типов знания. — //Наука и культура региона: концепция развития: Улан-Удэ — 1993. — 100 с.
6. Зиновьев А. А. Глобальный человек. — М. — 1997. — 156 с.
7. Калита С. П. Культурное наследие и культурное наследование. //Второй российский культурологический конгресс: «Культурное многообразие: от прошлого к будущему. Программа тезисов докладов: СПб —2008. — 600с.
8. Разлогов К. Э. Культурология между прошлым и будущим. От краеведения к культурологии. М. — 2002. — 372с.
9. Русская цивилизация. — М.: 2009. 507с.
10. Яковец Ю. В. Взаимодействие цивилизаций Востока и Запада: осевая проблема XX1 века. — М. — 2001. 85с.

© Кургузов Владимир Лукич (vlkurguzov@rambler.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РОССИЙСКО-ИРАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ

THE RUSSIAN-IRANIAN RELATIONS
IN THE SPHERE OF CULTURE*F. Saberi*

Summary. The cooperation between Russia and Iran in the sphere of culture is an important part of the partnership between the two countries, but the level does not meet the interests and needs of States. Russia and Iran have opportunities to form their positive image in the eyes of a neighbor, the removal of all obstacles to the strengthening of mutual trust, and revitalization of cultural interaction. In recent years, Russia and Iran have entered a new stage of relations, which is characterized by the establishment of close cooperation to confront common threats and challenges, the development of mutually beneficial trade and economic cooperation and expansion of contacts in the cultural and humanitarian sphere.

Keywords: cultural dialogue, Russian-Iranian relations, the Islamic Revolution, the dialogue «Orthodoxy — Islam», spiritual traditions, people's diplomacy.

*Саберу Фахимех**К.полит.н., независимый исследователь
fz.saberi@gmail.com*

Аннотация. Сотрудничество между Россией и Исламской Республикой Иран (ИРИ) в сфере культуры является важной составляющей партнерских отношений двух стран, однако его уровень не отвечает интересам и потребностям государств. Россия, и Иран имеют широкие возможности для формирования своего позитивного образа в глазах соседа, устранения всех препятствий, мешающих укреплению доверия друг к другу, и активизации культурного взаимодействия. В последние годы Россия и Иран вступили в новый этап отношений, который характеризуется установлением тесного взаимодействия для противостояния общим угрозам и вызовам, развитием взаимовыгодного торгово-экономического сотрудничества и расширением контактов в культурно-гуманитарной сфере.

Ключевые слова: культурный диалог, российско-иранские отношения, исламская революция, диалог «Православие — ислам», духовные традиции, народная дипломатия.

Многочисленные факторы повлияли на сближение позиций Ирана и России в политической области. В целях обеспечения безопасности активно развивается сотрудничество двух стран в рамках совпадения их подходов к решению целого ряда геополитических проблем. Разработаны масштабные планы в торгово-экономической области, реализация которых поможет заложить прочный фундамент взаимодействия и вывести экономические контакты на более высокий уровень. Важная роль в укреплении отношений двух стран отводится и культурному сотрудничеству. Именно взаимодействие в культурной и гуманитарной сферах призвано укрепить базу для дальнейшего расширения политического, экономического и даже военно-технического сотрудничества, реализации национальных интересов государств, поскольку оно способно упрочить взаимопонимание между народами, сгладить существующие противоречия, формировать позитивный образ страны за рубежом [1].

В определенном смысле можно говорить о том, что любые контакты между представителями разных народов и государств: дипломатические, политические, информационные, торговые, научные, гуманитарные, конфессиональные, а также контакты на личностном уровне — выступают как формы культурного взаимодействия. Каждая коммуникация представителей разных стран, народов, культурно-цивилизационных общностей, по сути, представляет собой различные формы культурного диалога.

Анализ развития отношений РФ и ИРИ показывает, что за последние три с половиной десятилетия развитие культурного обмена проходило неравномерно, и уровень сотрудничества в этой области значительно отставал от уровня политических и экономических контактов. Расширение взаимодействия представителей двух стран на политическом, торгово-экономическом и гуманитарных уровнях в последние два-три года показало, что отсутствие достаточной культурной компетенции у народов наших стран может в определенной степени осложнить процесс дальнейшего расширения взаимодействия, особенно в сфере установления сотрудничества на уровне частного капитала. Контакты представителей бизнесобществ, представителей науки, туристов показывают, что мы мало знаем друг о друге, не испытываем доверия друг к другу, а порой, не можем понять друг друга.

Для того, чтобы обеспечить поступательное развитие межкультурного диалога между народами наших стран, необходимо проанализировать те факторы, которые мешают развитию их культурных контактов, с одной стороны, и оценить возможности и пути их развития, с другой. К факторам, облегчающим взаимодействие двух стран, представляющих различные цивилизации, нужно отнести географическую близость государств, обуславливающую интерес к познанию друг друга, 3 многовековые исторические контакты и традиции культурного взаимодействия и взаимовлияния.

С конца 90-х годов началось восстановление нарушенных политическими причинами культурных контактов. Иранская сторона проявила большую активность в этом вопросе, открыв в 1997 г. свое культурное представительство в Москве, развернувшее широкую деятельность по многим направлениям, связанным с распространением персидского языка и литературы, развитием иранистических исследований, пропагандой иранского искусства [2].

Такая культурная политика шла в русле экспорта идей и достижений исламской революции и ирано-исламской цивилизации по культурным каналам для формирования образа современного Ирана в России. В конце 90-х годов в Москве по инициативе российских иранистов было создано Общество культурных связей с Ираном, деятельность которого проходит в тесном контакте с культурным представительством ИРИ. В результате, к началу 21 в. намечились определенные положительные сдвиги, проявившиеся в расширении контактов и возможностей прямого взаимодействия. Наблюдается повышение интереса у представителей двух стран к познанию друг друга. На сближение народов двух государств работает и фактор полиэтничности. Оба государства объединяют представителей разных этносов и культур. Положительный опыт сосуществования различных религиозных групп и развития внутреннего межрелигиозного диалога в России и в Иране значительно облегчает культурные контакты между представителями двух государств [3].

Иран и Россия обладают огромным цивилизационным потенциалом, который может быть эффективно задействован для развития их культурного диалога. Высокий уровень развития науки и технологий, грамотность населения в наших странах открывают широкие возможности для их взаимодействия. У народов обоих государств, представляющих различные мировые цивилизации, много общего в понимании этических и нравственных идеалов. Для них характерна сильная приверженность духовным ценностям, опора на религиозные традиции православия и шиизма, уважение семейных ценностей, соблюдение моральных норм, стремление к духовному совершенствованию, что находит отражение в их культуре и будет способствовать лучшему пониманию друг друга.

Акцент на общецивилизационные ценности был положен в основу диалога между православием и исламом, который ведется по инициативе российской стороны совместной российско-иранской комиссией, созданной в 1997 году. [3]. С тех пор диалог «Православие — ислам» стал неотъемлемой частью всего комплекса российско-иранских отношений и играет важную роль, выступая одним из путей укрепления доверия и сближения позиций двух стран. Причем, использование термина

«сближение» культур или народов, отнюдь не подразумевает унификации моделей их развития, а подразумевает сближение взглядов, выработку общих подходов к решению актуальных проблем современности. Оба государства заинтересованы в сохранении своей цивилизационной и культурной идентичности, укреплении своих духовно-нравственных традиций и могут координировать усилия в ходе процесса вхождения национальных культур в общее пространство мировой культуры в условиях глобализации.

Нельзя не отметить и наблюдающееся в последнее десятилетие в России расширение интереса к познанию ислама и знакомство с исламскими ценностями представителей немусульманских народов, что идет в русле расширения контактов России с исламскими государствами и ее в 2007 г. на правах наблюдателя в культурную организацию ОИС — ИСЕКО (своего рода исламское ЮНЕСКО).

История преподавания персидского языка в России насчитывает три века. В настоящее время в 13 городах России есть группы по изучению персидского языка, и количество студентов увеличивается год от года. Особенно мощные центры иранской филологии созданы в Москве, Санкт-Петербурге, Астрахани. Российские преподаватели поддерживают тесные контакты с филологами из Ирана. Их совместными усилиями создаются словари современной лексики и пишутся новые учебники. В Иране также наблюдается возрастание интереса к изучению русского языка. Тегеранский университет и Педагогический университет (Тегеран) являются основными центрами подготовки специалистов по специальности «методика преподавания русского языка». В то же время открыты отделения русского языка в Гилянском, Мазендаранском и Мешхедском университетах, т.е. в регионах, которые примыкают к бывшей общей границе двух стран, где сохраняется исторически большее влияние русского языка, а в настоящее время в этих районах происходят более оживленные контакты представителей двух стран. В последние годы в Иране была создана ассоциация преподавателей русского языка, которая выпускает свой журнал, на страницах которого публикуются как научно-исследовательские материалы, так и обсуждаются вопросы практики преподавания. Обе страны ищут возможности для повышения квалификации преподавателей и переводчиков в условиях соответствующей языковой среды [4].

В последнее десятилетие активизировались исследования по истории, культуре, экономике и политическому развитию Ирана в российских научных центрах. Началось комплексное научное изучение проблем развития России в иранских учебных и исследовательских организациях. Эти исследования способствуют накоплению

знаний о стране, культуре и быту ее народов, помогают ориентироваться в происходящих там процессах и формируют правдивый образ страны среди представителей научной и культурной общественности, студенческом сообществе и среди тех, кто проявляет интерес к познанию России и соответственно Ирана. Контакты между учебными и научными центрами, которые пока только устанавливаются, открывают широкие возможности для обсуждения актуальных вопросов развития сотрудничества двух государств и анализа препятствий, стоящих на пути их расширения. Обучение иранских студентов в российских вузах имеет многолетнюю традицию. Российское правительство предоставляет стипендии, однако их количество ограничено. Так, по данным МИД, на 2015/2016 учебный год иранской стороне было выделено 70 стипендий [5].

В последние годы увеличилось число иранцев, приезжающих учиться на платной основе, однако, по сравнению с другими странами, их количество невелико. Большой интерес иранская сторона проявляет к подготовке специалистов по техническим специальностям. Однако часть технических специальностей ввиду наложения санкций на Иран была закрыта для приема иранцев. Снятие санкций открывает возможности для пересмотра позиций России по этим вопросам. В последние годы иранская сторона расширяет возможности для обучения студентов из России по специальностям иранская филология, история, международные отношения. Эти возможности предоставляются студентам, изучающим персидский язык. Однако университеты двух стран могут развивать контакты на уровне студентов и преподавателей, проводя конференции, семинары, обсуждения и в виртуальном пространстве, или конкурсы научных работ по определенной тематике. Обе страны обладают возможностями организации взаимных студенческих контактов с использованием европейских языков. Рост понимания друг друга на молодежном уровне закладывает фундамент для развития коммуникации в последующие годы в более широких масштабах. Научные контакты представителей двух стран осуществляются, в основном, на уровне взаимного участия в конференциях [5].

Несмотря на то, что еще в 1999 г. между правительствами РФ и ИРИ было подписано Соглашение о научно-техническом сотрудничестве и в те же годы были достигнуты конкретные договоренности, ученые двух стран мало вовлечены в совместные научные проекты, мало знают о достижениях друг друга, хотя возможности для такого взаимодействия открыты и в гуманитарной, и в технической сферах. Туризм — еще одна сфера, в которой обе страны имеют очень широкие возможности для взаимодействия. Контакты в этой области пока напоминают улицу с односторонним движением, так как

поток туристов из Ирана в Россию значительно превышает количество россиян, посещающих Иран при том, что эта страна обладает широчайшими возможностями для привлечения туристов, особенно в сфере культурного, познавательного, экологического и рекреационного туризма. Однако закрытость иранского общества, незнание языка и необходимость соблюдать исламские правила поведения становятся преградой на пути развития контактов в области туризма. В последние два года в Иране принимаются меры по развитию индустрии туризма, обеспечению туристических групп хорошо подготовленными гидами и переводчиками, разрабатываются специальные туры для российских туристов. Иран обладает широчайшими возможностями для развития экотуризма и проведения «экстремальных туров». Российская туристическая индустрия должна обратить на эту страну большее внимание. В последние годы расширились масштабы сотрудничества между РФ и ИРИ в области спорта. Команда ИРИ принимала активное участие в Олимпийских и Паралимпийских играх в Сочи. Развитие этого направления также достаточно перспективно, так как обе страны достигли высоких спортивных результатов. Оба государства имеют широкие возможности для развития информационных контактов, однако эти возможности пока не используются в достаточной мере, что приводит к тому, что основными источниками информации друг о друге становятся западные СМИ, которые, порой искажают реальность или преподносят ее однобоко.

В последние годы возрос объем информации об Иране в России, подготовленный иранскими корреспондентами или российскими журналистами, побывавшими в Иране. Увеличилось количество прямых телеинтервью. Более широко стали освещаться визиты руководящих лиц государств. В СМИ ИРИ большее отражение находят проблемы международной политики России, а вот вопросы истории, культуры, традиций получают отражение лишь в специальных изданиях, публикуемых научно-исследовательскими центрами. Большой интерес в Иране проявляют к развитию библиотечного дела, изучению архивов, музейному делу, опыту реконструкции исторических объектов, создания этнических деревень и пр. Однако, несмотря на многочисленные предпосылки и открывающиеся широкие возможности для развития культурных контактов, представители двух государств признают его уровень не отвечающим их интересам. Что же мешает расширению культурного диалога. Препятствия на пути углубления контактов связаны с рядом причин, коренящихся в политической, социальной, психологической, идеологической и экономической сферах.

Для дальнейшего успешного развития двусторонних отношений во всех сферах необходимо отойти от сло-

жившихся исторических стереотипов и пересмотреть восприятие друг друга. Обе страны должны найти новые формы сотрудничества, определить точки культурного соприкосновения, укрепить толерантное отношение друг к другу. Важное место в системе культурного взаимодействия надо отводить молодежным контактам

и развивать отношения между зарождающимися в двух странах структурами гражданского общества, т.е. механизмы народной дипломатии. Широкие межличностные связи формируют понимание друг друга, выстраивают атмосферу доверия и расширяют потенциал развития двусторонних отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карими Мотаххар Дж. Литературные связи Ирана и России // Отношения Ирана и России. Сб. статей под редакцией М. Санаи и Дж. Карами. — Тегеран: Ирас, 2008. На перс. яз.
2. О развитии культурных контактов ИРИ и России в конце 20 — начале 21 вв.. см. Е. В. Дунаева. Россия и Иран: особенности развития и проблемы межкультурной коммуникации. — Обсерватория культуры N5, 2014, с. 137–138;
3. Д. В. Сафонов. Российско-иранская комиссия «Православие — Ислам»: 20 лет диалога во имя взаимопонимания религиозных общин двух стран. — Российско-иранские отношения. Проблемы и перспективы. Сб. статей под ред. Е. В. Дунаевой, В. И. Сажина. М., ИВ РАН С. 139–147.
4. М. С. Каменева, Дж. Карими-Мотаххар. К вопросу изучения российско-иранских культурно-языковых связей. — Российско-иранские отношения. Проблемы и перспективы., с. 148–155.
5. Али Омиди. Влияние преподавания истории на восприятие России иранцами. — Россия- Иран. Диалог-культур. Международная научная конференция. тезисы докладов и выступлений. М., Российский институт культурологи, 2006. С. 24–25.

© Сабеи Фахимех (fz.saberi@gmail.com)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КАЗАХСТАНА В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ

COOPERATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND KAZAKHSTAN IN THE SPHERE OF CULTURE

A. Smirnov

Summary. This article focuses on the relations between Kazakhstan and Russia in the sphere of culture. Both countries are active participants in the modern world processes, providing them growing influence. Both countries play a key role in the transformation of the post-Soviet states, proof of this is the consistent and fruitful Kazakh-Russian cooperation.

Keywords: Russia, Kazakhstan, cooperation, culture, integration processes.

Смирнов Александр Михайлович

*К.и.н., независимый исследователь
sashlok@mail.ru*

Аннотация. Данная статья посвящена отношениям Казахстана и России в сфере культуры. Оба государства являются активными участниками современных мировых процессов, оказывающих на них возрастающее влияние. Обе страны играют ключевую роль в трансформации отношений постсоветских государств, подтверждением этому является последовательное и плодотворное казахстанско-российское сотрудничество.

Ключевые слова: Россия, Казахстан, сотрудничество, культура, интеграционные процессы.

Казахстан и Россия утверждаются в качестве активных участников современных мировых процессов, оказывающих на них возрастающее влияние. Нашим странам принадлежит, по сути, ключевая роль в трансформации отношений постсоветских государств, подтверждением этому является последовательное и плодотворное казахстанско-российское сотрудничество.

РФ и Казахстан успешно развивают взаимовыгодное и, что весьма важно, равноправное сотрудничество в самых разных сферах политической, экономической, культурной, военной, космической. Это сотрудничество развивается как в двустороннем формате, так и в рамках различных региональных организаций.

Казахстан проявляет готовность к развитию интеграционных процессов с Российской Федерацией, но, в то же время, четко формулирует конечные цели этих интеграционных процессов и своевременно остужает пыл тех политиков в России, которые регулярно намекают на наличие планов создания союзного государства с участием России и Казахстана.

Именно поэтому в свое время экс-министр иностранных дел РК К. К. Токаев в своем официальном заявлении в Мажилисе Парламента РК недвусмысленно отметил, что Казахстан делал и будет делать все возможное для укрепления стратегического сотрудничества с Российской Федерацией, однако никаких планов объединения с Россией или присоединения к ней не существует.

Во всем цивилизованном мире культура является объектом пристального внимания властей, ей уделяет-

ся первостепенное значение при разработке стратегии страны. Сегодня культура в евразийских странах выступает в качестве одного из важнейших компонентов политики устойчивого развития, содействует экономическому и социальному росту. О роли культуры в развитии современного общества сказано уже немало, неоспоримым является и тот факт, что экономика и развитие культуры взаимосвязаны [1].

Взаимодействие в сфере культуры является одним из наиболее важных и качественных показателей уровня отношений стран, тем более современных государств. В этом контексте наибольший интерес в казахстанско-российских отношениях, наряду с сотрудничеством в политической, экономической, военной сферах, представляет именно культурно-гуманитарное взаимодействие. Культурное сотрудничество является наглядным примером не только духовной близости двух стран и их народов. Оно стало прообразом высокого уровня взаимопонимания и сотрудничества, которое с учетом сложившейся политической и экономической базы двусторонних отношений, за истекшие десятилетия последовательно обеспечивали наши государства.

Плодотворное сотрудничество Казахстана и России в области культуры, науки и образования опирается на двусторонние документы, гарантирующие свободное и равноправное развитие культуры проживающих на территории наших стран народов путем создания благоприятных условий для сохранения и развития национальной самобытности, реализации их духовных и религиозных потребностей, получения образования на родном языке. Казахстан и Россия гарантировали

гражданам друг друга равные со своими гражданами права на доступность образования.

Без высокой нравственности и культуры не может существовать современное общество. Во все времена, в любом обществе без культуры и нравственности не могут действовать законы экономики, юриспруденции, законы исторические. Культура и нравственность в стране — самое могучее объединяющее начало.

Современные казахстанско-российские культурные связи, как и в целом геополитические и геостратегические отношения, строятся на подлинно равноправной дружественной основе. Особенно плодотворными стали эти связи с приходом к власти Президента России В. В. Путина.

Начало XXI века ознаменовано мощным потоком культурных взаимодействий между Казахстаном и Россией, являющимся важным фактором отношений двух народов. Преодолевается долгие иносистемная отстраненность, возрождаются многовековые культурно-духовные связи.

Объявляя 2003 год Годом Казахстана в России и 2004 год Годом России в Казахстане Президенты двух стран в своих речах в Москве и Астане среди главных приоритетов наряду с укреплением стратегического партнерства указали на необходимость бережного отношения к исторической дружбе и общему наследию двух братских народов.

Во время официального визита Президента РК Н. А. Назарбаева в Москву 4–5 апреля 2006 г. торжественно объявлено Год Абая в России и Год Пушкина в Казахстане. На Чистопрудном бульваре возле посольства Казахстана состоялось открытие памятника нашему великому поэту и мыслителю Абаю Кунанбаеву. Это дар республики Казахстан Москве. Как вам известно, великий поэт и мыслитель Абай жил в XIX веке, и в то время он писал в своих словах назиданиях, что через русскую науку и культуру откроется дорога, огромный мир культуры и литературы мирового значения. Сам он также переводил стихи Пушкина. Поэтому, это достойный дар Республики Казахстан Москве, а также конкретный пример, подтверждающий дружеские отношения между Казахстаном и Россией.

В Астане был открыт памятник Пушкину, а также во всех городах Казахстана с начала года проводится очень много мероприятий посвященных Году Пушкина в Казахстане, его именем названы школы, библиотеки, улицы.

Также активно развивается приграничное сотрудничество между Казахстаном и Россией. В прошлом году

началась активная работа по приграничному сотрудничеству, куда входит семь приграничных областей Казахстана и 12 субъектов Российской Федерации. 3 октября 2006 г. в Западном Казахстане, в городе Уральске Президент РК Н. А. Назарбаев и Президент РФ В. В. Путин приняли участие в работе третьего форума приграничных областей Казахстана и России. В ходе визита президенты обсудили широкий спектр вопросов двустороннего сотрудничества и актуальных региональных проблем, ознакомились с перспективами реализации крупного совместного проекта по созданию международного центра приграничного сотрудничества, а также открыли новый музей, основанный в рамках программы культурных мероприятий Года Пушкина в Казахстане.

В Алматы прошла (август 2006 г.) научно-практическая конференция «Русский язык — фактор интеграции народов Казахстана и России», организованная Казахстанским русским культурным центром, православным благотворительным обществом развития образования и культуры в РК «Светоч» при поддержке посольства Российской Федерации в Республике Казахстан и генерального консульства России в Алматы. В Год Пушкина в Казахстане и Год Абая в России состоявшаяся конференция наполнилась особым смыслом. На конференции шла речь о роли русского языка в содействии интеграции народов Казахстана и России и в развитии межнационального общения [2].

В выступлениях участников в конференции была предпринята попытка выявить роль общественных объединений в сохранении языкового, образовательного, культурного и информационного пространства. Являясь одним из официальных языков ООН, русский язык на постсоветском пространстве по-прежнему выступает рабочим языком международных конференций и симпозиумов, играет решающую роль не только как средство обмена научной и культурной информацией, но и как решающий фактор межнационального общения и согласия. На русском языке издаются серии «Эпос народов Евразии», коллективные монографии «Литература народов Казахстана», «Литература народов России: XX век» и многие другие, позволяющие представить все многообразие национальных литератур и культур современных России и Казахстана.

Между столицами Казахстана и России в рамках соглашения между Правительством Москвы и акиматом Астаны о сотрудничестве активно развиваются отношения в гуманитарно-культурной области. В октябре 2006 года в Астане побывали известные российские литераторы. Главной целью таких визитов является представление современной казахстанской поэзии и прозы москвичам и творчества московских писателей — казахстанцам.

Поэты и писатели Казахстана — нередкие гости столицы и других городов РФ побывали творческой поездкой в Москву. Программа пребывания казахстанских литераторов в Москве была весьма насыщенной. В первый же день пребывания в Москве казахстанские литераторы Бахытжан Канапьянов, Анес Сарай и др. побывали на приеме в Комитете по культуре г. Москвы. Заместитель председателя комитета А. С. Попова сердечно как старых добрых друзей, приветствовала столичных литераторов. А. С. Попова говорила о том, как мы дороги друг другу, как многое нас объединяет и связывает. Культурное пространство Казахстана и России всегда, несмотря на превратности времени, сохраняло свою целостность, было единым. Мастера искусств Казахстана всегда желанные гости москвичей, равно как и москвичи в Казахстане.

Наши братские народы столетиями живут на просторах Северного Прикаспия. Нас объединяет общность исторических судеб и духовно-культурная близость. Мы едины в стремлении сделать жизнь людей мирной и благополучной. У нас полное взаимопонимание и общее видение нашего будущего. В этом заключается залог стабильности и процветания, как Казахстана, так и России.

Историческое событие на астраханской земле — открытие межгосударственного культурного комплекса имени Курмангазы в селе Алтынжар, ставшего еще одним памятником казахстанско-российской дружбы.

Отрадно, что и культурно-гуманитарное сотрудничество между нашими государствами находится на высоком уровне. Создание межгосударственного культурного комплекса имени Курмангазы является этому подтверждением.

Великий кюйши Курмангазы — казахский Бетховен, жил и творил на этой земле, его жизненный путь тесно переплетен с русским народом. Композитор написал целый цикл произведений на русскую тематику. В своем творчестве он широко использовал фольклорные напевы, прислушивался к песням русских крестьян, вводя в некоторые кюи и творчески переосмысливая их, соотнося с духом казахской национальной музыки [3].

Как и всякий гений искусства, Курмангазы не может принадлежать одному народу, он — достояние всей евразийской цивилизации.

Высокая динамика казахстанско-российских отношений была продолжена следующим президентом России Д. Медведевым, который 22–23 мая 2008 г. свой первый официальный зарубежный визит совершил в Казахстан. Во время этого визита было подписано Совместное заявление глав двух государств, а также заключены

межправительственные соглашения о сотрудничестве в области исследования космического пространства и по проекту «ГЛОНАСС». Как заявил помощник президента Сергей Приходько, визит в Казахстан — «демонстрация отношения России к интеграционным процессам на постсоветском пространстве в рамках СНГ и своего рода оценка достигнутого уровня отношений с Казахстаном» [4].

5–6 июля 2008 г. президент РФ Д. Медведев совершил свой второй визит в Казахстан, приняв участие в торжествах, посвященных 10-летию юбилею казахстанской столицы г. Астаны. 22 сентября 2008 г. состоялся очередной визит Д. Медведева в Казахстан он принял участие в Пятом форуме руководителей приграничных регионов РК и РФ, посвященном «Развитию приграничного межрегионального сотрудничества в области высоких технологий».

Весьма активно между Казахстаном и Россией развивается культурно-гуманитарное сотрудничество. На территории Казахстана действуют восемь филиалов российских вузов, включая МГУ им. М. В. Ломоносова [5].

Очень важно, чтобы мы работники сферы образования и науки были не просто свидетелями, но и активными участниками происходящего, поддерживали и последовательно проводили в республике государственную политику в интересах населения и в целях социально-экономического развития нашей республики.

Развитие культуры в рыночных отношениях, а Казахстан идет именно по этому пути, заставляет нас изменить отношение к культуре как исключительно к духовной сфере. В соответствии с основными направлениями социальной политики на уровне, Концепцией социально-экономического развития Республики Казахстан, отрасль культуры признается одной из ведущих направлений социально-экономического развития. Включение культуры в процесс социально-экономических преобразований в качестве одного из основных ресурсов послужило основой для создания Концепции развития культуры в Республике Казахстан.

Не только сохранение и использование традиционной культуры, историко-культурного наследия, но и эффективное участие в создании единого информационного пространства, использование информационных и коммуникационных технологий являются важными аспектами современной культурной политики.

Разработка целевых комплексных программ в сфере культуры на всех уровнях управления является одним из важнейших инструментов реализации культурной политики.

И в заключение можно привести слова немецкого ученого Хартмуте Треппера, который в своей книге «Культура и современный рынок России» как нельзя лучше характеризует процессы, происходящие в культуре и культуру в целом: «Культурой мы называем не только ряд специализированных областей творческой деятельности, но и всю совокупность структур, образцов, всю специфику восприятия реалий человеческой жизни,

весь процесс придания им значимости. Представление о культуре как о сундуке со священными предметами, передаваемом почти без изменений в виде классики через поколения в века, характерно для закрытых обществ. На самом деле опыт показывает, что каждая эпоха пишет историю культуры заново. Каждая эпоха, кроме того, по-новому определяет, что она подразумевает под термином «культура».

ЛИТЕРАТУРА

1. Назарбаев Н. Ә. Қазақстан — 2030. Ел Президентінің Қазақстан халқына жолдауы. — Алматы: Білім, 1997, — 176.
2. Литературные встречи в Москве. kazembassy.ru /issue/? Issueld=798
3. Выступление Посла РК в РФ К. Е. Кушербаева по случаю открытия Межгосударственного культурного комплекса им. Курмангазы в Астраханской области kazembassy.ru /issue/? Issueld=488
4. palm.newsru.com /russia/22may2008/medastanapekin.html
5. Султанов Б. К. Казахстан и Россия. Казахстан сегодня. — Алматы, 2009. — С. 166.

© Смирнов Александр Михайлович (sashlok@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВ БРИКС В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ

THE COOPERATION OF THE MEMBER COUNTRIES OF BRICS ASSOCIATION IN THE FIELD OF CULTURE AND EDUCATION

J. Zheng

Summary. In this article we are talking about the cooperation of the BRICS member countries in education, science and culture. Development of cooperation of the BRICS countries in the field of education, science and culture is actively developing. Particular attention is paid to the analysis of the development of joint government and private initiatives in the process of creating a network of the University of the BRICS, and the system of cultural exchange of the association states.

Keywords: BRICS, China, Russia, India, South Africa, integration, education, network universities, culture, science.

Чжэн Цзелань

Аспирант, Российский университет дружбы народов

Jielan@list.ru

Аннотация. В статье речь идет о сотрудничестве в сфере образования, науки и культуры стран-участниц БРИКС. Развитие сотрудничества государств БРИКС в сфере образования, науки и культуры активно развивается. Особое внимание уделено анализу развития совместных государственных и частных инициатив стран БРИКС в процессе создания сетевых университетов БРИКС, системы культурных обменов государств объединения.

Ключевые слова: БРИКС, КНР, Россия, Индия, ЮАР, интеграция, образование, сетевые университеты, культура, наука.

18 ноября 2015 года в Москве министрами образования стран-участниц БРИКС был подписан документ — «Меморандум взаимопонимания», целью которого является учреждение Сетевого университета БРИКС. Впервые об этой инициативе было упомянуто в ходе совместной встречи министров стран-участниц БРИКС в 2013 году в Париже. Сама инициатива была выдвинута Российским университетом дружбы народов (РУДН), который уже становился участником международных сетевых университетов (СНГ и ШОС). В 2014 году главы государств Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР на саммите БРИКС в г. Форталезе поддержали данную инициативу, а в июле 2015 подкрепили Уфимской декларацией и отметили в Стратегии экономического партнерства. [2]

Проект был создан для того, чтобы вырастить и подготовить профессионалов в социальной сфере и экономики для принятия инновационных решений для государственного управления. СУ БРИКС будет осуществлять обучение программ двойных дипломов, в которой должна быть высокая академическая мобильность. При этом разрабатывается программа двухгодичного обучения, при которой первый год будет проходить в государстве проживания, а второй — в другой стране БРИКС. Рабочими языками университета будут английский, русский и китайский.

Сетевой университет БРИКС является научным проектом квинтета, который должен обеспечить создание общего образовательного пространства, послужить раз-

витию и подготовке профессиональных специалистов в ключевых сферах деятельности государств-членов. Меморандум о взаимопонимании о создании СУ БРИКС был подписан 18 ноября 2015 года в г. Москве.

14–15 мая 2015 года в г. Санкт-Петербурге в период российского председательства в БРИКС под эгидой Минобрнауки Российской Федерации прошла международная конференция «Образование и мировые города». В данном мероприятии приняли участие сотрудники государственных органов, бизнес-элиты и деловых кругов, а также Вузов государств БРИКС.

18 октября 2015 г. более 50 ректоров вузов из пяти стран собрались в Пекине, достигли «Пекинского консенсуса», что стало новым шагом создания Сетевого университета БРИКС. В данном документе было заявлено, что страны намерены создать совместную платформу исследования и научных обменов в целях стимулирования инновации и повышения интеллектуальной конкурентоспособности БРИКС в мире; совместно уделять внимание всестороннему развитию молодых студентов, расширять видения талантов, содействовать сбалансированному и устойчивому развитию экономики, а также содействовать странам БРИКС выбрать стратегии развития, отвечающие их национальным обстоятельствам. [7]

Министр образования РФ Дмитрий Ливанов отметил, что сетевой университет окажет положительное влияние на систему образования страны, а «развитие инициативы создания Сетевого университета БРИКС окажет

положительное влияние на качество российского высшего образования, усилит связи и кооперацию между университетами наших стран». [2]

Министр образования КНР Юань Гуйжэнь также отметил, что создание Сетевого Университета и усиление обменов в сфере образования имеет глубокое влияние для более 3 млрд. людей и укрепления отношений между странами. Он предлагает усиливать сотрудничество по 3 направлениям, во-первых, стоит усиливать обмен преподавателей, студентов, стажёров и разрабатывать совместную программу подготовки, во-вторых, можно проводить совместные исследования, создавая совместные лаборатории, аналитические центры и т.д, в-третьих, следует разработать общую систему для обеспечения качества образования. [7]

Образовательная система Китая делится на несколько ступеней: дошкольное, начальное, неполная и полная средняя школа, университет и поствузовское образование. Высшее образование могут получить только выпускники средних школ с академическим профилем и выпускники специальных технических школ. [1]

Еще одной чертой высшего образования в КНР является сильная ограниченность предложения по сравнению со спросом. При поступлении в некоторые университеты конкурс превышает 100 человек на место. Само высшее образование ориентировано на развитие науки, техники и культуры. В связи с большими потребностями в развитии экономики, наибольшее внимание уделяется экономической и политической наукам, а также правоведению, финансам, информационным и компьютерным технологиям, архитектуре, машиностроению и другим прикладным дисциплинам в области промышленности. При этом китайские ВУЗы отличаются действительно высоким уровнем качества образования, о чем свидетельствуют мировые рейтинги. [1]

При этом для его повышения Китай уже привлекает большое число преподавателей из-за рубежа. Для этого существуют даже специальные квоты. Приоритет отдается преподавателям из России, Украины и стран Восточной Европы. Помимо жесткого конкурса студентов мотивирует плата за обучение.

Индия располагает одной из наиболее больших систем высшего образования в мире. Индийцам нет необходимости сдавать экзамены для поступления в Вузы. В Индии существуют как университеты, так и колледжи, которые создает как государство, так и частные организации. Колледжи являются филиалами университетов. Университеты могут быть созданы как федеральным правительством, так и местным (правительством штата).

Колледжи Индии имеют строгую классификацию и делятся на: университетские, правительственные, профессиональные и частные. Университеты условно делят на традиционные и специализированные. Первые готовят студентов по широкому спектру специальностей, в то время как вторые обладают крайне ограниченной спецификацией.

Количество лет обучения зависит от конкретной дисциплины. Экономике и искусству обучаются 3 года. Бакалавриат для врачей, стоматологов, фармацевтов занимает у обучающихся 4 года, юристы и журналисты учатся 5 лет. Магистратура длится 2 года обучения. В аспирантуре обучаются 3 года. Единого регламента обучения в Индии нет. Однако при этом страна является одним из мировых лидеров в сфере ИТ-технологий, поэтому СУ БРИКС является одним из драйверов развития образования в стране.

Начальное и среднее образование в ЮАР практически не отличается от систем начального и среднего образования в БРИКС. Высшее образование является достаточно качественным в стране. Обучение происходит на английском языке. ВУЗы делятся на университеты, техникумы и колледжи, которые отличаются друг от друга количеством предметов и процессов обучения. Метод преподавания техникумов носит по большей части прикладной характер в сфере производства, коммерции и экономики. Многие техникумы прикреплены к крупным компаниям, так как ищут подходящие кадры для стажировки и работы. Университеты ЮАР находятся в мировых рейтингах образования на высоких позициях, особенно, в сфере гуманитарного образования. ЮАР вкладывает большие инвестиции в сферу образования.

По версии QS самое высокое место среди стран БРИКС занимает университет КНР Цинхуа (25 место в рейтинге за 2015 год). На 41 месте расположился Пекинский университет, а на 51 — Фуданьский университет. МГУ им. Ломоносова в данном рейтинге занимает 108 место, университет Сан-Пауло (Бразилия) — 143 место, Индийский научный институт — 147, а университет Кейптауна (ЮАР) — 171. [5]

По рейтингу CWUR (Center for World University Rankings) среди стран БРИКС лидером является Китай и его Пекинский университет, находящийся на 56 строчке. Российский МГУ им. Ломоносова находится на 59 месте. Самое высокое место среди индийских университетов в данном рейтинге занимает Технологический институт Дели (341 место), а единственный вошедший в рейтинг Университет Бразилии занимает 920 место. Ни одного из ВУЗов ЮАР в данном рейтинге не представлено. [6]

Таким образом, каждая страна БРИКС обладает своими особенностями в сфере образования. Уже стали известны ключевые приоритеты для сетевого университета. Основное внимание будет уделено сфере энергетики, ИТ-технологиям, проблеме недостатка водных ресурсов, климатическим изменениям, кибербезопасности и др. По сути, по каждому из этих направлений есть лидер среди стран организации. Таким образом, объединение усилий, обмен опытом в своих сферах специализации и в методах обучения, сопряжение образовательной политики, — все это позволит качественно улучшить образование и создать более квалифицированных специалистов.

В БРИКС создана хорошая база двусторонних обменов, как молодежных, студенческих, так и система культурных обменов. Сотрудничество в сфере культуры проходит по линии МИД и Минкультуры стран-участниц объединения БРИКС.

17 июня 2015 г. первая Встреча министров культур государств-членов БРИКС состоялась в Москве, на которой была опубликована Декларация. Стороны подчеркнули существенную роль культурного сотрудничества в продвижении и углублении дружбы между странами. [8]

Образование, наука, культура являются одними из ведущих национальных приоритетов в странах БРИКС, требуют достаточного финансирования на всех уровнях с целью достижения равенства, высокого уровня развития и конкурентоспособности. Высокие стандарты в образовании и науке, а также всеобъемлющий и равный доступ к образованию имеют первостепенное значение для народов стран БРИКС ввиду их стремления быть конкурентоспособными. [2]

Подготовка учителей и преподавателей остается ключевым приоритетом для всех стран БРИКС, и этой крайне важной области стоит уделять особое внимание. Более того, все государства БРИКС стремятся сотрудничать в сфере переподготовки и развития профессорско-преподавательского состава, исследователей в сфере образования и науки. При этом государства БРИКС готовы участвовать в разработке единых стандартов образования и программ обучения.

Система образования России приняла вектор развития в контексте общих стратегий системы образования мира. В настоящее время мировое сообщество заинтересовано в высоком качестве образования на всех его ступенях, что обуславливает необходимость объединения усилий систем образования для решения важных стратегических задач. Государства БРИКС рассматривают увеличение финансирования, разработки стратегии экономического взаимодействия и обеспечение эконо-

мик качественными и профессиональными специалистами, готовых решать важные задачи для развития национальных экономик БРИКС.

Система национального образования государств БРИКС далеко не совершенна. Одной из важных проблем в сфере образования БРИКС является его качество. Качество образования зависит от критериев человеческого восприятия, воссоздания качественного восприятия человеком природных и культурно-исторических аспектов развития. [2]

Развитие научных представлений об оценке как категории системы качества осуществляется в исследовании проблем управления качеством образования. В последние годы проблема качества образования является актуальной. Формирование надежной, управляемой системы обеспечения качества является одной из основных задач модернизации системы профессионального образования. Существенным элементом системы управления качеством профессионального образования в вузе, позволяющим констатировать имеющийся уровень качества и прогнозировать возможность его повышения, является оценка. [3]

Оценка качества образования в вузе как стабильный элемент его образовательного пространства характеризуется коммуникативной ориентацией. При этом обобщенными параметрами оценивания выступают: вуз как субъект собственного развития; ориентационное поле развития как основа целостности образовательного пространства вуза; характер образовательной деятельности, опосредованный ориентационным полем развития; степень удовлетворенности субъектов образовательного пространства вуза уровнем его образовательной деятельности; результаты подготовленности выпускников к профессиональной деятельности. [3]

Повышение качества образования заложено в стратегиях развития системы образования. Федеральные целевые программы, государственные инициативы, проекты, концепции системы развития педагогического образования, профессиональные стандарты, новые образовательные стандарты — всё это, безусловно, обеспечивает высокое качество образования. В последние 3 года активно внедряется мониторинг эффективности деятельности вузов. Существуют разные мнения о мониторинге, так как он предъявляет высокие требования к учебным организациям.

Сравнивая системы образования России и КНР, необходимо сконцентрировать внимание на общих пунктах и различиях. Сходство вузов Китая и России заключается в том, что в обучении на дневных отделениях в течение

пяти лет (в медицинских институтах — семь-восемь). Высшее образование может быть двух типов: 1) по программе специалиста и 2) двухуровневое, по системе бакалавр плюс магистр. После получения диплома о высшем образовании возможна учеба в аспирантуре для получения степени доктора философии. [1]

Важно также отметить, что у стран БРИКС большой потенциал для развития сотрудничества в сфере культуры, а именно, кинематографа, ввиду богатых национальных традиций в данной сфере. Так, например, в России хорошо знакомы с индийскими и китайскими фильмами, а в Индии и КНР с российскими. Кроме того, по мнению министра культуры России Владимира Мединского, участие в охране культурных ценностей под эгидой ЮНЕСКО также является важным аспектом работы в рамках БРИКС. [9]

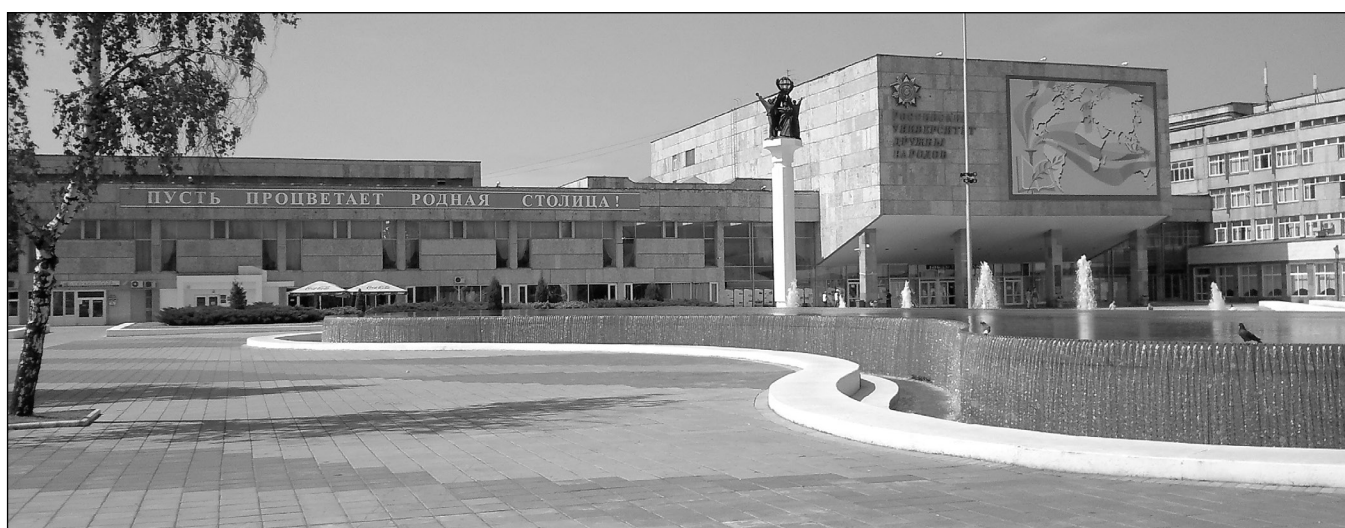
Таким образом, стремление стран-участниц БРИКС к интеграции в сфере образования, науки и культуры должно позволить в будущем выработать новые критерии, которые должны повысить уровень высшего образования внутри объединения. Это позволит готовить многопрофильных специалистов, которые будут готовы к решению различных задач как на территории своей страны, так и внутри объединения. БРИКС. Создание сетевого университета БРИКС должно способствовать развитию государств стран БРИКС в сфере образования, процессу подготовки качественных специалистов для работы в совместных государственных и частно-государственных проектах. Страны БРИКС сами по себе принадлежат к разным цивилизациям и являются носителями разных культурных традиций. Объединение стран БРИКС представляет собой пример диалога и сотрудничества разных цивилизаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сайт Министерства образования КНР. URL: http://www.moe.edu.cn/publicfiles/business/htmlfiles/moe/moe_1485/201311/159192.html[2] Сайт БРИКС. Сетевой университет БРИКС. URL: <http://www.brics2015.ru/news/20150516/90741.html>
2. <http://brics2015.ru/>
3. Концепция оценки качества профессионального образования в ВУЗе — <http://moyuniver.net/konceptsiya-ocenki-kachestva-professionalnogo-obrazovaniya-v-vuze/>
4. Состояние развития высшего образования в Китае — <http://articlekz.com/article/8129>
5. Как составлялся рейтинг — <http://www.edu.ru/abitur/act.9/index.php?rating/ratingExpertRA2014.html>
6. Рейтинг лучших университетов мира по версии TimesHigherEducation. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/the-world-university-rankings/info> —
7. Сайт Новости Китая. Создается сетевой университет БРИКС. URL: <http://www.chinanews.com/sh/2015/10-18/7575547.shtml>
8. Сайт Министерства культуры РФ. Декларация Первой Встречи министров культуры государств-членов БРИКС URL: http://mkrf.ru/ministerstvo/departament/detail.php?ID=667633&SECTION_ID=72285
9. Сайт ИТАР-ТАСС. Мединский: страны БРИКС должны пополнить список наследия ЮНЕСКО своими объектами. URL: <http://tass.ru/kultura/2048379>
10. Сайт Информационного агентства РИА Новости. Что могут дать страны БРИКС российскому образованию. URL: <http://www.rifinfo.ru/news/41310>

© Чжэн Цзелань (Jielan@list.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫЙ РЕСУРС СУБЪЕКТА РАЗВИТИЯ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ

SUBJECTS OF DEVELOPMENT MENTAL AND PERSONAL RESOURCE: SCOPE AND PROBLEM DEFINITION

O. Istratova, I. Kibal'chenko, T. Eksakusto

Summary. The article is aimed at theoretical studying the scope of mental and personal resource. The necessity of the mental and personal resource integral form studying is brought up in this Article. The mental and personal resource is studied from the point of view of differentiated and integrated approaches and the integrated one is preferred. Theoretical conclusion is made, mental and personal resource integration predictors are given at the end of the present Article.

Keywords: intellectual resource, personal resource, structure, integration.

Истратова Оксана Николаевна

К.псх.н., Южный федеральный университет Институт компьютерных технологий и информационной безопасности (Таганрог)
oksana-istratova@yandex.ru

Кибальченко Ирина Александровна

Д.псх.н., Южный федеральный университет Институт компьютерных технологий и информационной безопасности (Таганрог)
kibal-irina@mail.ru

Эксакусто Татьяна Валентиновна

К.псх.н., Южный федеральный университет Институт компьютерных технологий и информационной безопасности (Таганрог)
etv01@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена теоретическому исследованию содержания понятия интеллектуально-личностный ресурс. Обозначена актуальность изучения интегрированной формы интеллектуально-личностного ресурса. Показано, что интеллектуально-личностный ресурс может рассматриваться с позиций дифференцированного и интегрированного подходов, последний из которых является приоритетным. Представлен теоретический вывод предикторов интеграции интеллектуального и личностного ресурсов.

Ключевые слова: интеллектуальный ресурс, личностный ресурс, структура, интеграция.

На этапе глобальных экономических, политических, социальных изменений, важнейшим потенциалом, на который опирается современное общество, становится молодежь. Молодые люди должны решать сегодня все более трудные задачи, включаясь в новые социальные отношения, учитывая большое количество факторов, которые способствуют продуктивной и успешной деятельности. Такие условия предъявляют особые требования, как к интеллектуальным ресурсам человека (например, способность быстро и точно решать возникающие жизненные задачи), так и к личностным (уверенность в себе, ответственность, самостоятельность в принятии решения, коммуникативная компетентность и т.п.). Другими словами, необходимо рассматривать интеллектуальный и личностный ресурсы как единую интегративную переменную, которая является одним из кристаллизующих оснований общей модели ресурсов личности, позволяющим сохранять психологическую устойчивость, сопротивляемость неблагоприятным воздействиям, определяющим возможность, разрешая жизненные задачи, идти по пути развития и самосовершенствования. При этом зачастую в процессе онтогенеза может происходить «рассинхронизация» — неоптимальное соотношение интеллектуальных и личностных ресурсов. Например, высокий уровень ин-

теллектуальных ресурсов и низкий уровень личностных ресурсов (неуверенность, безответственность, несамостоятельность) снижает продуктивность жизнедеятельности молодых людей. Обратное соотношение — высокий уровень личностных ресурсов (инициативность, лидерские качества) и невысокие интеллектуальные возможности (неспособность предвидеть и оценить последствия своих действий, закрытость познавательной позиции и т.д.) может спровоцировать опасные ситуации, как для самого человека, так и для окружающих его людей. Таким образом, проблема интеграции интеллектуального и личностного ресурсов становится все более актуальной и востребованной.

Анализируя существующие на сегодняшний день взгляды на понимание содержания ресурсов человека можно выделить два основных подхода: *дифференцированный*, где ресурсы рассматриваются как способности человека (В.Н. Дружинин, А.Г. Маклаков и др.), как свойства личности (А.Г. Маклаков), жизненные возможности и ценности личности (К. Муздыбаев), универсальные компетентности человека по регуляции своей деятельности (В.И. Моросанова); и *интегрированный*, где ресурсы выступают интегральной характеристикой личности (С.А. Калашникова),

развивающейся интеллектуально на разных этапах жизнедеятельности. Среди универсальных характеристик такой системы (интегрированный подход) ресурсов выделяют следующие: целостность, организованность, динамичность, устойчивость, гетерогенность, гетерохронность формирования. Представляется, что именно интегрированный подход является перспективным с точки зрения развития личности, что обусловлено целым рядом причин.

Во-первых, все большее количество исследователей сталкиваются на практике с необходимостью комплексного анализа интеллектуального и личностного ресурсов как объяснительного принципа успешности человека в различных сферах жизнедеятельности (профессиональной, межличностной, личностного роста и т.п.). Так, например, в проведенном нами исследовании (Кибальченко, Эксакусто, 2013–2015) [4] было обнаружено (на примере предпринимателей), что каждый субъект деятельности (потенциальный или реальный) имеет соответствующий потенциал, в большей или меньшей степени отвечающий требованиям данной профессиональной деятельности, причем этот потенциал включает в себя способности, свойства, особенности как интеллектуальной сферы, так и личностной. В этой связи можно сказать, что такой потенциал включает в свою систему определенный интеллектуально-личностный ресурс, обеспечивающий эффект успешности деятельности и отражающий перспективы развития способностей человека (способность анализа, оценки условий и действий, понимания причин происходящего, создания целостной картины ситуации, разработки стратегий и планов). Другими словами, личностный и интеллектуальный ресурсы в процессе своего развития образуют интегрированный ресурс, в котором интеллектуально-личностные свойства могут актуализироваться и мобилизоваться в качестве предиктора успешности молодежи, ориентированной на профессиональную деятельность (данный вывод соотносится со структурно-интегративным подходом М. А. Холодной).

Во-вторых, в ряде исследований, направленных на изучение особенностей обучения школьников и подготовки специалистов в разных областях профессиональной деятельности, подчеркивается (А. В. Карпов, М. М. Кашапов, Н. А. Лызь, Е. Ю. Савин, Н. В. Гафурова и др.) актуализация потребности современного общества в интеллектуально-личностной подготовке детей и молодежи с опорой на их интеллектуальные возможности и личностные особенности. Так в исследовании Н. П. Локаловой и Л. И. Никоновой отмечается наличие парадоксальной ситуации, когда, с одной стороны, существует объемное, мобильное информационное пространство, предъявляющее высокие требования к интеллектуальным способностям членов общества. С другой стороны, в силу реальных биосоциальных причин у большей части современных детей

6–7 лет (до 85%) отмечается недостаточный уровень их когнитивного и личностного развития, что не позволяет считать их психологически готовыми к школьному обучению в целом и к усвоению знаний в новых условиях школьного образования в частности. При этом эффективность развития готовности к школе обусловлена, как отмечают авторы, именно интеграцией воздействия на личностные и когнитивные особенности дошкольников. В исследовании подчеркивается, что позитивные изменения (в работе с готовностью детей к школьному обучению) оказались возможными, потому, что когнитивное развитие осуществлялось в ситуации комплексного воздействия ряда факторов, обращенных, прежде всего, к личности будущего школьника. Например, на общем положительном эмоциональном фоне, создаваемом доброжелательным, диалогичным характером отношений взрослого с детьми и детей друг с другом, использовались в качестве психологических заданий познавательные задачи, вызывающие у детей интерес, желание хорошо справиться с ними. Успешное выполнение заданий повышает уверенность в своих силах [9], что, в свою очередь, свидетельствует о встраивании новых элементов в структуру их опыта, его преобразование, обогащение ресурса за счет формирования интенционального и интеллектуального компонентов, а в целом, интеграцию интеллектуального и личностного ресурсов.

В-третьих, при всем многообразии исследований интеллектуальных и личностных ресурсов наблюдается недостаточность работ, в которых поднимается вопрос концептуальных «мостов» интеграции разных форм ресурса субъекта развития. Не смотря на то, что эти работы единичны, в них подчеркивается существование связи между уровнем когнитивного развития и личностными особенностями. Так эмпирически доказано, что повышение уровня познавательного развития сопровождается позитивными изменениями в личностной сфере: повышается уровень учебной мотивации (В. Н. Брайтфельд, С. В. Гусева, С. В. Дорохова, Е. А. Макеева), снижается импульсивность и тревожность (Г. В. Молчанова), усиливается самоконтроль эмоциональных состояний, расширяется диапазон переживаний, усиливается интерес к окружающим людям (Е. П. Кистенева, О. Е. Шаповалова) [9]. Для подросткового и юношеского возрастов развитие понятийного мышления рассматривается как важное условие и база личностных перестроек (формирования рефлексии, устойчивого и позитивного образа-Я, самостоятельности, открытости в общении, эмоционального самоконтроля и др.) и формирования субъектности [5, 10, 12].

Анализ немногочисленных исследований, посвященных вопросам интеграции разных форм ресурсов, показал, что первые попытки объединить (интегрировать) интеллектуальные и личностные возможности субъекта стали предприниматься в самом конце XX — начале XXI веков. Одной из первых работ в этом направлении ста-

ли исследования Б.Д. Парыгина. Автор, описывая личностный потенциал, отмечает, что он (потенциал) предполагает определенный уровень психических возможностей человека и его внутренней энергии, направленной на творческое самовыражение и самоутверждение (духовный потенциал). При этом психические возможности личности (ее психический потенциал) складываются в конечном итоге из ее *интеллектуального, эмоционального и волевого потенциалов* (выделено нами), но для этого необходимы определенные условия. Например, интеграция интеллектуального, эмоционального и волевого потенциалов предполагает наличие у личности развитого сознания и самосознания, способности критического восприятия поведения окружающих и собственного поведения, способности сознательного выбора своей позиции в жизни. А на степень развернутости духовного, творческого потенциала личности наряду с другими факторами влияет уровень развития ее социально значимого мироощущения, мировосприятия и умонастроения, проявляющейся в индивидуально-неповторимой форме.

Е.А. Сергиенко в своих исследованиях вводит понятие «индивидуальные ресурсы», под которыми понимаются особенности интеллектуальных, когнитивных способностей, обеспечивающих анализ и упорядочивание внешней и внутренней среды, создание ментальных моделей ситуаций и событий [12]. Автор формулирует продуктивную идею об индивидуально специфичном сочетании когнитивных, эмоциональных и волевых ресурсов [10, с. 120–132], то есть индивидуальной системы, в которой каждый из ресурсов функционирует самостоятельно и во взаимосвязи по индивидуальным внутрисистемным законам. Результаты функционирования такой индивидуальной системы определяют своеобразную схему (структуру) «внутренний ресурс — внешний ресурс».

При этом Е.А. Сергиенко подчеркивает, что именно субъект выступает системообразующим фактором всей системы регуляции, а сам индивидуальный ресурс включает три подсистемы контроля поведения: когнитивный контроль; эмоциональный контроль; произвольный/волевой контроль. Эти системы развиваются и переходят с одного уровня на другой. Тем самым автор показывает неразрывность, единство и интегрированность интеллектуальных и личностных процессов, что, по сути, является аргументом в пользу существования интегрированного интеллектуально-личностного ресурса [12]. Когнитивный контроль, описанный и обоснованный в трудах М.А. Холодной [15, с. 27], управляющий интеллектуальной активностью, интеллектуальным индивидуальным ресурсом, регулирующим аффекты, представляет собой сложное образование. Не смотря на то, что речь в этом предположении идет, прежде всего, о когнитивном контроле, очевидна интегративность этого процесса, который управляет не только интеллектуальным ресурсом, но и эмоциональной составляющей.

Наиболее разработанной концепцией интегрированной формы ресурса на современном этапе является концепция ментального ресурса, представленная в исследованиях М.А. Холодной (в рамках структурно-интегративного подхода). Вслед за М.А. Холодной С.А. Хазовой анализируется понятие «ментальный ресурс» как механизм, который позволяет субъекту «за счет процессов концептуализации событий и своих собственных психических возможностей поддерживать и развивать (регулировать) собственную активность» [14]. С.А. Хазова подчеркивает, что ментальный ресурс представляет собой содержательную характеристику внутреннего мира субъекта, так как он представлен в виде образов, знаний, суждений об особенностях ситуации и о собственных возможностях и связан с эффективностью конкретной деятельности, жизнедеятельности человека как с точки зрения достижения результатов, совладания с трудностями, так и с позиции самэффективности и субъективного благополучия. По сути, речь идет об интегральности интеллектуальной и личностной составляющих в едином ресурсе человека.

Анализируя модель пятиуровневой организации ментальных ресурсов, в целостной картине после уровня формально-динамических ресурсов (1-й уровень) четко просматривается чередование личностных (2-й и 4-й уровни) и интеллектуальных (2-й и 5-й) форм ментальных ресурсов [1, с. 305].

Интеллектуально-личностные ресурсные отношения сопровождают субъекта на разных возрастных этапах привлечения и создания новых ресурсов. Центральным в организации структур собственного опыта и ресурса является субъект, активный и рефлексивный. По мнению Кашапова М.М., Пошехоновой Ю.В. интеллектуально-личностные ресурсы человека являются реальным потенциалом преодоления, например, деформаций в профессиональных ситуациях [3, с. 94–98].

Крысанова О.А. со ссылкой на работу С.Р. Яголковского вводит ряд переменных, входящих, по ее мнению, в структуру интеллектуально-личностного потенциала. Такой потенциал, по мнению автора, включает интеллектуальные и личностные качества, оказывающие влияние на эффективность инновационной деятельности субъектов и, одновременно, являющиеся условием для актуализации такой деятельности: мотивационно-творческая (стремление к лидерству, креативность, стремление к риску); профессиональные способности к осуществлению инновационной деятельности (способность к созданию авторской концепции, технологии деятельности, способность к планированию экспериментальной работы), индивидуальные особенности личности (темп творческой деятельности) [8, с. 15–29].

На наш взгляд, системным с точки зрения описания основ интеграции интеллектуального и личностного ре-

сурсов выступает исследование Т.В. Корниловой, где вводится понятие «интеллектуально-личностный потенциал». Работа Т.В. Корниловой опирается на идею единства интеллекта и аффекта, которая основывается на культурно-исторической концепции Л.С. Выготского и идее смысловой регуляции мышления школы О.К. Тихомирова. Автор подчеркивает, что для понимания этого единства необходимо опираться на конструкт «динамические регулятивные системы». Этот конструкт фиксирует динамические иерархии разноуровневых процессов и включает как когнитивные, так и эмоционально-личностные составляющие. Доказательством единства личностно-мотивационных структур и интеллектуальных ресурсов выступает процесс принятия/регуляции выбора решения, где данные ресурсы объединяются и выступают условиями эффективности принятого решения, что делает человека субъектом решения. Достаточно большое внимание в своем исследовании Т.В. Корнилова уделяет особенностям выбора коппинг-стратегий, обращая внимание на то, что их предпочтение субъектом (прежде всего, на осознаваемом уровне) интеллектуально и личностно опосредовано.

При этом подчеркивается, что в регуляции любого выбора человека (рационального, личностного, морального) «разум и совесть, интеллектуальный и личностный потенциалы функционируют не автономно, а в единстве» [7, с. 47–59].

Теория саморегуляции, разрабатываемая автором в рамках функционально-уровневой концепции принятия решений (Т.В. Корнилова) исходит из того, что в динамических регулятивных системах решений и действий человека представлены компоненты как осознаваемого, так и неосознаваемого уровня, что дает возможность говорить о неразрывности, невозможности разделения интеллектуальных и личностных ресурсов и приводит автора к понятию интеллектуально-личностного потенциала [6, с. 46–57].

По мнению Т.В. Корниловой, интеллектуально-личностный потенциал человека представлен в единстве процессов когнитивного оценивания, переживания и выбора путей разрешения проблемной (или стрессовой) ситуации [Там же]. При этом подчеркивается, что «согласно развиваемой модели множественной и многоуровневой регуляции выбора, интеллектуально-личностный потенциал следует рассматривать не в качестве «мешка» с опущенными туда ресурсами (мотивационными, когнитивными и прочими) и, тем более, не в качестве автономно функционирующих «процессов саморегуляции» [7, с. 47–59].

Особенно важной такая постановка вопроса становится при описании процесса целеполагания, ход которого определяют как предположения человека о себе самом (осознание достижимости тех или иных целей),

так и те его житейские представления об интеллекте и личности, которые позволяют ему ставить перед собой определенные цели, конкретизировать свои устремления. [7, с. 47–59]

Теоретический анализ к пониманию интеграции разных форм ресурсов человека позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, изучение взаимосвязей разных форм ресурсов в «горизонтальном, плоскостном» плане является недостаточным и на данный момент актуально изучение гетерархии ресурса, то есть «по вертикали» в системе сложных процессов развития субъекта и его самых разнообразных деятельностей. Во-вторых, авторская позиция выражается в солидарности с современными исследователями (Трифонов А.В. и др.) в том, что разделение ресурсов является скорее условным, так как в реальных жизненных ситуациях они активизируются комплексно, но формирование в целостной структуре интеллектуально-личностных форм имеет ресурсную значимость и выполняет ресурсную роль и в развитии индивидуального ресурса, и в развитии субъекта в целом. В третьих, идея о разработке содержания понятия интеллектуально-личностного-ресурса не противоречит, выдвинутому (С.В. Дружинина, М.А. Холодная) на современном этапе отечественной психологии личности, предположению о том, что индивидуальные реальные достижения человека являются результатом сформированности и интегрированности когнитивных и личностных ресурсов как эффектов взаимодействия разных видов способностей (когнитивных, понятийных, креативных) и разных форм ментального опыта (понятийного, метакогнитивного, интенционального) [2, с. 5].

Таким образом, подводя итог немногочисленных (а точнее единичных) работ, посвященных интеллектуально-личностной интеграции можно выдвинуть ряд аргументов в пользу существования интеллектуально-личностного ресурса.

1. Целостность когнитивных (интеллектуальных) и личностных ресурсов обеспечивает движение к функциональным новообразованиям, что открывает перспективы изучения комплекса ресурсных детерминант, определяющих индивидуальный интеллектуально-личностный ресурс субъекта развития.

2. Интеграция интеллектуального и личностного ресурсов обеспечивается самим фактом онтогенеза, когда на разных этапах развития личностный рост связан с когнитивными возможностями человека (как например, в становлении Я-концепции по мере развития представлений о себе, сначала о своем физическом теле, затем по мере взросления, о психических возможностях формируются эмоционально-оценочные особенности и регулятивные возможности).

3. Каждый человек, находясь в постоянном взаимодействии с социальной средой, решает жизненные задачи, преодолевает неопределенность, принимает решения, выбирает копинг-стратегии, что, несомненно, обеспечивается комплексом его когнитивных и личностных (интеллектуально-личностных) возможностей и особенностей (т.к. не возможно, взаимодействуя с социумом, опираться только на личностные особенности или только на когнитивные возможности).

Соответственно, находясь на очередной вершине собственного развития, человек задействует свой интегрированный интеллектуально-личностный ресурс, обеспечивающий следующий шаг в развитии и самосовершенствовании субъекта.

Соответственно, под интеллектуально-личностным ресурсом (в рамках предварительного предположения) можно понимать осознаваемую возможность (интеллектуальную и личностную), используемую в различных обстоятельствах и ситуациях и проявляющуюся в успешности человека как субъекта своего жизненного пути. В таком случае понятие ресурса приобретает практическую интеллектуально-личностную значимость для развития каждого субъекта и в качестве перспективы определяет задачу построения модели интеллектуально-личностного ресурса. Это позволит выдвинуть ряд положений, проясняющих взгляд на интегральную ресурсную характеристику личности, условия и средства развития молодых людей, потенциально возможные тенденции развития личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волкова Е. В. Технология экспресс-диагностики индивидуальных ментальных ресурсов // Ментальные ресурсы личности: теоретические и прикладные исследования: Материалы третьего международного симпозиума (Москва, 20–21 октября 2016 г.) / Отв. ред. М. А. Холодная, Г. В. Ожиганова. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. — 383 с. 303–308, С. 305.
2. Дружинина С. В. Интеллект, креативность и личностные свойства как факторы реальных достижений // Автореферат Дисс. .. канд. психол. наук. М., 2016. — 26 с.
3. Кашапов М. М., Пошехонова Ю. В. Метакогнитивные ресурсы преподавателя как субъекта образования // Безопасность и развитие личности в образовании / Материалы II-й Всероссийской научно-практической конференции (г. Таганрог, 14–16 мая 2015 г.). — Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2015. — 240 с. — С. 94–98.
4. Кибальченко И. А., Эксакусто Т. В. Интеллектуально-личностный ресурс успешности потенциальных предпринимателей: постановка проблемы // Седьмая международная конференция по когнитивной науке: тезисы докладов; Светлогорск, 20–24 июня 2016/Отв. Ред. Ю. И. Александров, К. В. Анохин. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016 — С. 700–701.
5. Князева Т. Н. Современные аспекты проблемы интеллектуального развития подростков в период возрастного кризиса // Современные проблемы науки и образования. — 2014. — № 6.; URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=16562> (дата обращения: 20.09.2016).
6. Корнилова Т. В. Интеллектуально-личностный потенциал человека в стратегиях совладания // Вестн. моск. ун-та. сер. 14. психология. 2010. № 1, 46–57.
7. Корнилова Т. В. Неопределенность, выбор и интеллектуально-личностный потенциал человека (в развитие смысловой теории мышления) // Методология и история психологии. 2009. Том 4. Выпуск 4 С. 47–59.
8. Крысанова О. А. Интеллектуально-личностный потенциал будущего учителя физики как субъекта инновационной деятельности // Преподаватель XXI ВЕК, № 1, 2012 с. 15–29.
9. Локалова Н. П., Никонова Л. И. Становление интеллектуально-личностной системы старших дошкольников как показатель психологической готовности к школьному обучению [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2011. N4(18). URL: <http://psystudy.ru>.
10. Психология саморегуляции в XXI веке / отв. ред. В. И. Моросанова. — СПб.; М.: Нестор-история, 2011. Сергиенко Е. А. Системно-субъектный подход: обоснование и перспектива // Психол. журн. 2011. Т. 32. № 1. С. 120–132.
11. Сапогова Е. Е. психология развития человека: Учебное пособие. — М.: Аспект Пресс, 2005. — 460 с.
12. Сергиенко Е. А. Контроль поведения: индивидуальные ресурсы субъектной регуляции [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2009. N5(7). URL: <http://psystudy.ru>.
13. Суворова О. В., Сорокоумова С. Н., Споткай Л. А. Психолого-педагогические условия развития субъектности личности подростка // Приволжский научный журнал, 2015, № 2. С. 281–286.
14. Хазова С. А. Ментальные ресурсы субъекта в разные возрастные периоды. Дис. ... д-ра психол. наук. — Москва, 2014. — 540 с.
15. Холодная М. А. Понятийные, метакогнитивные и интенциональные способности как ресурсный фактор интеллектуального развития // Ментальные ресурсы личности: теоретические и прикладные исследования: Материалы третьего международного симпозиума (Москва, 20–21 октября 2016 г.) / Отв. ред. М. А. Холодная, Г. В. Ожиганова. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. — 383 с. 26–32.

© Истратова Оксана Николаевна (oksana-istratova@yandex.ru),

Кибальченко Ирина Александровна (kibal-irina@mail.ru), Эксакусто Татьяна Валентиновна (etv01@yandex.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЗАДАЧИ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ, УЧЕБНИКИ И ЭВОЛЮЦИЯ НАУЧНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

THE GOALS OF STUDENT TEACHING, TEXTBOOKS AND EVOLUTION OF SCIENTIFIC DISCIPLINE

I. Kibal'chenko

Summary. In this article author discusses an adequacy of the typical textbooks to actual state of scientific disciplines, particularly the practice of inquiry and objectives training. Author offers conditions for improving quality of textbooks for higher education. As an example, he analyzes one of the textbook (Tolochek V. A. Labor psychology. — SPb.: Piter, 2017).

Keywords: labor psychology, textbook, evolution, structure, integration.

Кибальченко Ирина Александровна

*Д.псих.н., Южный федеральный университет
Институт компьютерных технологий
и информационной безопасности (Таганрог)
kibal-irina@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена обсуждению вопросов адекватности типичных учебных пособий актуальному состоянию научной дисциплины, особенностям запроса практики и задачам подготовки специалистов. Предлагаются условия повышения качества учебных пособий для вузов. В качестве примера рассматривается и анализируется одно из учебных пособий (Толочек В. А. Психология труда. — СПб.: Питер, 2017).

Ключевые слова: психология труда, учебное пособие, эволюция, структура, интеграция.

По определению, учебники и учебные пособия должны отражать наиболее устоявшиеся, общепризнанные знания, что требует известного времени их научной верификации и проверки практикой. Но вместе с тем, «фактор времени» играет и нежелательную роль — знание, представленное в учебнике, всегда будет запаздывающим... Как это системное явление сказывается на понимании актуального запроса практики и ему соответствующих задач подготовки специалистов?

Есть ли какие-то возможности снизить негативное влияние «фактора времени» на эффективность учебного процесса? Вероятно, да. Можно назвать несколько условий, тому способствующих. Первое: все учебники и учебные пособия периодически должны обновляться (это общеизвестно и общепринято). Второе: в учебниках и пособиях должны представляться и работы современных ведущих специалистов и ученых. Третье: в учебниках и пособиях должна представляться широкая панорама состояния дисциплины. Четвертое: желательно, чтобы в учебном пособии отражалась эволюция научной дисциплины (не только начиная с античности, но эволюция в ее актуальной фазе, например, на протяжении XX ст.). Пятое: желательно, чтобы в учебном пособии ставились задачи отражения эволюция социальных объектов, изменения социального запроса и, соответственно, динамика развития самой научной дисциплины.

Понятно, что названные условия не исчерпывают всех требований к хорошему учебнику или учебному пособию. Важны его структура, язык изложения, полнота освещения отдельных вопросов, их пропорция и со-

отношения, четкость определений основных понятий и многое другое.

В качестве возможного примера такого подхода (в большей или меньшей степени отражающего названные выше условия) можно назвать недавно изданное учебное пособие (Толочек В. А. «Психология труда» — СПб.: «Питер», 2017) [10]. Оно является вторым, дополненным изданием, вышедшем там же в 2016 г. [9]. Первой версией книги было учебное пособие «Современная психология труда», с 2005 по 2010 четырежды изданное в том же издательстве [8]. Рецензенты настоящего издания — А. В. Карпов и Ю. П. Поваренков, представляющие ЯрГУ, рецензентами первого издания были Е. А. Климов и В. А. Бодров, представляющие МГУ и ИПРАН.

Эта «история книги» косвенно отражает первое пожелание к учебнику — есть преемственность, есть периодически обновляемое содержание и структура.

В учебном пособии достаточно представлены не только труды отечественных «классиков» психологии труда, инженерной психологии и эргономики — К. К. Платонова, Е. А. Климова, Б. Ф. Ломова, А. К. Марковой и др., но и работы современных специалистов и ученых — Н. Е. Водопьяновой, А. Л. Журавлева, А. В. Карпова, А. Н. Костина и Ю. Я. Голикова, Л. М. Митиной, Ю. П. Поваренкова, Н. Н. Симоновой, А. В. Юревича, Б. А. Ясько и др. [1–7, 11, 12], что можно условно считать соответствующим второму условию.

О третьем условии — о широте панорамы состояния дисциплины, отраженной в учебном пособии, мож-

но говорить довольно условно. Едва ли это пожелание вообще выполнимо, тем более, в работе одного автора. Не всегда такие задачи успешно решаются даже силами больших научных коллективов.

Четвертое пожелание — отражение эволюции научной дисциплины в обсуждаемой книге, — прямо заявлено и разносторонне обсуждается автором. Для этого им используются разные приемы — сопоставляются понимание задачи дисциплины и определения ее предмета, данных разными специалистами в разные хронологические периоды, чаще — в интервале 1960–2000-х годов.

Пятое пожелание — анализ эволюции социальных объектов, изменения со временем социального запроса, возможности и полноты ответов на него ученых, факторы, влияющие на развитие научной дисциплины, — также представлены в анализируемом нами учебном пособии.

В дополнение к вышесказанному, можно отметить следующее.

В новом учебном пособии, как и принято, рассматриваются основные вопросы учебного курса «Психология труда», основные научные понятия, используемые в преподавании учебной дисциплины, раскрываются взаимосвязи изучаемых психологических феноменов. Акцент в изложении сделан на анализе исторических тенденций изменения свойств социальных объектов, следующего из этого характера социального заказа, определяющего особенности развития самой дисциплины.

В учебном пособии также анализируются тенденции развития смежных научных дисциплин, их понятийного и методического арсенала.

В новом издании книги — 2017 года, — рассматриваются изменения в организации и содержании труда человека на протяжении XX столетия, приводятся примеры эволюции научных парадигм, изменения отношений субъекта деятельности и организации труда.

Характерными особенностями настоящей книги являются: ее направленность, которую можно условно определить как эволюционная психология труда. Форма представления материала включает обзор по теме, содержащий как аннотированные представления научных позиций ученых и большие фрагменты первоисточников, так и авторские ремарки, отмеченные знаком «NB». В пособии реализован опыт акцентирования внимания читателей на хронологии исследования явлений, фиксируемых в специфических единицах — хронотопах знания — «спонтанно складывающихся в недрах науки исторические формы отображения действительности»

[9, с. 11], образцами которых выступают типовые схемы профессиограмм, схемы и методы профессионального отбора, формулирования научных задач, описания психологических феноменов и др.

Характерной является и структура глав, завершаемая разделом «парадигмы», содержащими историко-теоретический и методологический анализ исследований в данной области и сложившихся представлений ученых, и традиционным для учебных пособий раздел — «Вопросы и задания для самопроверок».

Представления автора о задачах учебного курса и пояснения особенностей авторского изложения материала изложены во введении.

В главе 1 «Психология труда как область научного знания о труде» отражены границы и задачи дисциплины, с учетом научных традиций и позиций отечественных ученых, как и в главе 2 «История психологии труда». В главе 3 «Психология труда: основные составляющие научной дисциплины» дается представление о дисциплине в широком смысле слова, о ее дочерних ответвлениях — инженерной психологии, эргономике, организационной психологии, профориентации, профессиональном обучении и собственные задачи психологии труда (в узком смысле слова). В 4–11 главах рассматриваются отдельные крупные вопросы и проблемы, типичные для изложения в таких учебных пособиях, то есть «Профессия, трудовой пост и рабочее место», «Эргатические функции и классификации профессий», «Методы изучения трудовой деятельности», «Факторы эффективности труда», «Адаптация человека к профессиональной деятельности», «Профессиографическое описание труда и субъекта», «Профессиональное самоопределение», «Периодизация жизни и профессиональная карьера».

В главах 12 «Профессиональный отбор персонала организаций» и 13 «Подбор, наем и расстановка персонала» обсуждаются вопросы связи научных и прикладных задач, особенности социально-психологических технологий на примере профессионального отбора кандидатов в профессии разных типов, на примерах анализа социальных технологий подбора, обучения и аттестации персонала организаций — в контексте субкультуры организаций, с учетом исторических тенденций работы с людьми — от «учета кадров» к «управлению человеческими ресурсами».

В главе 14 «Перспективы развития объекта и предмета психологии труда» представлена динамика развития психологии труда как дисциплины на протяжении XX ст., ее особенности в исторических границах начала нового столетия, пути поисков и описания учеными новых сущ-

ностных свойств предмета дисциплины труда, ее актуальных задач.

Обобщая, можно констатировать, что учебное пособие «Психология труда.— СПб.: Питер, 2017» [10] — ин-

тересная, содержательная, оригинальная книга, знакомство с которой будет полезным как для студентов, обучающихся по направлению (специальности) 030300 «Психология», так для преподавателей и для всех, интересующихся психологией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Водопьянова Н. Е. Профилактика и коррекция синдрома выгорания. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011.
2. Журавлев А. Л. Психология управленческих взаимодействий. — М.: Изд-во Института Психологии РАН, 2004.
3. Карпов А. В. Рефлексивная детерминация деятельности и личности. — М.: РАО, 2012.
4. Костин А. Н., Голиков Ю. Я. Организационно-процессуальный анализ психической регуляции сложной деятельности. — М.: Институт психологии РАН, 2014.
5. Митина Л. М. Психология личностно-профессионального развития учителя. — СПб.: Нестор-История, 2014.
6. Поваренков Ю. П. Психология профессионального становления личности. — Саратов: Изд-во СГПУ, 2013.
7. Симонова Н. Н. Адаптация к работе вахтовым методом в экстремальных условиях Крайнего Севера. — Архангельск: ИД САФУ, 2014.
8. Толочек В. А. Современная психология труда. — СПб.: Питер, 2010. — 432 С.
9. Толочек В. А. Психология труда. — СПб.: Питер, 2016. — 480 С.
10. Толочек В. А. Психология труда. — 2-е изд. доп. — СПб.: Питер, 2017. — 480 С.
11. Юревич А. В. Методология и социология психологи. — М.: ИП РАН, 2010.
12. Ясько Б. А. Организационная психология здравоохранения: персонал, лидерство, культура: монография. — Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2013.

© Кибальченко Ирина Александровна (kibal-irina@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИЗУЧЕНИЕ АДАПТАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА И КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА К РАБОТЕ С ДЕТЬМИ-ИНВАЛИДАМИ И ДЕТЬМИ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

STUDY OF ADAPTIVE CAPACITY AND COPING STRATEGIES OF THE FUTURE SPECIALIST TO WORK WITH CHILDREN WITH DISABILITIES AND CHILDREN WITH DISABILITIES

*O. Kozyreva
N. Dyakova*

Summary. Due to the sharp increase in the number of children with disabilities, to care of which the future professional should be prepared, the problem of adaptation is still extremely urgent. The ability to adapt is an individual characteristic identified by adaptation potential of specialist.

Adaptive potential is an integral structure that combines social and psychological, mental, biological properties, actualized by person for the creation and implementation of new programs of behavior in the changed conditions of professional activity.

Keywords: adaptive capacity, coping strategy, student, stress, adaptation disorders, professional activity.

Козырева Ольга Анатольевна

*К.п.н., доцент, ГОУ ВО «Красноярский государственный педагогический университет им.В.П.Астафьева»
kozyrevaoo@mail.ru*

Дьякова Наталья Ивановна

Преподаватель, ГОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В. Ф. Войно-Ясенецкого»

Аннотация. В связи с резким увеличением количества детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями здоровья, к профессиональной деятельности с которыми будущий специалист должен быть готов, проблема адаптации остается чрезвычайно актуальной. Способность к адаптации является индивидуальной характеристикой, определяющейся адаптационным потенциалом специалиста.

Адаптационный потенциал представляет собой интегральное образование, объединяющее социально-психологические, психические, биологические свойства, актуализируемые личностью для создания и реализации новых программ поведения в измененных условиях профессиональной деятельности.

Ключевые слова: адаптационный потенциал, копинг-стратегия, студент, стресс, нарушения адаптации, профессиональная деятельность.

Изучение проблем адаптации специалиста к различным условиям, в том числе и к изменяющимся условиям профессиональной деятельности, является предметом изучения как отечественных (Ю. А. Александровский, Ф. Б. Березин, В. Н. Григорьева, А. Г. Маклаков, А. А. Налчаджанян, В. А. Петровский, А. А. Реан и др.), так и зарубежных (I. L. Krestof, R. S. Lazarus, J. K. Norem, H. Thome) исследователей.

Адаптация является одним из ключевых понятий в сфере знаний, изучающих человека с позиций естественнонаучного, гуманитарного и общественно-научного подходов. В науке адаптация рассматривается в контексте системно-динамического подхода как единая, целостная, интегративная реакция организма, направленная на поддержание его жизнедеятельности в условиях постоянно изменяющейся внешней среды (Сороко С. И., Алдашева А. А., 2012).

С позиций такого взгляда адаптация понимается не просто как процесс и результат взаимодействия

человека со средой, а как системный ответ организма на длительное и многократное воздействие внешней среды, направленный на такое изменение структуры гомеостатического регулирования, которое обеспечивает его жизнь и деятельность путем формирования адекватного внешнему фактору первичного ответа и минимальной реакции платы (Медведев В. И., 2003)

Так, С. Т. Посохова (2001) рассматривает адаптацию как жизнедеятельность в изменяющихся условиях существования, как приспособление к измененным условиям среды, как достижение устойчивости в измененной среде. Автор указывает на то, что адаптация представляет собой механизм самораскрытия личности, обеспечивающий трансформацию изменений окружающей среды во внутренние условия создания новых способов взаимодействия с реальностью и с собой, необходимых для сохранения собственной целостности.

По мнению А. Н. Алёхина (2010), адаптация человека является процессом формирования таких способов

реагирования, которые адекватны действительности и обеспечивают оптимальные условия его существования.

В качестве одного из важных факторов адаптации личности, успешности ее совладания со стрессом рассматривается копинг-компетентность, которая является аналогом отечественного понятия стрессоустойчивости, рассматриваемого как результат взаимодействия различных компонентов (психофизиологического, эмоционального, интеллектуального, волевого) в контексте общей системы адаптации.

В копинг-компетентности выделяют следующие компоненты: адекватность в интерпретации и оценивании различных параметров ситуации, как на уровне общей тенденции, так и в отношении специфических стрессоров; адекватность восприятия внешних и внутренних ресурсов для преодоления стресса; богатый репертуар копинг-стратегий и сформированность навыков выбора наиболее эффективных стратегий поведения в соответствии с параметрами ситуации; адекватность результатов копинга, последствий осуществленных действий, их эффективности, возможности и необходимости коррекции (Трифоновна Е. А., 2013).

Адаптационный потенциал личности описывается как интегративное личностное свойство, выражающееся в отношении (позиции, установки, направленности) человека к миру; система знаний, убеждений, на основе которых строится, регулируется деятельность человека, развитое чувство нового, способность быстро менять приемы действия в соответствии с новыми условиями деятельности; совокупность реальных возможностей, умений и навыков, определяющих уровень их развития; психологическая установка на нетрадиционное разрешение противоречий объективной реальности; характерное свойство индивида, определяющее меру его возможностей в творческом самоосуществлении и самореализации; система личностных способностей, позволяющих оптимально менять приемы действий в соответствии с новыми условиями, и знаний, умений, убеждений, определяющих результаты деятельности и побуждающих личность к творческой самореализации и саморазвитию; одна из сфер творческой личности, ее аксиологический потенциал (Толстых Ю. И., 2011), в т.ч. работа с детьми-инвалидами и детьми с ограниченными возможностями здоровья.

В определении Л. Э. Кузнецовой (2011), личностный адаптационный потенциал — это интегральная переменная, характеризующаяся совокупностью индивидуальных признаков, обуславливающих эффективность психической адаптации человека, в частности в экстремальных ситуациях.

По мнению А. М. Богомолова (2008), адаптационный потенциал — это способность личности к структурным и уровневым изменениям (под влиянием адаптогенных факторов) качеств и свойств, что повышает ее организованность и устойчивость. Адаптационный потенциал является интегральным понятием, включающим специфические ресурсы, представленные на различных уровнях организации личности (индивидуальном, личностном, субъектно-деятельностном). Важными составляющими адаптационного потенциала являются механизмы, способы использования и преобразования адаптационных ресурсов, их количественных и качественных составляющих (разворачивание, аккумуляция, восполнение и т.д.). Эти процессы служат связующими звеньями между возможностями и способностями личности и реальной их реализацией в целенаправленном адаптационном процессе.

Адаптационный потенциал (адаптоспособность по В. И. Медведеву) выступает неспецифической, т.е. мало зависящей от действующего фактора, характеристикой способностей личности осуществлять адаптационные перестройки. Реализация потенциала адаптации осуществляется в общем контексте взаимодействия личности и образовательной среды вуза. Личностный адаптационный потенциал характеризует устойчивость личности к воздействию внешних факторов, «готовность» к разрешению и усложнению адаптационных задач, способность к образованию прогрессивных адаптационных эффектов и новобразований. Таким образом, потенциал адаптации не ограничивается лишь способностью «выдержать» адаптационную нагрузку, сохранив целостность и устойчивость личности.

Под профессиональной адаптацией понимается процесс становления равновесия в системе «человек — профессиональная среда», проявляется в эффективности и качестве труда, в удовлетворенности человека процессом труда, его результатом, собой как профессионалом, взаимоотношениями в коллективе (Исаева Е. Р., 2009).

Одним из условий успешной профессиональной адаптации называют зрелость и активность самой личности (Н. Р. Битянова, Т. Г. Григорьева, Р. И. Мокшанцев, А. В. Мокшанцева, В. В. Петрусинский, Н. С. Пряжников, В. Г. Ромек, Е. Е. Сапогова, Е. В. Сидоренко, М. Дж. Смит, К. Фопель).

Профессиональная адаптация возможна в двух стратегиях поведения: активной и пассивной; активное поведение связано с активным принятием условий труда, активным приспособлением к условиям профессиональной деятельности, их осознанием и ос-

мыслением, поиском индивидуального стиля деятельности; пассивное поведение пассивным принятием целей и ценностей профессиональной деятельности (Посохова С. Т., 2001).

С целью изучения адаптационного потенциала будущего специалиста к работе с детьми-инвалидами и детьми с ограниченными возможностями здоровья, было организовано и проведено исследование.

Задачи исследования

1. Сравнение уровня адаптационного потенциала студентов-второкурсников КрасГМУ и ИСГТ КГПУ.
2. Выявление зависимости уровня адаптации от копинг-стратегии у студентов-второкурсников КрасГМУ и ИСГТ КГПУ.
3. Сравнение уровня адаптационного потенциала студентов КрасГМУ и ИСГТ КГПУ, установление корреляционных связей между копинг-стратегией и уровнем адаптивности.

Характеристика выборки респондентов

В исследовании принимали участие 102 студента 2 курса факультета фундаментального медицинского образования Красноярского государственного медицинского университета им. В. Ф. Войно-Ясенецкого, направление «педиатрия». Возрастной диапазон которых составил от 17 до 20 лет; юношей — 16 чел, девушек — 86 чел. (далее студенты КрасГМУ). И студенты 2 курса Института социально-гуманитарных технологий Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева (учителя-логопеды, педагоги-психологи). Возраст испытуемых 18–21 год; только девушки — 86 чел. (далее студенты ИСГТ КГПУ).

Для изучения адаптационного потенциала будущего специалиста к работе с детьми-инвалидами и детьми с ОВЗ на основе оценки некоторых психофизиологических и социально-психологических характеристик, отражающих интегральные особенности психического и социального развития, был использован Многоуровневый личностный опросник (МЛО) «Адаптивность». Авторы А. Г. Маклаков и С. В. Чермянин. Опросник состоит из 165 вопросов и имеет четыре структурных уровня, что позволяет получить информацию различного объема и характера. Он предназначен для изучения адаптивных возможностей индивида на основе оценки некоторых психофизиологических и социально-психологических характеристик, отражающих интегральные особенности психического и социального развития.

Характеристику личностного потенциала адаптации можно получить, оценив поведенческую регуляцию, коммуникативные способности и уровень моральной нормативности.

Поведенческая регуляция (ПР) — это понятие характеризующее способность человека регулировать своё взаимодействие со средой деятельности. Основными элементами поведенческой регуляции являются: самооценка, уровень нервно-психической устойчивости, а также наличие социального одобрения (социальной поддержки) со стороны окружающих людей.

Коммуникативные качества (коммуникативный потенциал — КП). Определяются наличием опыта и потребности общения, а также уровнем конфликтности.

Моральная нормативность (МН) обеспечивает способность адекватно воспринимать индивидом предлагаемую для него определённую социальную роль.

Копинг-стратегии

Понятие копинг используется для описания характерных способов поведения человека во фрустрирующих ситуациях. Копинг-стратегии рассматриваются как отдельные элементы сознательного социального поведения, с помощью которых человек справляется с жизненными трудностями.

Психологическое предназначение coping состоит в том, чтобы эффективнее адаптировать человека к требованиям ситуации, позволяя ему овладеть ею, ослабить или смягчить эти требования, избежать или привыкнуть к ним, таким образом погасив стрессовое действие ситуации.

Интерпретация результатов осуществлялась в зависимости от набранных баллов. Чем выше балл по шкале, тем лучше выражен соответствующий ей компонент адаптационного потенциала личности. Кроме того, в опросник включены шкалы дезадаптационных нарушений, имеющих обратную зависимость выраженности от набранного балла: чем ниже балл, тем значительнее выраженность нарушения.

Юношеская копинг-шкала Т. Л. Крюковой

Юношеская копинг-шкала разработана австралийскими психологами Эрикой Фрайденберг и Рамом Льюисом. Русскоязычная адаптация выполнены Т. Л. Крюковой.

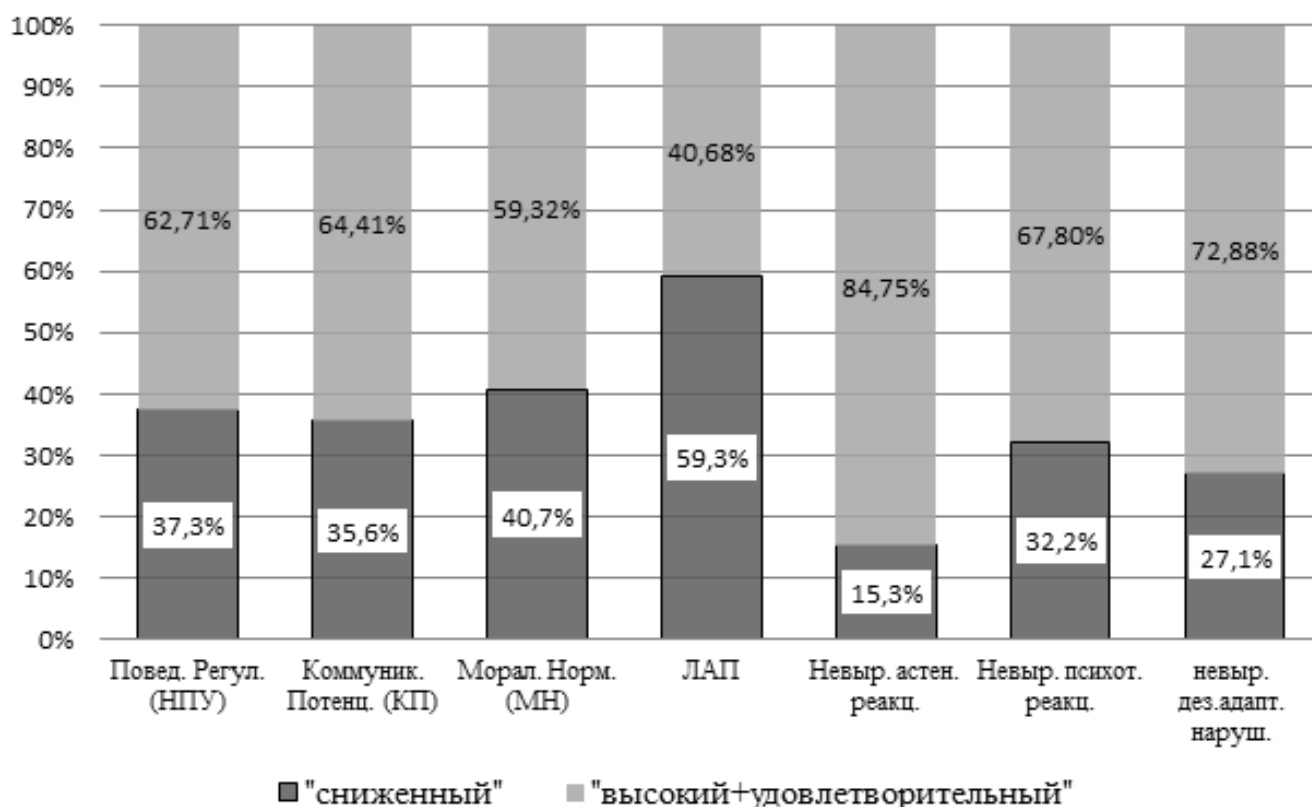

Рис. 1 Анализ результатов опросника «МЛО» студенты КрасГМУ. Распределение на «Удовлетворительные +высокие» и «Сниженный»

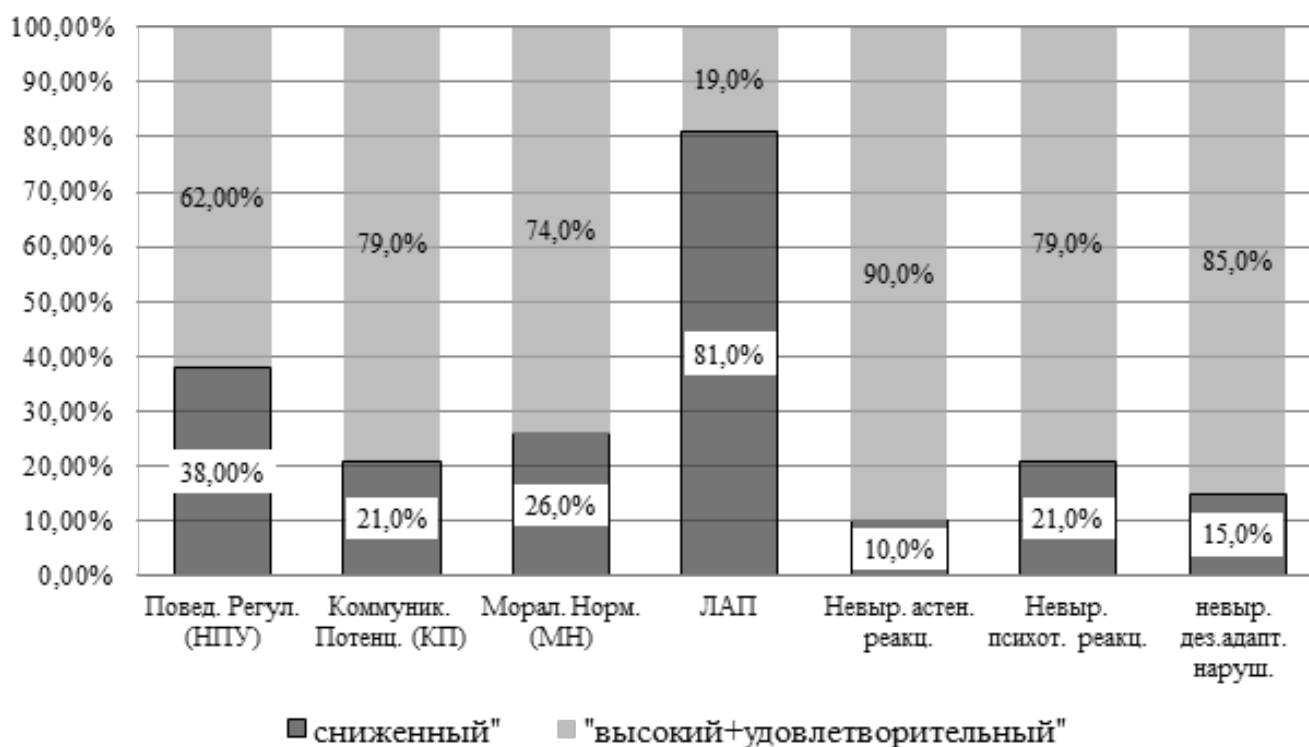

Рис. 2. Анализ результатов опросника «МЛО» студенты 2 курса ИСГТ КГПУ. Распределение на «Удовлетворительные +высокие» и «Сниженный»

Таблица 1. Анализ результатов продуктивных копинг-стратегий по результатам опросника «Юношеская копинг-шкала» у студентов КрасГМУ и ИСГТ КГПУ

% Респондентов, использующих стратегию				
Название стратегии	Студенты КрасГМУ		Студенты ИСГТ КГПУ	
	Выше среднего(>60)	Ниже среднего(<40)	Выше среднего(>60)	Ниже среднего(<40)
Копинг-стратегия				
Решение проблемы	81,8	4,40	93,2	0,0
Работа, достижения	76,8	5,7	93,2	0,0
Духовность	35,1	23,0	22,0	33,9
Позитивный фокус	77,6	2,3	86,3	4,1
Социальная поддержка	77,3	4,1	52,5	1,7
Друзья	65,3	3,1	84,7	0,0
Принадлежность	68,4	3,1	81,4	3,4
Общественные действия	13,4	42,3	5,1	57,6
Профессиональная помощь	18,6	23,7	11,9	8,6

Таблица 2. Анализ результатов непродуктивных копинг-стратегий по результатам опросника «Юношеская копинг-шкала» у студентов КрасГМУ и ИСГТ КГПУ

% Респондентов, использующих стратегию				
Название стратегии	Студенты КрасГМУ		Студенты ИСГТ КГПУ	
	Выше среднего(>60)	Ниже среднего(<40)	Выше среднего(>60)	Ниже среднего(<40)
Копинг-стратегия				
Беспокойство	86,6	1,0	47,5	6,8
Чудо	73,2	5,2	56,3	3,4
Несовладание	17,5	17,5	13,6	32,2
Разрядка	20,6	29,9	10,2	45,8
Игнорирование	35,1	11,3	20,3	16,9
Самообвинение	80,4	4,1	69,5	5,1
Уход в себя	62,9	6,2	47,5	5,1
Отвлечение	85,6	1,0	91,5	0,0
Активный отдых	57,7	5,2	72,9	5,1

Утверждения опросника образуют 18 шкал или копинг-стратегий, которые молодые люди используют, когда в их жизни происходят различные неприятные события, возникают напряжение и беспокойство (Крюкова Т.Л., 2010).

Представленные в восемнадцати шкалах стратегии образуют три стиля совладающего поведения:

1. Продуктивные стратегии (решение проблемы, профессиональные достижения, духовность, позитивный фокус) направлены на устранение проблемы, минимизируют стрессовую ситуацию;

2. Непродуктивные стратегии (игнорирование, уход в себя, самообвинение, беспокойство, активный

отдых) являются противоположностью продуктивных, способствуют развитию состояния фрустрации, не помогают решить проблему;

3. Социальные стратегии (социальная поддержка, друзья, принадлежность, общественные действия, профессиональная помощь) в зависимости от обстоятельств могут являться как продуктивными, так и непродуктивными.

В рамках проводимого исследования студентам предлагалось ответить на вопросы МЛО «Адаптивность». Результаты были обработаны, при помощи прикладного программного пакета «Statistica 6.0» с использованием непараметрических статистических методов. На основе полученных данных проводился

Таблица 3. Связь между шкалами «МЛО» и продуктивного копинга «Юношеской копинг-шкалы» у студентов ИСГТ КГПУ

Шкалы «МЛО»	Решение проблемы	Работа, достижения	Духовность	Позитивный фокус	Социальная поддержка	Друзья	Принадлеж.	Общественные действия	Профессиональная помощь
Поведенческая регуляция (НПУ)	0,10	0,16	-0,09	0,18	-0,09	0,21	-0,16	0,00	0,05
Коммуникативный потенциал	0,07	0,12	0,07	0,29	0,14	0,35	0,02	-0,01	0,05
Моральная нормативность	0,28	0,14	0,17	0,23	0,32	0,30	0,27	0,08	0,06
Адаптивные способности (ЛАП)	0,11	0,19	-0,03	0,25*	0,03	0,30*	-0,07	0,01	0,07
Астенические реакции	-0,04	-0,20	0,00	-0,18	0,08	-0,23	0,15	-0,04	-0,14
Психотические реакции	-0,18	-0,20	0,18	-0,13	-0,09	-0,17	0,05	0,11	0,06
Деадаптационные нарушения	-0,10	-0,21	0,10	-0,18	0,03	-0,21	0,15	0,02	-0,08

Таблица 4. Связь между шкалами «МЛО» и шкал непродуктивного копинга «Юношеской копинг-шкалы» у студентов ИСГТ КГПУ

Шкалы «МЛО»	Беспокойство	Чудо	Несовладание	Разрядка	Игнорирование	Самообвинение	Уход в себя	Отвлечение	Активный отдых
Поведенческая регуляция (НПУ)	-0,34	-0,42	-0,45	-0,63	-0,37	-0,58	-0,19	-0,39	0,04
Коммуникативный потенциал	-0,11	-0,21	-0,31	-0,34	-0,16	-0,42	-0,18	-0,07	0,09
Моральная нормативность	0,13	0,20	0,01	-0,07	-0,13	-0,13	-0,23	-0,10	-0,07
Адаптивные способности (ЛАП)	-0,26	-0,35	-0,41*	-0,58*	-0,36	-0,56*	-0,25	-0,35	0,03
Астенические реакции	0,33	0,46	0,56	0,53	0,39	0,64	0,24	0,34	-0,07
Психотические реакции	0,13	0,27	0,19	0,57	0,35	0,44	0,14	0,45	0,13
Деадаптационные нарушения	0,30	0,44*	0,48*	0,63*	0,40*	0,63*	0,22	0,41	0,00

сравнительный анализ адаптационных способностей студентов (Рис. 1, Рис. 2).

Общий уровень Адаптационного потенциала студентов КрасГМУ ниже среднего у 81,1% респондентов. Процесс адаптации студентов протекает тяжело. Возможны нервно-психические срывы, длительные нарушения функционального состояния. У таких людей может повышаться конфликтность, снижаются коммуникативные способности.

Таким образом, в целом уровень адаптации студентов ИСГТ КГПУ выше уровня студентов КрасГМУ. Мо-

ральная нормативность студентов КрасГМУ выражена намного лучше. Предположительно, мы связываем это с выбором медицинского университета и профессии врача как дальнейшего образа жизни. Безусловно, этот выбор создает общество людей с определенными качествами и жизненными принципами.

Причиной снижения адаптационных способностей могут выступать различия в структуре обучения в школе и ВУЗе, возрастающая нагрузка на второкурсников, ощущение ими ответственности и сложности будущей профессии. Специфика врачебной специальности предполагает сложное и длительное обучение,

Таблица 5. Связь между шкалами «МЛО» и шкал непродуктивного копинга «Юношеской копинг-шкалы» у студентов КрасГМУ

Шкалы «МЛО»	Беспокойство	Чудо	Несовладание	Разрядка	Игнорирование	Самообвинение	Уход в себя	Отвлечение	Активный отдых
Поведенческая регуляция (НПУ)	-0,16	-0,24	-0,23	-0,44	-0,01	-0,41	0,00	-0,05	0,19
Коммуникативный потенциал	-0,14	-0,11	-0,27	-0,19	0,07	-0,25	-0,08	0,00	0,21
Моральная нормативность	0,00	-0,14	-0,13	-0,23	-0,20	-0,15	-0,02	-0,10	0,05
Адаптивные способности (ЛАП)	-0,26	-0,23	-0,25	-0,49*	0,00	-0,45*	-0,09	-0,13	0,10
Астенические реакции	0,06	0,08	0,32	0,33	0,00	0,28	-0,02	-0,07	-0,20
Психотические реакции	-0,09	0,15	0,06	0,29	0,04	0,24	-0,11	0,12	-0,14
Деадаптационные нарушения	0,05	0,08	0,14	0,36*	-0,02	0,27	-0,10	-0,01	-0,32

в процессе которого создается множество стрессовых ситуаций, совладание с которыми требует от студента значительных затрат сил и энергии.

В рамках проводимого исследования студенты прошли опросник юношеской копинг-шкалы. В зависимости от набранного балла по каждой из шкал опросника, можно сделать вывод о склонности студента к использованию той или иной стратегии. Если набранный балл больше 60, то частота использования данной копинг-стратегии высокая (выше среднего), а если балл меньше сорока, то стратегия будет использоваться редко (ниже среднего).

Результаты представленные в Таблице 1. и Таблице 2. позволяют увидеть различия в структуре стратегий совладающего поведения у студентов. Так среди второкурсников ИСГТ КГПУ наблюдается более частое и качественное использование продуктивных копинг-стратегий.

С помощью таблиц 3 и 4 наглядно представлено наличие связи между шкалами «МЛО» и копинг-стратегий у студентов-второкурсников КрасГМУ у студентов ИСГТ КГПУ (Табл. 7).

Корреляционный анализ Пирсона позволил выявить связи между копинг-стратегиями и шкалами МЛО «Адаптивность» (Табл. 3, Табл. 4).

Из таблиц видно, что у студентов ИСГТ КГПУ присутствуют отрицательные связи интегральной шкалы «Адаптивные способности» (ЛАП) с неконструктивными копинг-стратегиями «Разрядка» ($r = -0,58, n_{1,2} =$

$= 86$), и «Самообвинение» ($r = -0,56, n_{1,2} = 86$), «Несовладание» ($r = -0,41, n_{1,2} = 86$), «Чудо» ($r = -0,35, n_{1,2} = 86$). А также мы получили положительные связи сильного и среднего уровня практически для всех неконструктивных копинг-стратегий с интегральной шкалой «Деадаптационные нарушения», что позволяет нам утверждать, что причина как психотических, так и астенических реакций кроется в использовании не конструктивных стратегий совладания со стрессом.

Менее выраженная положительная связь была обнаружена по интегральной шкале ЛАП только между продуктивной стратегией «Друзья» ($r = 0,30, n_{1,2} = 86$) и «Позитивным фокусом» ($r = 0,25, n_{1,2} = 86$).

У студентов КрасГМУ (Табл. 5.) выявлены отрицательные связи между компонентами адаптационного потенциала и непродуктивными копинг-стратегиями «Разрядка» ($r = -0,49, n_{1,2} = 102$), «Самообвинение» ($r = -0,45, n_{1,2} = 102$), «Несовладание» ($r = -0,25, n_{1,2} = 102$), «Беспокойство» ($r = -0,26, n_{1,2} = 102$). Деадаптационные нарушения связаны положительно с «Разрядкой» ($r = 0,36, n_{1,2} = 102$) и «Самообвинением» ($r = 0,27, n_{1,2} = 102$) и отрицательно — со шкалой «Активный отдых» ($r = -0,32, n_{1,2} = 102$).

Сравнивая полученные результаты, мы можем сделать несколько важных наблюдений. Во-первых, несмотря на преобладание неконструктивных копинг-стратегий среди второкурсников медицинского университета, существует процент студентов, которые могут справляться со стрессом различными путями, в частности большая часть студентов решают пробле-

мы сразу, работают для достижения результата и стараются мыслить позитивно.

Во-вторых, ту же ситуацию мы наблюдаем у студентов педагогического университета, за исключением некоторых отличий: молодые люди более активны, занимаются различными видами общественной деятельности, а также спортом. Мы предполагаем, что меньшая выраженность увлеченности такими мероприятиями студентов медицинского ВУЗа связана с направленностью на учебу и достижением результатов в интеллектуальной деятельности.

Дальнейшее исследование корреляций между неконструктивными стратегиями и нарушением адаптации из опросника МЛО показало наличие прямой сильной связи между ними. Также была выявлена обратная связь между неконструктивными копинг-стратегиями и адаптационным потенциалом.

Таким образом, можно сделать следующие выводы: у педиатров второкурсников КрасГМУ наблюдается относительно низкий уровень адаптационного потенциала личности и преобладание неконструктивных копинг-стратегий. Данная проблема может являться следствием усложнения обучения, по сравнению со школой. По нашему мнению, студентам-второкурсникам необходима помощь в адаптации к ВУЗу. Ключевую роль в этом может сыграть тренинговая работа,

организация культурных и спортивных мероприятий в учебном заведении.

ВЫВОДЫ

В процессе профессионально-личностного становления возникает проблема актуализации адаптивных способностей, которые формируются в процессе профессионального обучения. Позитивный аспект адаптационных преобразований заключается в формировании прогрессивных адаптационных следов и новообразований, обнаруживается в формулировании новых «задач» для целенаправленного развития отдельных сторон личности. Отрицательное влияние связано с дезадаптивными функциональными или структурными нарушениями, а также с приобретением личностью свойств, ограничивающих, искажающих, нарушающих процессы развития.

Адаптационные способности индивида во многом зависят от психологических особенностей личности, определяющих возможность адекватной регуляции функционального состояния организма в разнообразных условиях жизни и деятельности. Чем значительнее адаптационные способности, тем выше вероятность нормального функционирования организма и эффективной деятельности при увеличении интенсивности воздействия психогенных факторов внешней среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алёхин А. Н. Адаптация как концепт в медико-психологическом исследовании // Юбилейный сборник научных трудов (к 10-летию кафедры клинической психологии РГПУ имени А. И. Герцена). СПб., 2010. С. 27–32.
2. Артюхова Т. Ю. Адаптационные возможности как показатель психологического здоровья участников образовательного процесса // Сибирский психологический журнал. 2005. № 22. С. 49–53.
3. Богомолов А. М. Личностный адаптационный потенциал в контексте системного анализа // Психологическая наука и образование. 2008. № 1. С. 67–73.
4. Козырева О. А., Дьякова Н. И. Прогнозирование успешности профессионального становления будущих специалистов посредством интеллект-карт // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева. № 4(38). С. 196–203.
5. Исаева Е. Р. Копинг-поведение и психологическая защита личности в условиях здоровья и болезни. / СПб.: Изд-во СПбГМУ, 2009–136 стр.
6. Маклаков А. Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях // Психологический журнал. 2001. Т. 22, № 1. С. 16–24. 13. Медведев В. И. Адаптация человека. СПб.: Ин-т мозга человека РАН, 2003. 584 с.
7. Петровский В. А. Психология неадаптивной активности. М., 1992. 224 с.
8. Посохова С. Т. Психология адаптирующейся личности: субъектный подход: дис. . . . д-ра психол. наук. М., 2001. 393 с.
9. Трифонова Е. А. Адаптационный потенциал личности и психосоматический риск: проблема копинг-компетентности // Известия Рос. гос. пед. ун-та имени А. И. Герцена. 2013. № 155. С. 71–83.

О ДИСКУССИИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО И П. Д. ЮРКЕВИЧА («СТЕНЫ И МОСТЫ» В ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В XIX В.)

«WALLS AND BRIDGES» IN HISTORY OF DEVELOPMENT OF PSYCHOLOGICAL SCIENCE IN XIX CENTURY: DISCUSSION BETWEEN N. G. CHERNYSHEVSKY AND P. D. YURKEVICH

A. Kostrigin

Abstract. This paper considers the scientific discussion between philosophers N. G. Chernyshevsky (1828–1889) and P. D. Yurkevich (1827–1874) relating to the foundations of psychological research and knowledge. There are central problems of psychology inside discussions of the XIX century: subject, methods, objectives of psychology, psychophysiological problem, the ratio of physiological and psychic phenomena in human, etc. The author used a metaphorical approach to the methodology of science, contained in the works of V. A. Mazilov, for analysis of the views of scientists.

Keywords: methodology of psychology, metaphor, history of psychology, XIX century, Chernyshevsky, Yurkevich, discussion, anthropological approach, religious and philosophical approach.

Костригин Артем Андреевич

Старший научный сотрудник, Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына; преподаватель Московского государственного университета дизайна и технологии; аспирант, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (Россия); Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина
artdzen@gmail.com

Аннотация. В работе рассматривается научная дискуссия философов Н. Г. Чернышевского (1828–1889) и П. Д. Юркевича (1827–1874), касающаяся основ психологического исследования и знания. В дискуссии затрагиваются центральные для XIX в. проблемы в области психологии: предмет, методы, задачи психологии, психофизиологическая проблема, соотношение физиологических и душевных явлений в человеке и др. Для анализа взглядов ученых используется метафорический подход к методологии науки, изложенный в работах В. А. Мазилова.

Ключевые слова: методология психологии, метафора, история психологии, XIX в., Чернышевский, Юркевич, дискуссия, антропологический подход, религиозно-философский подход.

«<...> стена зачастую просто необходима либо для созидания нового, либо для его сохранения, защиты от врагов, настоящих или мнимых. К тому же многое зависит от того, где стена возводится: в степи, на окраине империи, или посредине шумного многолюдного города» [16, с. 27].

«Когда стоишь на мосту и долго смотришь вниз, иногда начинает кружиться голова. Возможно, это происходит потому, что за высотой пространственной угадывается другая, непространственная, которую нельзя измерить ни в футах, ни в метрах и имя которой — Бездна... Бездна разделяет несоединимое. <...> А мост соединяет несоединимое. Поэтому прогулка по мосту всегда опасна (не только по мосту короля Людовика Святого!), это всегда путешествие над Бездной... И высота моста не главное...» [16, с. 31–32].

«<...> методология может быть уподоблена мостостроению» [16, с. 32].

«<...> камень куда ближе к вечности, чем кирпич...» [16, с. 42].

«<...> подлинный предмет психологии можно уподобить камню. И тогда основная проблема психологии будет состоять в том, чтобы краеугольный камень науки не оказался подмененным каким-нибудь кирпичом...» [16, с. 46]

Введение

Становление психологической науки происходило на протяжении всего XIX в. В этом процессе участвовало множество ученых из самых различных областей: философии, богословия, физиологии, литературы и др.

Мыслители пытались, с одной стороны, возвести мощные, надежные стены и перекинуть удобные, широкие мосты на границах психологии с другими научными дисциплинами. Само понятие междисциплинарности еще не существовало, но уже была потребность в ее использовании: споры об истинном предмете психологии, о методах, руководящем принципе и теории при трактовке результатов, в конечном итоге, всей методологии приводили к кризису в психологической

науке на рубеже веков, о котором написано немало [1; 4; 6; 13; 15; 17].

Метафорический подход к пониманию методологии науки, выраженный в эпиграфе и в работах методолога психологии Владимира Александровича Мазилова [14; 16], позволяют по-новому взглянуть на становление психологии как науки: это становление выразилось именно как процесс архитектурный, как процесс возведения стен между психологией и другими науками (что очень актуально для психологических исследований) и установления мостов в нужных местах, где взаимодействие просто необходимо, где отсутствие связей приведет к замыканию на себе, к абсолютизации и редукции предмета психологии.

Так, показательным явлением в «архитектурном» развитии истории психологии XIX в. являются дискуссии относительно научных работ, которые выражались не только в констатации факта публикации той или иной работы, но приводили к широкому выражению авторского мнения по определенному вопросу, иногда даже превосходящего по объему тот текст, к которому писался комментарий. Такие дискуссии проходили, как правило, в журналах: «Современник», «Отечественные записки», «Журнал Министерства Народного Просвещения», «Вопросы философии и психологии», «Православный собеседник», «Вера и Разум», «Русская мысль», «Вестник Европы» и др. (Мимоходом стоит упомянуть, что очень сложно сейчас работать с этими журналами, т.к. указатели статей к этим журналам практически не переиздавались с дореволюционных времен [5]). В статьях этих журналов затрагиваются центральные для XIX в. проблемы в области психологии: предмет, методы, задачи психологии, психофизиологическая проблема, соотношение физиологических и душевных явлений в человеке и др. [2; 3; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 18]

В данной работе мы сосредоточимся лишь на одной дискуссии, тем не менее, охватывающей весь спектр психологических проблем XIX столетия: дискуссия между Н.Г. Чернышевским и П.Д. Юркевичем, которую можно назвать одной из значимых в научном дискурсе становления психологии как самостоятельной дисциплины.

Дискуссия

Николай Гаврилович Чернышевский (1828–1889), публицист, философ, литературный критик, в статье «Антропологический принцип в философии» (1860) [19; 20] (опубликованной в журнале «Современник») провозглашает следующий подход к изучению человека: анализ должен исходить из рассмотрения человеческого организма целиком, а не разделяя его

на части, на «натуры». «Принципом философского воззрения на человеческую жизнь со всеми ее феноменами служит выработанная естественными науками идея о единстве человеческого организма; наблюдениями физиологов, зоологов и медиков отстранена всякая мысль о дуализме человека. Философия видит в нем то, что видят медицина, физиология, химия; эти науки доказывают, что никакого дуализма в человеке не видно, а философия прибавляет, что если бы человек имел, кроме реальной своей природы, другую природу, то эта другая натура непременно обнаружилась бы в чем-нибудь, и так как она не обнаруживается ни в чем, так как все происходящее и проявляющееся в человеке происходит по одной реальной его природе, то другой природы в нем нет» [19, с. 349].

Н.Г. Чернышевский предлагает объяснять многие нравственные, метафизические вопросы с помощью естественных наук, развитие которых и составляет развитие в целом всей науки. Например, рассматривая выражение «праздность приятна, а труд не приятен» (которое, по его мнению, сформулировала метафизика), он считает, что, если анализировать его с помощью естественнонаучного метода, можно доказать его ошибочность и вывести иное правило жизни. Приятность — это ощущение, а всякое ощущение происходит из деятельности в организме. Следственно, в предложенном утверждении есть ошибка: праздность (как бездействие) не может приносить приятного ощущения, но труд (как деятельность организма) приносит удовольствие. Н.Г. Чернышевский видит в этом заслугу естественных наук (в частности, физиологии), которые оперируют материальными предметами, в отличие от умозрительных наук, таких как психология или метафизика.

Или другой пример. Возвышенные поступки человека, такие как самопожертвование, забота о других — их тоже можно объяснить с помощью физиологии. Есть закон — человек стремится к удовлетворению своих потребностей, т.е. получению приятных ощущений. И действие — самопожертвование — на самом деле, тоже несет в себе получение приятного ощущения, т.е. оно преобразуется в эгоизм, заботу о себе.

Философ критикует умозрительную психологию в постановке совсем лишних, неважных для общества вопросов. «Психология, например, открывает следующий факт: при слабом умственном развитии человек не в состоянии понимать жизни, различной от его собственной жизни; чем сильнее развивается его ум, тем легче ему представляет себе жизнь не похожую на его жизнь. Как объяснить этот факт? При нынешнем состоянии науки строго научного ответа еще не найдено, а существуют только разные догадки. Скажите теперь,

кому из людей незнакомых с нынешним состоянием психологии приходил в голову такой вопрос? Почти никто кроме ученых даже не замечал и факта, к которому относится этот вопрос» [20, с. 9]

В конечном итоге, «антропологический принцип в нравственных науках» заключается в том, что «на человека надобно смотреть как на одно существо, имеющее только одну натуру, чтобы не разрезывать человеческую жизнь на разные половины, принадлежащие разным натурам, чтобы рассматривать каждую сторону деятельности человека, как деятельность или всего его организма, от головы до ног включительно, или если она оказывается специальным отпадением какого-нибудь особенного органа в человеческом организме, то рассматривать этот орган в его натуральной связи со всем организмом» [20, с. 43].

В ответ на эту статью была написана работа Памфила Даниловича Юркевича (1827–1874), философа, в то время (1860 г.) профессора Киевской духовной академии, «Из науки о человеческом духе», которая была опубликована в «Трудах Киевской духовной академии» [21].

Дискурс П. Д. Юркевича разительно отличается от такового у Н. Г. Чернышевского; первый относится к философско-психологическому направлению, поэтому и рассуждения его носят субъективный и идеалистический характер. «Когда психолог спрашивает, что такое душа, то здесь самый субъект не представляется как вещь, на которую можно указать, душа не открывается его наблюдению в готовом и неподвижном образе вещи, следовательно, там, где естественные науки отсылают нас к простому воззрению, не представляющему никаких научных затруднений, психолог уже вынужден свойствами своего предмета делать анализы, соображения и теоретические выводы, которые во всяком разе не могут равняться по степени своей достоверности с понудительною силою несомненных для каждого опытов» [21, с. 368].

Киевский профессор направляет наше размышление в сторону самонаблюдения, через что только и можно раскрыть сущность души. Сама же душа настолько неуловима, независима, гибка, ее невозможно уложить в жесткие рамки естественнонаучного закона. «Тысячи чувствований, стремлений, представлений, понятий и идей, привычек, наклонностей и страстей выныряют на поверхность сознания неожиданно и без нашего ведома, сочетаются или пересекаются в различных отношениях, определяют нашу деятельность, наш взгляд на людей и обстоятельства, наши симпатии и антипатии, наше ежеминутное душенастроение,— и все это разнообразие явлений, из которых каждое

хочет сказать нам, по-своему, что такое душа, происходит от причин и условий, изменяющихся до бесконечности. Самое простое и плодотворное правило индуктивной методы, что одинаковые изменения указывают на одинаковые причины, должно быть применяемо в этой жизненной области с большою осторожностью: потому что кто докажет, что здесь вообще можно встретить одинаковые изменения, что в различные времена дух может переживать одинаковые состояния, возвращаться на прежние пункты, подобно Солнечной системе?» [21, с. 369].

Однако такой подход не относится к идеализму, который спрашивает «каким образом из общей идеи мира выходит разумность и необходимость тех явлений, совокупность которых мы называем душевною жизнью, как относятся эти явления к общему смыслу или к идеальному содержанию мира явлений?» [21, с. 370]. Такой подход именуется ученым эмпирической психологией, задача которой «изучить феноменальные законы и формы душевной жизни, необходимо познать душевные явления в их фактической необходимости, то есть в их взаимном сплетении и сочетании, по их образованию и выходу одного из другого под влиянием опытно дознаваемых причин и условий» [21, с. 372–373]. И в этом есть подобие психологии естественным наукам.

Но, по мнению П. Д. Юркевича, не все ученые так представляют себе задачу психологии. К таковым он относит и Н. Г. Чернышевского. П. Д. Юркевич отмечает достоинства работы автора: определяет его философию как философию реализма и считает, что богословские науки нуждаются в некоторых сильных сторонах этого направления. Но П. Д. Юркевич видит и недостатки его идей.

Во-первых, это психологический или нравственный физиологизм. «Психология не может получать своего материала ниоткуда, кроме внутреннего опыта. Ощущения или представления, чувствования и стремления суть такой материал, которого вы нигде не отыщете во внешнем опыте и, следовательно, ни в какой области естествознания» [21, с. 377–378]. «Предмет психологии дан во внутреннем самовоззрении, естественные науки не могут дать ей этого предмета, не могут увеличивать этого материала» [21, с. 378].

Во-вторых, отрицание гносеологического дуализма в изучении человека. Хотя философия избавилась от метафизического дуализма (в платоновском варианте), но все еще остается дуализм знания: «Сколько бы мы ни толковали о единстве человеческого организма, всегда мы будем познавать человеческое существо двояко: внешними чувствами — тело и его органы

и внутренним чувством — душевные явления. В первом случае мы будем иметь физиологическое познание о человеческом теле, а во втором — психологическое познание о человеческом духе» [21, с. 384].

И далее: «<...> учение нынешних физиологов о том, что ощущение души есть не что иное, как движение нервов, основано именно на <...> превращении необходимой зависимости явлений в их тождество» [21, с. 386–387].

В-третьих, П. Д. Юркевич не соглашается с мыслью Чернышевского о равенстве человеческой и животной души. Он говорит: «Особенности, которыми отличается душа человеческая от души животной, вытекают отсюда сами собою. Назначение человека и его достоинство не исчерпываются его безотчетным служением целям рода; женщина, например, еще не соответствует своей идее только потому, что она рождает детей и таким образом поддерживает существование человеческого рода: в этом служении идее рода она должна осуществить идею человека, она должна обнаружить свое достоинство не как самка, а как человек. Человеческий дух есть не родовый, а личный, не связанный неотразимыми влечениями, а свободный; его действия не суть простые события, определенные идеей рода, а поступки, которые он вменяет себе, как личную вину и личную заслугу. Человеческий дух, как говорит один современный философ, есть своя собственная идея, а не идея рода; от этого он способен к индивидуальному развитию, к свободному избранию и к свободной постановке целей жизни и деятельности. Как богоподобный, он развивается под нравственными идеями, а не только под физическими влечениями» [21, с. 426]. П. Д. Юркевич вкладывает несколько религиозное понимание человека в свой психологический подход.

Наконец, киевский философ касается нравственных позиций Н. Г. Чернышевского. В отличие от взгляда на нравственность как на деятельность по достижению приятного и избеганию неприятного, подход П. Д. Юркевича оправдывает нравственную сторону человека. «Человек имеет склонность, привычку, способность — образовавшуюся или прирожденную — оценивать еще самые эти желания, которые — заметим еще раз — все одинаково направлены на достижение приятного или полезного. Как он имеет знание знания, так он имеет (мы позволим себе неупотребительное выражение) желание желанного, то есть он не только желает приятного и полезного, как и другие животные, но еще желает, чтобы самое это желание достигало своей цели средствами общегодными, имеющими достоинство в себе, а не только в том удовольствии или в той пользе, к какой стремится желание в своей непосредственности, по своей физической, не от нас зави-

сящей натуре» [21, с. 468]. Источники нравственности могут быть различны — авторитет, традиции, совесть и др.

И далее о религиозной стороне нравственности: «<...> удовольствие, удовлетворение, следовательно, добро или благо, счастье или, пожалуй, польза суть неотделимые мотивы человеческих поступков. Чистейшая христианская нравственность указывает человеку на благо, которое он должен найти в Боге: радость или светлое настроение духа в настоящем, надежда в будущем, блаженство в вечности — таковы состояния, неразлучные с этой нравственной деятельностью» [21, с. 477].

Эгоизм в человеке П. Д. Юркевич не порицает, а растолковывает по-иному: «Эгоизм не в том состоит, что мы не выключаем себя и нашего счастья из нашей деятельности, но в том, что мы выключаем из этой деятельности других людей и их счастье или смотрим на них при этом только как на средство нашего счастья» [21, с. 501].

Заключение

Обращаясь к метафорической терминологии, скажем, что в данной дискуссии мы видели попытки постройки «стен» и «мостов» психологической науки. Так, Н. Г. Чернышевский «забаррикадировал» психологию внутри физиологии и антропологии, лишив ее всяких мостов-связей с религией и идеалистическими взглядами. Хотя философ и пользуется «запретными» терминами других «зданий» научных дисциплин («нравственность», «добро», «зло», «ощущения», «чувства», «мысли»), но они звучат в стенах антропологической философии совсем обесцвечено, и их не услышат их сторонники.

Напротив, П. Д. Юркевич если и строит какие-то стены, то они выглядят как перегородки, небольшие ограждения, которые всего лишь показывают границы территории, границы «дискурса». Он впускает многих в психологическую науку, взаимодействует со всеми, не отказывает в достижениях религии и физиологии на психологическом поприще. Здесь даже не нужны мосты: кажется, что мы все живем на одной земле, нас ничто не разделяет, только все имеют свои дома. И его дом называется эмпирической психологией. Такая постановка науки позволяет ей развиваться во многих направлениях.

Трудно сказать, кто прав, а кто нет: обе методологии имели своих сторонников, как имеют и современных нам последователей. И вопрос остается не разрешенным: строить стены и мосты или нет?..

ЛИТЕРАТУРА

1. Аллахвердов В. М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб.: Речь. 2003. 364 с.
2. Антонович М. А. Два типа современных философов // Современник. 1861. № 4. С. 349–418.
3. Антонович М. А. Современная физиология и философия // Современник. 1862. № 2. С. 227–266.
4. Асмолов А. Г. По ту сторону сознания; методологические проблемы неклассической психологии. М.: «Смысл», 2002. 480 с.
5. Бакшутова Е. В. Русская мысль: ежемес. лит.-полит. изд.: хронол.-темат. указ. содерж. 1880–1918. Самара, 2004. 386 с.
6. Василюк Ф. Е. Методологический смысл психологического скзиса // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 25–40
7. Владиславлев М. И. Зависимость немецкой философии от английской (По поводу сочинения г. Троицкого: «Немецкая психология в текущем столетии») // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1867. Ч. 135. С. 174–208.
8. Гогоцкий С. С. Несколько мыслей по поводу сочинения: «Немецкая психология в текущем столетии, историческое и критическое исследование, с предварительным очерком успехов психологии времен Бэкона и Локка» М. Троицкого. — Москва, 1867.
9. Кавелин К. Д. Немецкая современная психология // Собр. соч.: в 4 т. СПб., 1899. Т. 3. С. 365–374
10. Костригин А. А. Критика современников работы М. М. Троицкого «Немецкая психология в текущем столетии» (1867) // Парадигма. 2016. № 2. С. 651–656.
11. Костригин А. А., Кирпичева Ю. В. Публицист М. А. Антонович об определении понятия «Душа» в «Философском лексиконе» (1861) философа С. С. Гогоцкого // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2016. № 1. С. 41–54.
12. Костригин А. А., Мироненко И. А., Чупров Л. Ф. Дискуссия по статье А. Яницкого «Сталинская модель науки: история и современность российской психологии» // РЕМ: Psychology. Educology. Medicine. 2015. № 3–4. С. 430–439.
13. Мазилев В. А. История психологии и философия психологии: необходимо взаимодействие // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 2. С. 94–100.
14. Мазилев В. А. Методология современной отечественной психологии // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. № 3. С. 9–24.
15. Мазилев В. А. Становление метода психологии: страницы истории (метод интроспекции) // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. № 1. С. 61–85.
16. Мазилев В. А. Стены и мосты: методология психологической науки. Ижевск: ERGO, 2015. 196 с.
17. Мазилев В. А., Костригин А. А. Психология в системе философского знания XIX в.: богословская традиция // Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета. Серия IV: «Педагогика. Психология». 2016. № 3 (42). С. 97–111.
18. Салтыков-Щедрин М. Е., Антонович М. А. Неблаговонный анекдот о г. Юркевиче, или искание розы без шипов // Свисток. Сатирическое приложение к журналу «Современник». 1859–1863 гг. М.: Наука, 1981. С. 293–303.
19. Чернышевский Н. Г. Антропологический принцип в философии // Современник. 1860. № 4. С. 329–366.
20. Чернышевский Н. Г. Антропологический принцип в философии // Современник. 1860. № 5. С. 1–46.
21. Юркевич П. Д. Из науки о человеческом духе // Труды Киевской духовной академии. 1861. С. 367–511

© Костригин Артем Андреевич (artdzen@gmail.com)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОЗНАКОМЛЕНИЯ С МАТЕРИАЛАМИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ОБВИНЯЕМОГО С ПСИХИЧЕСКИМИ АНОМАЛИЯМИ

Лежнев Евгений Валерьевич

Соискатель,

Уральский государственный юридический университет

mac-west@yandex.ru

**PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS
OF STUDY OF THE MATERIALS OF
CRIMINAL CASE ACCUSED WITH
MENTAL ANOMALIES**

E. Lezhnev

Summary. The article is devoted to the description of tactics and recommendations on the organization of study of the materials of the criminal case accused with mental anomalies.

Keywords: mental anomalies, the limited responsibility, court expertise, tactics of study of the materials of the criminal case.

Понятие психических аномалий известно юридической науке и практике уже более тридцати лет [1]. Под психическими аномалиями нами понимаются отклонения от психической нормы, вследствие которых лицо не в момент совершения преступления не могло в полной мере осознавать фактический характер совершаемых им действий (бездействий) либо руководить ими. В соответствии со ст. 22 Уголовного кодекса Российской Федерации данное лицо подлежит уголовной ответственности, но имеющиеся у него психические расстройства учитываются при назначении наказания и могут служить основанием для назначения ему принудительных мер медицинского характера.

В соответствии со ст. 215 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК Российской Федерации) следователь, признав, что все следственные действия по уголовному делу произведены, а собранные доказательства достаточны для составления обвинительного заключения, уведомляет об этом обвиняемого и разъясняет ему право на ознакомление со всеми материалами уголовного дела как лично, так и с помощью защитника, законного представителя.

Ввиду того, что обвиняемые с психическими аномалиями обладают нарушениями интеллекта, памяти, мышления и внимания, желательно, чтобы ознакомление с материалами уголовного дела происходило совместно с защитником, если он участвует в деле. Во-первых, это является гарантией соблюдения права обвиняемого на защиту и квалифицированную юридическую помощь. Защитник поможет обвиняемому понять сущность содержащихся в материалах уголовного дела доказательств, оценить ка-

Аннотация. Статья посвящена описанию тактических приемов и рекомендаций относительно организации ознакомления обвиняемого с психическими аномалиями с материалами уголовного дела.

Ключевые слова: психические аномалии, ограниченная вменяемость, судебная экспертиза, тактические приемы ознакомления с материалами уголовного дела.

чество проведенного расследования и степень доказанности его виновности, и с учетом этого построить тактику защиты, подготовить мотивированные ходатайства и принять иные значимые процессуальные решения. Участие защитника в этом процессуальном действии важно ввиду того, что только на данном этапе досудебного производства обвиняемый впервые получает полную информацию об имеющихся в деле доказательствах [2]. Из-за имеющихся расстройств познавательных психических процессов обвиняемый может недостаточно качественно изучить материалы дела, что может негативно сказаться на эффективности защитного поведения в суде. Совместное ознакомление с материалами уголовного дела снизит влияние психических аномалий обвиняемого на процесс познания информации, содержащейся в уголовном деле. Кроме того, защитник может помочь обвиняемому выполнить техническую работу, а именно, самостоятельно выписать из уголовного дела необходимые для защиты сведения, снять копии с материалов уголовного дела и т.д. Во-вторых, совместное ознакомление с материалами уголовного дела может способствовать сокращению сроков выполнения требований ст. 217 УПК Российской Федерации, что в свою очередь обеспечит соблюдение принципа разумности срока уголовного судопроизводства, предусмотренного ст. 6.1 УПК Российской Федерации. В случае если обвиняемый агрессивно настроен по отношению к следователю, что характерно для психопатов и лиц, страдающих органическим поражением головного мозга, процесс ознакомления его с материалами уголовного дела может значительно затянуться. Присутствие защитника способствует снятию психологического напряжения и переходу к продуктивному изучению материалов уголовного дела в спокойной обстановке без агрессивных действий со стороны обвиняемого.

Порядок ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела закреплен в ст. 217 УПК Российской Федерации. Следователь предъявляет обвиняемому и его защитнику подшитые и пронумерованные материалы уголовного дела, а также вещественные доказательства и по просьбе обвиняемого или его защитника фотографии, материалы аудио- и (или) видеозаписи, киносъемки и иные приложения к протоколам следственных действий. Если в производстве по уголовному делу участвует несколько обвиняемых, то последовательность предоставления им и их защитникам материалов уголовного дела устанавливается следователем. В процессе ознакомления с материалами уголовного дела, состоящего из нескольких томов, обвиняемый и его защитник вправе повторно обращаться к любому из томов уголовного дела.

Общие рекомендации относительно организации ознакомления обвиняемого с психическими аномалиями с материалами уголовного дела те же, что при проведении его допроса. Ознакомление с материалами уголовного дела должно проходить в спокойной, комфортной обстановке. Следователь обязан предоставить обвиняемому и его защитнику помещение, пригодное для изучения уголовного дела. При этом в целях повышения эффективности ознакомления ничто не должно отвлекать на себя внимание обвиняемого. Рекомендации, касающиеся продолжительности и времени ознакомления с материалами уголовного дела, следователь не вправе применять без волеизъявления со стороны обвиняемого и его защитника, так как в соответствии с ч. 3 ст. 217 УПК Российской Федерации обвиняемый и его защитник не могут ограничиваться во времени, необходимом им для ознакомления с материалами уголовного дела. Следователь обязан предоставить им возможность знакомиться с уголовным делом в течение всего рабочего дня, а также по их ходатайству и в нерабочее время. Вместе с тем, следователю следует объяснить защитнику, если он участвует в деле, или родственникам (знакомым) обвиняемого, к мнению которых он прислушивается, что вследствие наличия у обвиняемого психических аномалий наиболее эффективным ознакомление с материалами уголовного дела будет в дневное время, при этом в ходе изучения дела желательно делать перерывы для отдыха через каждые 30–50 минут.

После предъявления всех материалов уголовного дела, в случае если их объем составляет более двух томов, следователю следует пояснить, в каком порядке подшиты материалы (хронологически, по эпизодам, тематически и т.д.). При этом следователь может предоставить обвиняемому копии описей томов уголовного дела, что он смог быстрее разобраться, что находится в каждом из томов уголовного дела.

Анализ правоприменительной практики показал, что в большинстве случаев (более 80%) обвиняемые с пси-

хическими аномалиями начинают изучение материалов уголовного дела с первого тома. Несмотря на то, что ознакомление с материалами уголовного дела — это право обвиняемого, следователю рекомендуется не оставаться безучастным. В целях повышения эффективности изучения дела ему следует последовательно объяснить обвиняемому смысл каждого процессуального документа, находящегося в уголовном деле, объяснить содержание каждого следственного действия, а также показать, что в уголовном деле является главным: какие доказательства являются прямыми, какие косвенными, на что нужно обратить особое внимание, а на что не следует тратить много времени. При необходимости следователь может предоставить обвиняемому копии материалов уголовного дела, представляющих особую значимость.

Вместе с тем, оказывая обвиняемому содействие в ознакомлении с материалами уголовного дела, следователю не следует форсировать его темп, так как он непосредственно зависит от уровня интеллектуального развития обвиняемого с психическими аномалиями. Так, например, олигофрены и лица, страдающие органическими психическими расстройствами, вследствие нарушения развития мышления, внимания и памяти с трудом сосредотачиваются, достаточно медленно усваивают полученную информацию и плохо запоминают материалы уголовного дела. Им тяжело анализировать показания свидетелей, потерпевших, результаты судебных экспертиз. Подобные трудности в изучении материалов уголовного дела могут испытывать обвиняемые, страдающие алкоголизмом и наркоманией. Необходимо учитывать, что таким лицам требуется значительно больше времени для ознакомления с материалами уголовного дела.

Однако в соответствии с ч. 3 ст. 217 УПК Российской Федерации если обвиняемый и его защитник, приступившие к ознакомлению с материалами уголовного дела, явно затягивают время ознакомления, то на основании судебного решения им устанавливается определенный срок для ознакомления с материалами уголовного дела. В случае, если обвиняемый и его защитник без уважительных причин не ознакомились с материалами уголовного дела в установленный судом срок, следователь вправе принять решение об окончании производства данного процессуального действия, о чем выносит соответствующее постановление и делает отметку в протоколе ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела. В практике расследования уголовных дел, совершенных лицами с психическими аномалиями, подобные случаи крайне редки, что вероятнее всего обусловлено в первую очередь небольшим объемом уголовного дела (в 93% уголовных дел объем составлял от одного до трех томов).

Если следователь сталкивается с ситуацией явного затягивания времени ознакомления с материалами уго-

ловного дела, ему следует выяснить у обвиняемого, какой срок ему необходим для завершения изучения дела. Обвиняемому следует разъяснить положение закона о разумности срока уголовного судопроизводства, разъяснить, что злоупотребление правом знакомиться с материалами уголовного дела недопустимо, что таким своим поведением он ограничивает доступ потерпевшего к правосудию, в результате чего он сам себе дает отрицательную характеристику как личности, что будет оценено судом. Кроме того, обвиняемому следует показать бессмысленность затягивания изучения уголовного дела, разъяснив, что сроки предварительного расследования при необходимости можно продлить, и, если обвиняемый будет продолжать себя так вести, суд установит ему срок для ознакомления.

Анализ правоприменительной практики показал, что также достаточно редко встречаются случаи отказа обвиняемого от ознакомления с материалами уголовного дела (около 10% случаев). В таких случаях следователю необходимо выяснить причину такого отказа и изложить ее в протоколе ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела, при этом желательно, чтобы обвиняемый выразил свое нежелание изучать материалы уголовного дела в виде заявления на отдельном листе. Вместе с тем, следователю не следует равнодушно принимать подобный отказ, и нужно разъяснить обвиняемому, что тем самым он ухудшает свое положение и значительно снижает уровень своей подготовки к судебному разбирательству.

ЛИТЕРАТУРА

1. Михеев Р. И., Михеева А. В. Значение психических аномалий для совершенствования уголовно-правовых мер борьбы с преступностью // Проблемы правового регулирования вопросов борьбы с преступностью. Владивосток, 1977. С. 48.
2. Рагулин А. В. Участие профессионального защитника на стадии предварительного расследования уголовного дела: Учеб. пособие. Уфа: Академия ВЭГУ; Восточный университет, 2008. С. 154–164.
3. Куванова, Ю. А. Психическое расстройство, не исключающее вменяемости: история, теория и практика: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Специальность 12.00.08 — Уголовное право и криминология; Уголовно-исполнительное право /Ю. А. Куванова; -М., 2001. — 26 с.
4. Ситковская О. Д., Уголовный кодекс Российской Федерации. Психологический комментарий. — М. 2009

© Лежнев Евгений Валерьевич (mac-west@yandex.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ ПЕДАГОГОВ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

EMOTIONAL BURNOUT OF TEACHERS OF SECONDARY PROFESSIONAL EDUCATION

*V. Martynova
O. Tkachenko*

Summary. The article is devoted to emotional and mental burnout of teachers of secondary professional education. Social relevance of the teaching profession means high tension in the work, both physiological and emotional-psychological. For the study of emotional burnout methodology was used the method of «Attitude to work and professional «burnout», the technique of diagnostics of professional burnout (MBI), the Definition of mental burnout (A. A. Rukavishnikov) the study of burnout was attended by teachers from the spheres of vocational education Astrakhan.

Keywords: Emotional burnout, professional burnout.

Актуальность

Эмоциональная сторона личности является важнейшей составляющей в работе педагога среднего профессионального образования. Высокая социальная значимость профессии подразумевает колоссальные затраты эмоциональных, психологических сил при работе со студентами. Профессию педагога относят к типу альтруистических профессий, следовательно, вероятность проявления эмоционального выгорания становится более вероятной.

Современные требования к педагогу СПО очень высоки. Он должен иметь высшее образование, как профессиональное, так и педагогическое. Периодически повышать свою квалификацию и проходить стажировку по профилю читаемых дисциплин. Педагог СПО должен иметь определенную категорию (первую или высшую). Также педагоги, работающие в сфере среднего профессионального образования, в отличие от преподавателей высшего профессионального образования должны обладать более выраженными коммуникативными и ораторскими навыками, в силу того, что они работают со сложным контингентом студентом в возрасте 15–17 лет.

Исследования показывают, что педагоги среднего профессионального образования более подвержены синдрому профессионального выгорания, нежели преподаватели высшего профессионального образования. [1 С. 147–151].

Мартынова Виктория Александровна
Заведующий отделением факультета среднего
профессионального образования АГТУ
infanta_2000@mail.ru

Ткаченко Ольга Викторовна
К.ю.н., доцент, АГТУ

Аннотация. Статья посвящена проблеме эмоционального и психического выгорания преподавателей среднего профессионального образования. Социальная востребованность профессии педагога подразумевает высокую напряженность в работе, как физиологическую так и эмоционально-психологическую. Для изучения эмоционального выгорания использовались методики методики «Отношение к работе и профессиональное «выгорание», методика диагностики профессионального выгорания (МБИ), Определение психического выгорания (А. А. Рукавишников) В исследовании эмоционального выгорания приняли участие педагоги сферы среднего профессионального образования г. Астрахани.

Ключевые слова: Эмоциональное выгорание, диагностика профессионального выгорания

Дефиницию «эмоциональное выгорание» ввел в 1976 году американский психиатр Н.Ж. Фреуденбергер. Он определял эмоциональное выгорание как индикатор психологического состояния здоровых людей, которые находятся на чрезмерно напряженном и контактном взаимодействии с клиентами, пациентами в атмосфере эмоциональной перегрузки [4].

Многочисленные ученые психологи апеллировали этим термином в своих исследованиях. В.В. Бойко и Форманюк Т.В. использовали термины «эмоциональное сгорание» или «эмоциональное выгорание», другие психология, такие как Водопьянова Н.Е, Орел В.Е. использовали понятие «психическое выгорание».

Анализ специализированной литературы выявил тот факт, что, изучение эмоционального выгорания проводятся в основном у преподавателей высшего профессионального образования, в тоже время исследований посвященных изучению эмоционального (психологического) выгорания у педагогов среднего профессионального образования немногочисленны.

В доступной литературе практически нет работ, посвященных выявлению эмоционально-психологических факторов профессионального выгорания у педагогов сферы среднего профессионального образования.

Целью настоящего исследования является выявление психологических факторов эмоционального выго-

рания преподавателей сферы среднего профессионального образования г. Астрахани

Материал и методы исследования

Было обследовано 140 педагогов преподавателей сферы среднего профессионального образования г. Астрахани

Средний возраст преподавателей 37–41 год. В выборке преобладают лица женского пола (112 человек), лиц мужского пола 28 человек.

Для диагностики испытуемых использовались такие методики как

1. Методика «Отношение к работе и профессиональное «выгорание» (ОРПВ) (В.А. Винокур [2]). Данная методика позволяет выявить конкретные эмоциональные реакции и стили отношения к работе у педагогов;

2. Методика диагностики профессионального выгорания (МВІ) (Маслач К., Джексон С. [5] (адаптация Н.Е. Водопьяновой [2]). В методике приведен целый перечень утверждений о переживаниях и чувствах, сопряженных с выполнением работы. В методике представлены три шкалы (эмоциональное истощение, деперсонализация и персональные достижения);

3. Методика «Определение психического выгорания» (А.А. Рукавишников) нацелена на интегральную диагностику психического «выгорания», включающую различные подструктуры личности. Методика состоит из трех шкал: психоэмоционального истощения, личностного отдаления и профессиональной мотивации [3].

Результаты исследования и их обсуждение

1. Анализ полученных данных по первому опроснику показал, что педагоги среднего профессионального образования показали по представленным шкалам разные значения. Очень высокие показатели выявились по шкалам «Профессиональный перфекционизм» ($54,3 \pm 0,48\%$) и «Профессиональное развитие и самоусовершенствование» ($59,8 \pm 0,67\%$), а средние значения показали такие шкалы, как по шкалам «Удовлетворенность работой и оценка ее значимости», «Помощь и психологическая поддержка коллег в работе» ($42,6\% \pm 0,27\%$), «Общая самооценка», ($49,8 \pm 0,77\%$) «Самооценка качества работы» ($47,4 \pm 0,47\%$). Самые низкие показатели проявились в шкалах «Эмоциональное истощение», «Напряженность в работе», «Состояние здоровья и общая адаптация», что является индикатором эмоциональной усталости педагогов среднего профессионального образования.

2. Вторая методика изучения эмоционального выгорания педагогов среднего профессионального (опросник МВІ) показал, что значения шкалы «Эмоциональное истощение» крайне высоки ($37,8 \pm 1,24$ балла), это выражается в неудовлетворительном состоянии здоровья, повышенной нервозностью и напряжением, низким эмоциональным фоном, эмоциональной перегрузкой, граничащей с равнодушием.

Вторая шкала опросника показала несколько иные данные, а именно $6,24 \pm 0,87$ балла по шкале «Деперсонализация». Это очень низкие значения, что говорит о том, что деформация личности у педагогов среднего профессионального образования не происходит.

Третья шкала показала средние значения. Шкала «Персональные достижения» с $21, 8 \pm 1,25$ баллами, свидетельствует о том, что не всегда педагоги адекватно оценивают свои профессиональные достижения, зачастую принижая их, не используют все возможности для своего профессионального роста.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что большая часть педагогов испытывают эмоциональное выгорание на среднем уровне. Однако, необходимо отметить тот факт, что выявилась определенная закономерность, а именно: очень высокий уровень эмоционального выгорания проявлялся у педагогов, стаж которых составлял более 12 лет. Преподаватели, обладающие не большим стажем исследуемому синдрому практически не подвержены. Они не испытывают эмоционального напряжения, и удовлетворены своей работой.

Педагоги с очень большим стажем показали самые неудовлетворительные результаты в определении уровня эмоционального выгорания. Уровень эмоционального выгорания у них проявляется в негативном ключе, с минорным настроением, отрицательными эмоциями, нежеланием работать в новых условиях труда (принятие нового ФГОСов, применение интерактивных форм в обучении). Уровень удовлетворенностью трудом по сравнению с преподавателями со стажем менее 12 лет был очень низким.

Таким образом, можно сделать предварительный вывод, что основными организационно-психологическими факторами эмоционально-психологического выгорания являются напряженная работа, эмоциональная усталость и неудовлетворенность работой, и длительность работы по специальности (стаж).

Еще одной методикой, которая применялась в данном исследовании для выявления психического выгорания, явилась методика А.А. Рукавишникова. Полученные данные по данной методике приведены в Таблице

Таблица 1. Определение психического выгорания (А. А. Рукавишников)

	Высокие значения	Средние Значения	Низкие значения
Психоэмоциональное истощение	70%	21,30%	8,70%
Личностные отдаления	15,70%	3,60%	96,40%
Профессиональная мотивация	3,60%	67,90%	28,60%

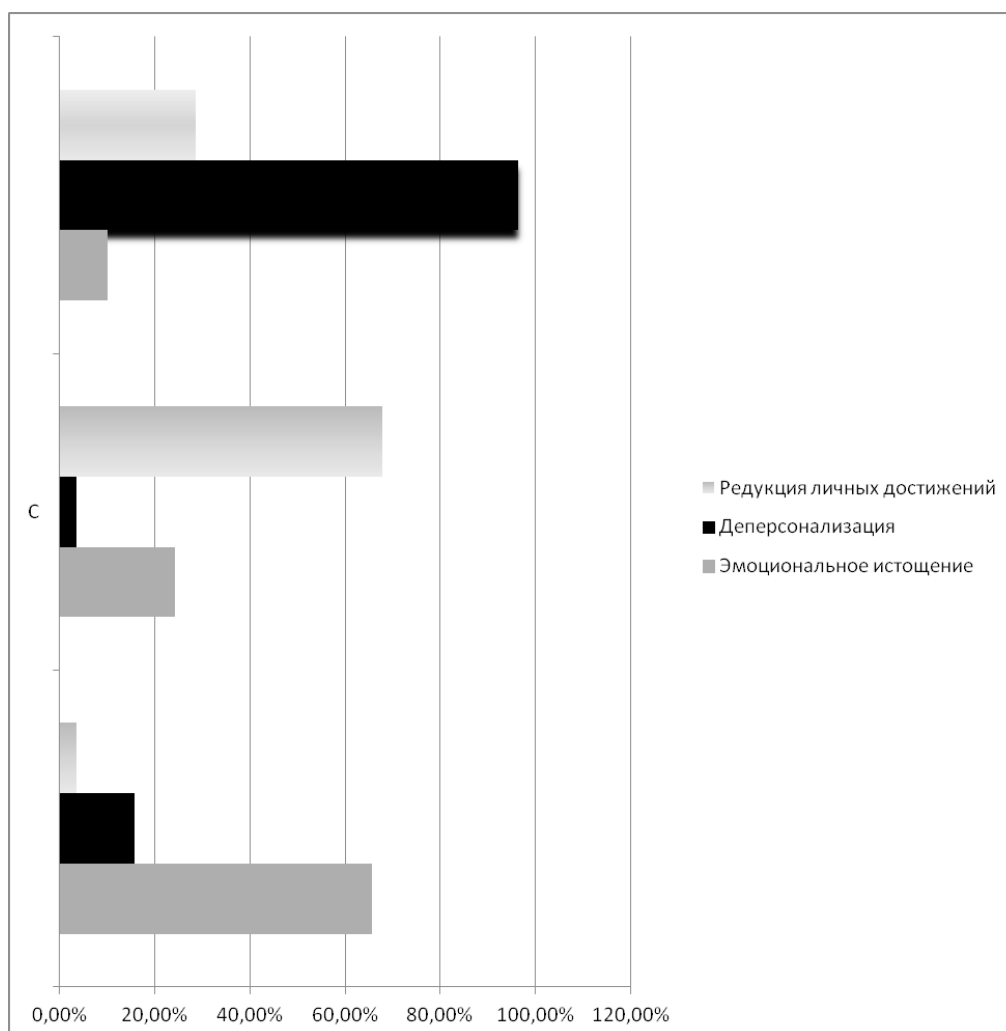

Рисунок 1. Опросник «Определение психического выгорания» (А.А.Рукавишников)

1 и на рисунке 1. Данные показывают, что большинство преподавателей СПО, а это 70% испытывают эмоциональное истощение. Хорошие показатели проявились по шкале «Личностные отдаления» (96,4%), это свидетельствует о том, что преподаватели не проявляют излишнюю раздражительность и нетерпимость в коммуникационных актах, и достаточно позитивно относятся к окружающим студентам и коллегам.

Таким образом, проведенная диагностика эмоционального выгорания преподавателей среднего профессионального образования показала, что более половины опрошенных преподавателей сферы среднего

профессионального образования испытывают эмоциональное напряжение на работе, постоянный стресс. Преподаватели с большим стажем работы недовольны условиями труда и не желают подстраиваться под вводимые изменения в сфере среднего профессионального образования. Все это говорит о том, что уровень эмоционального выгорания у преподавателей СПО очень высокий. Высокий уровень выгорания негативно отражается на качестве выполняемой работы.

Полученные данные необходимо учитывать при распределении нагрузки на преподавателей. Проводить профилактику эмоционального и психического выгорания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васюкова А.Н., Клименко Л. В. Синдром эмоционального выгорания в профессиональной деятельности педагога // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. — 2011. — № 18. — С. 147–151.
2. Винокур В. А. Методика психологической диагностики профессионального «выгорания» в «помогающих» профессиях. Опросник «ОРПВ» (отношение к работе и профессиональное «выгорание»): учебное пособие. — СПб.: СЗГМУ им. И. И. Мечникова, 2012. — 44 с.
3. Определение психического выгорания (А. А. Рукавишников)/Фетискин Н.П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. — М., 2002, с. 357–360.
4. Чутко Л. С. Синдром эмоционального выгорания. Клинические и психологические аспекты / Л. С. Чутко, Н. В. Козина. — 2-е изд. — М.: МЕДпресс-информ, 2014. — 256 с
5. Maslach C., Schaufeli W. B., Leiter M. P. Job Burnout // Annual. Review. of Psychology. — 2001. — Vol. 52. — P. 397–422.

© Мартынова Виктория Александровна (minfanta_2000@mail.ru), Ткаченко Ольга Викторовна
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СВЯЗЬ КОНЦЕПЦИЙ СИНЕРГЕТИКИ С ЗАКОНАМИ ДИАЛЕКТИКИ

THE RELATIONSHIP OF THE CONCEPTS OF SYNERGETICS WITH THE LAWS OF DIALECTICS

V. Egorov
I. Larionova

Summary. The paper describes the current scientific paradigm — Synergetics of Haken–Prigogine– Onsager, its connection with the Theory of the Evolution of organisms (Severtsov) and the Dialectics of the Development (Hegel).

Keywords: synergetics, philosophical dialectics.

Егоров Владислав Викторович

Заслуженный деятель науки РФ, д.х.н., профессор,
Московская государственная академия ветеринарной
медицины и биотехнологии имени К. И. Скрябина, Москва,
Россия

Ларионова Ирина Сергеевна

Почетный работник ВПО РФ, д.филос.н., профессор,
Московская государственная академия ветеринарной
медицины и биотехнологии имени К. И. Скрябина, Москва,
Россия
kaf_chimii@mgavm.ru

Аннотация. В работе рассмотрена современная научная парадигма — синергетика Хакена–Пригожина–Онзагера, ее связь с положениями теории эволюции организмов Северцова и диалектикой развития Гегеля.

Ключевые слова: синергетика, философская диалектика.

Введение

В начале напомним три философских закона диалектики, сформулированные в трудах Гегеля [1] и относящиеся к эволюционирующим системам: закон «единства и борьбы противоположностей» это движущая сила системы, закон «отрицание отрицания» — направление движения, закон «перехода количества в качество» — условие наступления скачка в развитии. Рассмотрим эти законы в рамках синергетики — современной научной парадигмы систем, далеких от равновесия [2], которая также описывает эволюцию системы, в первую очередь живой, в плане ее самоорганизации. Как отмечают ученые, «по существу синергетика это наука о становящемся бытии, о самом становлении, его механизмах и их представлении» [4].

Результаты и их обсуждение

Причиной самоорганизации любой системы является «накачка» ее веществом или энергией (их эквивалентность вытекает из формулы Эйнштейна: $E = mc^2$). Это приводит к концентрированию энергии/вещества в случайных точках системы, т.е. к флуктуациям, и если эти точки — зародыши «новой фазы», оказываются долгоживущими, то в них начинается образование структуры (с ее дальнейшим развитием и «послойной» модификацией). Именно так флуктуации энергии «рождают» в физическом вакууме элементарные частицы вещества, например, электрон плюс позитрон (вспомним Большой Взрыв), а в растворе или клетках — его ассоциаты (по Дж. Поллаку возрастание энергии в клетках приводит к образованию «пограничных» структур [5]).

Сам термин «синергетика» использован в работах Г. Хакена, где заложены ее математические начала [3]. Далее эта наука развивалась в трудах А. Пуанкаре, К. Зимана, Р. Тома, Б. Мандельброта, Л. Онзагера и др. и окончательное оформление получила в работах нобелевского лауреата И. Пригожина [2]. В частности, из соотношения Онзагера [3]:

$$dS/dt = -L dC/dx \quad (1)$$

вытекает не только однонаправленное движение частиц под действием градиента их концентрации dC/dx , противоположное ему (dS/dt — скорость этого движения с ростом энтропии системы, т.е. $dS > 0$. L — линейный коэффициент). Из него следует и обратное, т.е. организация вещества (снижение энтропии) в результате появления его потока в область концентрирования. «Источником порядка является неравновесность. Неравновесность есть то, что порождает Порядок из Хаоса» (Пригожин). Действительно, в первую очередь именно движение вещества должно приводить к самоорганизации с уменьшением беспорядка-энтропии, поскольку законы синергетики относятся главным образом к открытым системам, где таковое возможно. В этом случае условием самоорганизации, т.е. снижения энтропии, будет увеличение разности скоростей движения частиц на входе и выходе из системы выше некоторого критического значения (здесь $dS < 0$):

$$dS_{\text{вх}}/dt - dS_{\text{вых}}/dt > v_{\text{крит}} \quad (2)$$

с образованием их долгоживущих ассоциатов, время жизни которых $> \tau_{\text{крит}}$, устойчивого размера:

$$x^3 > x_{\text{крит}}^3 \text{ или } n > n_{\text{крит}} \quad (3)$$

где n — число частиц в ассоциате. В то же время в закрытых и изолированных системах справедливо второе начало термодинамики, свидетельствующее о самопроизвольном увеличении энтропии во времени, т.е. о разрушении, а не об организации системы.

В составе синергетики несколько фундаментальных концепций. Одна из них — теория аттракторов появилась и оформилась в работах русского математика А. М. Ляпунова на основе предложенного им принципа обратных связей [6]. Ляпунов рассматривал положительные и отрицательные обратные связи, действующие одновременно в любой синергетической системе, соответственно, как разрушающие и стабилизирующие ее. Их взаимодействие и взаимовлияние вызывает постоянные колебательные процессы в системе, определяющие как ее устойчивость (перебор возможных вариантов с выбором оптимальных), так и развитие (превалирование положительных над отрицательными связями). Но именно такие факторы подразумеваются в гегелевском законе единства и борьбы противоположностей, где первое отражает их постоянное присутствие и влияние, а второе — разнонаправленность их воздействия на систему.

Действие в системе в соответствии с указанным законом разнонаправленных сил, например, центробежных и центростремительных, обеспечивает ее колебания и в теории аттракторов. Аттракторы это точки сборки системы в процессе ее движения (на стадии идеoadaptации живой системы по А. В. Северцову [7]). Простые аттракторы это точки (центры) притяжения (по типу маятника, воронки), а странные — области движения (например, одной частицы в заданном пространстве). Здесь реализуется принцип иерархического подчинения Г. Хакена: «Долгоживущие переменные подчиняют себе короткоживущие», определяющий наличие структур — аттракторов, вокруг или в пределах которых функционирует система, обладающая признаками фрактальности [4].

Синергетическая концепция фракталов Б. Мандельброта, Г. Жюлеа и др. (фрактал это самоподобная на всех уровнях организации структура — геометрический объект с дробной размерностью Безиковича-Хausфорда,) констатирует, что в процессе существования и развития системы вдали от равновесия в ней происходит не просто самоорганизация, а идет формирование иерархических уровней по принципу повторения на более высоком уровне, свойств, функций более низкого, с возможной их модификацией (не строгое соответствие, а подобие). Именно об этом свидетельствует второй закон диалектики: отрицание отрицания. Здесь первое положение (гегелевский тезис) сменяется вторым, т.е. отрицанием (антитезис), не отвергающим пер-

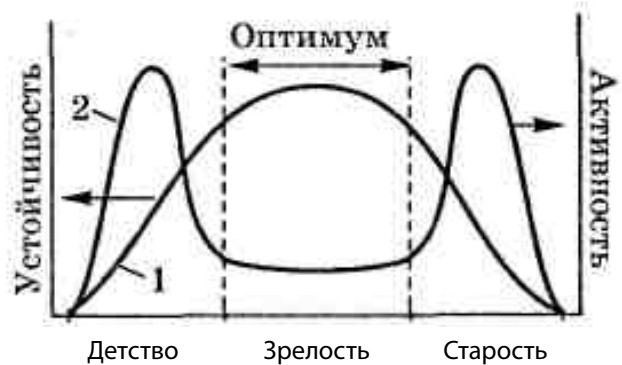

Рисунок. Графическое представление закона триединства развития [8]

вое, а неким образом его изменяющим, а второе — третьим (синтез), в определенной степени повторяющим первое.

Наиболее отчетливо такая интерпретация этого находит свое воплощение в законе триединства развития (В. В. Егоров [8]), который гласит: «Любой объект природы и общества проходит в своем развитии три стадии: становление (детство, юность), стабильность (зрелость), деградация и разрушение (старость)». Именно здесь отчетливо видно (см. рисунок), что низкая устойчивость и высокая активность первой стадии существования системы сменяются повышением стабильности и снижением активности на второй (первое отрицание), что далее вновь приводит к высокой активности и низкой стабильности на третьей стадии (второе отрицание).

Такое направление развития по типу «отрицание отрицания» характерно для колебательно-монотонного поступательного движения системы в процессе идеoadaptации (по Северцову) еще для одной концепции синергетики — теории катастроф (Т. Ром, К. Зиман и др.). Однако плавное развитие системы после достижения определенного момента сменяется выбором дальнейшего пути (бифуркацией в теории динамического хаоса А. Пуанкаре) с резким скачком вверх (ароморфоз по Северцову, реже — деградация). Но именно об этом идет речь в третьем законе диалектики, где количество (накопленные изменения в системе) сменяется качеством — ее резкой трансформацией и перестройкой.

Таким образом, синергетика вполне применима к различным открытым неравновесным системам (биологическим, общественным), как в плане характеристик самой системы, так и в смысле диалектики ее становления и развития, описываемой этой наукой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Михайлов Ф. Т. Диалектика. Новая философская энциклопедия в 4-х томах — М: Мысль. 2010.
2. Пригожин И., От существующего к возникающему. — М: Мир. 1984. Хакен Г. Синергетика. — М: Мир. 1981
3. Аршинов В. И., Буданов В. Г. Когнитивные основания синергетики. Синергетическая парадигма 2. — М: Прогресс-Традиция. 2001.
4. Pollak G. H. Cells, Gels and Agents of Life — NY: Abner and Sons Publisher. 2001.
5. Ляпунов А. М. Собрание сочинений. М. Л.: Изд-во АН СССР, 1954–1959
6. Северцов А. В. Теория эволюции. — М: Владос. 2005.
7. Егоров В. В. Основные этапы развития объектов природы и общества: сходства и отличия. //Ученые записки РГСУ. 2012. № 10. С. 71.

© Егоров Владислав Викторович, Ларионова Ирина Сергеевна (kaf_chimii@mgavm.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОБЪЕДИНЯЮЩИЙ, НАПРАВЛЯЮЩИЙ И УПРАВЛЯЮЩИЙ ФАКТОРЫ В ЖИВЫХ ОРГАНИЗМАХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ СИСТЕМАХ

UNITING, GUIDING AND MANAGING FACTORS IN LIVING ORGANISMS AND SOCIAL SYSTEMS

**V. Egorov
I. Larionova**

Summary. In the example cell, the person, the family and the state are considered uniting, guiding, and governing factors. It is established that the governing factor is energy, the guide is the stability and unifying — interaction, collaboration and cooperation.

Keywords: body; society; unifying, guiding, managing factors.

Егоров Владислав Викторович

Заслуженный деятель науки РФ, доктор химических наук, профессор, ФГБОУ ВО Московская государственная академия ветеринарной медицины имени К. И. Скрябина, Москва, Россия

Ларионова Ирина Сергеевна

*Почетный работник ВПО РФ, доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО Московская государственная академия ветеринарной медицины имени К. И. Скрябина, Москва, Россия
kaf_chimii@mgavm.ru*

Аннотация. В работе на примере клетки, человека, семьи и государства рассмотрены объединяющий, направляющий и управляющий факторы. Установлено, что управляющим фактором является энергетика, направляющим — стабильность, а объединяющим — взаимодействие и сотрудничество (в обществе).

Ключевые слова: организм; общество; объединяющий, направляющий, управляющий факторы.

В философии, ее законах диалектики отражена динамика развития: механизм — единство и борьба противоположностей (положительные и отрицательные обратные связи Ляпунова в синергетике), направление этого процесса (отрицание отрицания — идеоадаптация по Северцову) и условие перехода системы на новый уровень (переход количества — в качестве — теория катастроф в синергетике или ароморфоз плюс деградация по Северцову). Однако, фундаментальные принципы существования и развития систем, как мы полагаем, рассмотрены в работах по философии не полно. В то же время в современной научной парадигме — синергетике [1] обсуждаются отдельные концепции применительно к обществу, являющемуся синергетической, т.е. открытой, устойчиво неравновесной, самоорганизованной системой с нелинейной динамикой [2]. То же справедливо для любого организма или популяции [3]. Но остаются открытыми вопросы, связанные с тем, что объединяет, направляет и управляет живой или общественной системой. Это тема настоящей работы.

Касательно отдельной клетки — наименьшей из живых систем. В основе ее жизнедеятельности лежит энергетика, без которой клетка не сможет осуществлять свои жизненные функции, т.е. это управляющий фактор или, по определению синергетики, параметр порядка (наиболее нестабильная характеристика системы). Известно, что свою энергию клетка получает путем ферментативного окисления продуктов питания с помощью кисло-

рода воздуха (аэробы) или других окислителей (анаэробы-хемотрофы) и запасает в форме макроэргов (АТФ и др.) и клеточных потенциалов (профессор Журавлев добавляет сюда излучения, в т.ч. возникающие в реакциях свободных радикалов или при распаде радионуклидов). Однако и продукты питания, и кислород поступают в клетку нерегулярно, что собственно и определяет их нестабильность, как источников энергии, а у клетки — ее неустойчивость, т.е. энергетика — это управляющий фактор в живой клетке.

Что же объединяет структуры клетки? Очевидно, их химические связи и физико-химические взаимодействия, в первую очередь на молекулярном уровне. Без них не будет ни высокоорганизованных биомолекул, ни цитоплазматической мембраны, ни органелл или ядра, ни самой клетки. Действительно, в синергетике рассматривается самоорганизация, причиной которой является взаимодействие с образованием динамических, устойчиво неравновесных систем в условиях детерминированного хаоса, т.е. в таких условиях, когда составляющие систему объекты взаимозависимы.

Остается открытым вопрос о направляющем факторе в клетке, т.е. о точке притяжения (сборки) всех процессов или, по определению синергетики, — аттракторе. Кто-то полагает, что это ядро, его генетический аппарат (у безъядерных — РНК). Однако ему клетка только делегирует такие свои функции, как самоподдержание,

репликация и пр. По нашему мнению основной целью или простым синергетическим аттрактором [4] клетки, как и клеточной популяции, является ее сохранение, т.е. обеспечение стабильности существования. Именно это гарантируется всеми процессами метаболизма на уровне клетки, управляемыми ДНК или РНК, и процессами деления и мутации на уровне популяции, поскольку только мутантные формы, т.е. определенные нарушения синтеза белков и РНК, позволяют выжить клетке или популяции (культуре, клону) в изменившихся условиях, а значит сохранить себя.

Обратимся к высшему организму, например, к человеку. По понятиям синергетики (живые системы — синергетические [3]), им управляет самый слабый фактор — параметр порядка, который можно определить следующим образом: снижение или удаление его приводит, соответственно, к заболеваниям и гибели организма. В основе жизнедеятельности лежат процессы питания и дыхания («питания» кислородом), без которых жизнь организмов не мыслима: без пищи мы можем прожить около недели, без воды — около суток, а без воздуха — минуты. Следовательно, энергетика с точки зрения синергетики и является самым слабым, т.е. управляющим фактором в организме. Таким образом, если кто-то полагает, что управляет всем мозг, то это заблуждение. Ведь без энергии мозг не способен не только выполнять свои функции, но и просто существовать.

Объединяют все клетки, ткани, органы и системы в нашем организме их связи или взаимодействия, создающие его структуру, а функцию поддержания состава (в т.ч. гомеостаза внутренней среды) и свойств организм высших животных делегирует центральной и периферической нервной системе, в первую очередь мозгу.

И, наконец, к цели существования — главному аттрактору. Это сохранение устойчивости организма в процессе жизни (эмбрио- и онтогенеза), а популяции — в процессе ее существования (идеоадаптации) и эволюции (ароморфоза, деградации). Все остальное (продолжение рода, удовлетворение материальных и культурных потребностей и пр.) — задачи текущего дня. Они могут изменяться, но направляющий фактор — никогда.

Рассмотрим ячейку общества — семью. В основе ее стабильности — материальный базис, связанный сегодня в цивилизованном обществе с заработком ее членов, а у варварских народов — с добычей пищи. На первый взгляд это представление кажется ложным, поскольку всегда на поверхность выходят семейные отношения. Однако они могут изменяться и варьироваться, как и лидер в семье, но материальный уровень не должен

снижаться никогда. В противном случае, ни о каких нормальных отношениях, ни о какой семье речь просто не идет. Итак, финансы, определяющие уровень питания и материальное благополучие, — управляющий фактор в современной цивилизованной семье.

Объединяющим условием в ней является договор между супругами (один человек — не семья!), в явной или неявной форме. Влечение, о котором говорят многие социологи (и Фрейд) только инициирует создание семьи, но не поддерживает ее стабильность. А именно она и является основной целью нашей ячейки — направляющим фактором или ключевым аттрактором. Все остальное — средства ее достижения. Даже дети в семье могут или объединять, или разрушать ее. Причем, ребенок, его появление и существование — это временная проблема. У кого-то она даже не возникает. Детей нет, но семья остается. Правда о стабильности рода речь уже не идет.

Государство, определяющие его параметры определены в философской и социальной литературе. Они обоснованы и всем приведенным выше рассмотрением. В его основе — экономика (полезные ископаемые, природные источники энергии, добыча и производство продуктов питания, а также финансы и пр.). На экономическом базисе строятся все институты государства (К. Маркс, Ф. Энгельс). Создается государство путем объединения людей на основе их соглашения и не важно, что им управляет — народное вече, дума плюс совет министров или президент (царь, император и пр.). Поддерживает государство только одно условие — ненарушение общественного договора (между его гражданами, между гражданами и властями). Власти только выполняют этот договор, основные положения которого сегодня записаны в конституции (право на жизнь, труд, отдых и пр.). Целью существования любого государства является его стабильность и сегодня, и завтра, т.е. устойчивость и самих его институтов, и их развития.

Таким образом, в работе выявлены три определяющих фактора для существования любого объекта природы или общества: управляющий — энергетика, объединяющий — взаимодействие и взаимосвязь (в обществе на основе договора) и направляющий — стабильность. Все остальные признаки и свойства являются либо результирующими, либо сопутствующими, в том числе используемыми для реализации и поддержания определяющих факторов. Эти факторы вытекают напрямую из концепций синергетики: из ее принципа подчинения (управляющий фактор), из теории аттракторов (направляющий фактор) и самого определения синергетической системы, образованной в результате самоорганизации (объединяющий фактор) ее компонентов в детерминированном хаосе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. — М: ПрогрессТрадиция. 2009.
2. Тихомиров Н. В., Егоров В. В., Ларионова И. С. Сборник трудов МААО (в печати).
3. Пригожин И. Р., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой — М: Прогресс. 1986.
4. Рубин А. Б. Биофизика. Т. 2. М: Высшая школа. 1987.

© Егоров Владислав Викторович, Ларионова Ирина Сергеевна (kaf_chimii@mgavm.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СЕМАНТИКА ОБРАЗА ИУДЫ ИСКАРИОТА В ЧЕТВЕРОЕВАНГЕЛИИ И В «ЕВАНГЕЛИИ ОТ ИУДЫ» ИЗ КОДЕКСА ЧАКОС

THE SEMANTICS OF THE IMAGE OF JUDAS ISCARIOT IN THE GOSPEL AND THE «GOSPEL OF JUDAS» FROM THE CODEX TCHACOS

S. Zamlelova (Makeeva)

Summary. The article deals with the image of Judas Iscariot in the Gospel and in the Gnostic «Gospel of Judas» from the Codex Tchacos. The author analyzes Christian and Gnostic texts, comparing features of the Christian and Gnostic Judas. The Christian tradition considers Judas as a traitor and enemy of Christ, in the «Gospel of Judas» Judas Iscariot is presented as a hero who helped Jesus to escape from this evil world and go to the heaven. Two images of Judas Iscariot are so different that the author makes the conclusion that they have fundamentally different semantics. In addition, the author shows that claims by some researchers about the similarities of the Christian Gospels and the «Gospel of Judas» from the Codex Tchacos seemed unreasonable. In conclusion, the author argues that the motive for the betrayal of Judas Iscariot was the internal conflict of the Apostle, faced with a choice: to follow Christ or to return to the usual life of the ordinary citizen of Judea. At the same time, the «Gospel of Judas» from the Codex Tchacos posits the heroic image of Judas, close to Christ, like Christ, the chosen man.

Keywords: Christ, Judas, Gnosticism, Codex Tchacos, betrayal, chosen man, apocryphal story.

Замлелова (Макеева) Светлана Георгиевна

*К.филос.н., Главный редактор сетевого
литературного журнала «Камертон»
svetlana-zamlelova@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются образ Иуды Искариота, данный в Четвероевангелии, а также образ «апостола-предателя» гностического «Евангелия от Иуды» из Кодекса Чакоос. Автор анализирует христианский и гностический тексты, сравнивая черты, которыми наделяется Иуда христианский и Иуда гностический. Если христианская традиция рассматривает Иуду как предателя и врага Христова, то в «Евангелии от Иуды» Иуда Искариот предстает героем, помогшим Иисусу вырваться из этого злого мира и перейти в мир высший. Два образа Иуды Искариота оказываются настолько разными, что автор делает вывод об их принципиально различной семантике. Кроме того, автор показывает, что утверждения некоторых исследователей, о сходстве и взаимообогащении Четвероевангелия и «Евангелия от Иуды» из Кодекса Чакоос представляются необоснованными. В заключении автор утверждает, что мотивом предательства Иуды Искариота стал внутренний конфликт апостола, оказавшегося перед выбором: следовать за Христом или вернуться к привычной жизни рядового горожанина Иудеи. В то же самое время «Евангелие от Иуды» из Кодекса Чакоос утверждает героический образ Иуды, образ близкого ко Христу апостола, являющегося, наравне с Христом, человеком избранным.

Ключевые слова: Христос, Иуда, гностицизм, Кодекс Чакоос, предательство, избранный, апокриф.

Христианская традиция в отношении новозаветных событий, связанных с именем Иуды Искариота и соответственно с его образом, придерживается в целом единого мнения, называя Иуду «раб и льстец, ученик и наветник, друг и диавол...» (Утренняя Святого и Великого Четвертка). Между тем уже со II в.н.э. известно так называемое «Евангелие от Иуды», гностический источник, упоминаемый Иринеем Лионским в сочинении «Против ересей»: «Другие опять говорят, что Каин происходит от высшей силы, и Исава Корея, содомлян и всех таковых же признают своими родственниками, и поэтому они были гонимы Творцом, но ни один из них не потерпел вреда, ибо Премудрость взяла от них назад к себе самой свою собственность. И это, учат они, хорошо знал предатель Иуда, и так как он только знал истину, то и совершил тайну предания, и через него, говорят они, разрешено все земное и небесное. Они также выдают вымышленную историю такого рода, называя Евангелием от Иуды» [9]. «Евангелие от Иуды», среди прочего, содержит утверждение, что предательство Иуда совершил по требованию Христа, чтобы избавившему-

ся от плоти Христу высвободить Свою Божественную сущность [7].

Т. Райт, считает, что Иринею Лионскому едва ли мог читать «Евангелие от Иуды» — во многом критика Иринея Лионского противоречит тому, что содержится в самом документе. Вероятно, св. Иринею мог только слышать о существовании «Евангелия от Иуды». К тому же и сам св. Иринею говорит, что собрал много гностических текстов, среди которых не упоминает, однако, «Евангелие от Иуды» [16; 22–23]. Как бы то ни было, «Евангелие от Иуды» действительно выражает то, что называется «базовые принципы» гностицизма. В частности эти принципы передает диалог между Иудой и Иисусом, вошедший в документ [9]. Так, согласно учению гностиков, тварный мир пронизан злом, поскольку и сам творец Демиург зол. Но есть иная божественная сущность — это мудрый и добрый бог, являющийся противоположностью Демиурга. Поэтому целью любого мыслящего существа должно быть «спасение», сводящееся к тому, чтобы прекратить физическое существование, избавиться от материального мира и всего, что с ним свя-

зано. Блаженство недоступно тем, кто любит мир и его злого создателя. Путь же к спасению пролегал через знание, «gnosis». Это знание может раскрыть только пришелец из духовного мира. Да и то лишь тем немногим, в ком спрятана искра божественного света [7].

Под гностицизмом мы понимаем философско-религиозное течение, возникшее незадолго до возникновения христианства. Это движение достаточно разнородное и разделяется внутри себя на несколько направлений. Ряд исследователей возражают против использования обобщающего термина «гностицизм», поскольку под это определение подпадает слишком много разного рода течений и текстов, определяя которые «гностицизмом» можно лишь внести путаницу [33]. Так, например, к гностическим относятся учения валентиниан, маркионитов, василидиан, докетов, офитов, богомилов, катаров, вальденсов, альбигойцев [5; 316–317]. Однако Б.Д. Эрман, например, считает оправданным обращение к термину «гностицизм» без уточнения, о каком именно религиозном течении идет речь. Точно так же, как можно говорить об иудаизме или христианстве вообще, несмотря на то, что обе религии богаты внутренними течениями. Еще Ириной Лионский писал о гностиках, что они «под разными именами говорят то же самое, но более чем первые, чуждое истине привносят в характер своего учения» [9].

Можно выделить общие черты гностицизма, сводимые, в частности, к «дуализму, онтологическому монодуализму или монотриализму; космологическому эманационизму; антропоцентризму и гипертрофированному индивидуализму; антикосмизму и антисоматизму; отождествлению бытия с гнозисом» и пр. [5; 316–317] Гностики проповедовали необходимость выйти из-под власти ветхозаветного бога, дабы слиться с высшим существом в небесных сферах. Понимая ветхозаветного бога как зло, гностики почитали его дела недобрыми, а восставших на него персонажей Библии — героями и борцами [8]. Также для гностиков характерно суждение, что беда человечества — не грех, как это понимает и чему учит традиционное христианство, но — неведение. Не вера, любовь или смирение, но познание способно повлиять на человеческую участь и переменить ее.

Есть гипотеза о существовании самобытной гностической религии, несводимой к христианской или иудейской ереси [14; 5]. Суть этой религии заключается в переживании отчужденности от мироздания и его творца. Пробуждаясь от мирской суеты, гностик откликается на «зов трансцендентального иного» [14; 6]. Т. Райт считает, что интерпретация и переоценка гностиками Ветхого Завета могли быть связаны с поражением в 135 г. восстания Бар-Кохбы, которого рабби Акива объявил Мессией. Уж если возможно такое страшное поражение,

значит, вполне вероятно, что традиционные представления о добре и зле искажены. Значит, Бог Ветхого Завета — плохой бог, а те, кого он осуждал, были хорошими. И наоборот, те, кому он благоволил, были плохими [34; 164–166]. Бога Ветхого и Нового Заветов гностики избрали объектом презрения, равно как и поклоняющихся ему людей, позволивших обмануть себя по глупости и невежеству.

По мнению Т. Райта, Иисус — весьма удобная фигура для гностических подтасовок, поскольку, даже в полном соответствии с апостольским учением, он вполне может быть принят за того, кто связан с чистым и добрым богом и чей приход на землю вполне может быть обусловлен миссией избавления людей от материального мира. Очищенная от ветхозаветных составляющих фигура Иисуса оказывается подходящей для гностиков, как проводник тайного знания [16; 34]. Т. Райт допускает, что первым антигностическим писателем мог быть апостол Павел, который изобличал «знание» и тех, кто «преисполнен гордыни и ничего не знает» (1 Кор. 8:1; 1 Тим. 6:4) [2].

В «Евангелии от Иуды» Иуда Искариот предстает героем, помогшим Иисусу вырваться из этого злого мира и перейти в мир высший. По сюжету этого «Евангелия», Иисус и Иуда знают, что являются избранными, в то время как остальные апостолы не обладают избранничеством и поклоняются злему богу или Богу Авраама, Исаака и Иакова. Причем Иисус глумливо смеется над учениками за это невежество. Т. Райт, ссылаясь на американских и израильских исследователей, с недоумением отмечает их стремление истолковать этот очевидно презрительный смех как проявление дружелюбия, доброжелательности и мудрости. Затем Иисус призывает Иуду принести в жертву человека, который носит в себе Иисуса: «Истинно говорю тебе, Иуда, <...> ты превзойдешь их всех. Ибо ты принесешь в жертву человека, чьим телом я облечен» [7]. То есть уничтожение этого телесного человека должно освободить настоящего Иисуса или его духовную сущность. Освободившись от материальных оков, Иисус сможет вернуться в небесную обитель. Учение о том, что тела божественных существ не принадлежат им, а являются для них формой, разделял близкий к гностицизму докетизм. [22; 299] Далее Иисус говорит Иуде: «Подними взор свой и посмотри на облако и на свет внутри него, и на звезды, окружающие его. Звезда, что указывает путь, твоя звезда» [7]. Опираясь на эти слова, Г. Кросни заявляет, что «Евангелие от Иуды» «призывает нас пересмотреть учение Иисуса. Следование за собственной звездой — идея сегодня столь же актуальная, как и в те времена» [29; 299].

Между тем, по выходу книги из печати было отмечено, что никакой исторической правды книга содержать

не может и что реальные Иисус и Иуда просто не поняли бы того, о чем в ней говорится. Г.Г. Ястребов считает, что значение «Евангелия от Иуды» как исторического источника более чем скромно. Кроме того, текст изобилует несуразностями и нестыковками, благодаря чему заданный изначально пафос избранности и элитарности сводится к нулю [25; 174]. Т. Райт отмечает, что суть молитвы «Отче наш», оставленной Иисусом своим ученикам, содержит слова, могущие привести в ужас любого из гностиков. «Яко на небеси и на земли...» — гностический Иисус не мог бы сказать таких слов, поскольку земной, тварный мир, созданный злым богом, презираем и ненавидим гностиками [16; 58].

Т. Райт отмечает и еще одну любопытную деталь, а именно разницу между каноническими и апокрифическими евангелиями. Канонические евангелия содержат вести, апокрифические — поучения о том, как следовать духовной практике и с ее помощью достичь блаженства. Но само слово «евангелие» (греч.) переводится как «благая весть». Следовательно, апокрифические «евангелия» — не евангелия вовсе, они принадлежат к принципиально другому жанру [16; 59]. «Евангелие от Иуды» — история непонятная для иудеев начала тысячелетия и не могущая быть принятой ими. Иудеи ожидали освобождения Израиля и Царства Божьего на земле. Сообщение, несомое «Евангелием от Иуды», может быть признано «благой вестью» лишь в том случае, если, по замечанию Т. Райта, «перевернуть представления о мире с ног на голову» [16; 63].

Воскресение — краеугольный сюжет канонических Евангелий, на нем основано христианство. Но этот сюжет никоим образом не освещается «Евангелием от Иуды». Более того, следует отметить особо, что традиционное христианство и гностицизм существенно расходятся в отношении к смерти. Воскресение Христово является для христиан победой над смертью — «Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ» (Пасхальный Тропарь, Глас 5). Попраание возможно только в отношении врага — невозможно попраить или победить благо и радоваться такой победе. Для гностицизма смерть — благо, ее не надо побеждать или попираить, она есть освободительница духовной сущности из телесных оков.

Современные исследователи сходятся на том, что апокрифические «евангелия» вторичны по отношению к каноническим и, более того, являются производными канонических [17]. Хотя, например, Г. Кросби [29; 278] и Э. Пэйджелс [32; 126] считают, что «Евангелие от Иуды» расширяет христианское вероучение и может служить дополнительным материалом для постижения истин христианства. Тем не менее, совершенно очевидно, что этого не может быть, поскольку традиционное христианство и гностицизм — два принципиально разные

учения. И если канонические Евангелия проповедуют любовь и «милость к падшим», то «Евангелие от Иуды» не имеет никакого отношения к этой проповеди. «Евангелие от Иуды» учит, что существует некое тайное знание, с помощью которого избранные могут покинуть этот мир, дабы воссоединиться с божеством и освободить свою духовную сущность. То есть само Спасение, как центральное понятие веры, определяется традиционным христианством и гностицизмом по-разному — так, что одно определение никак не может дополнить другое.

Кроме «Евангелия от Иуды» Кодекс Чакоз включает в себя еще три гностических текста, написанных на саидском диалекте коптского языка [3; 127]. В состав Кодекса также входят: Послание Петра к Филиппу, «Иаков», «Книга Аллогена» [10; 51]. Тем не менее, именно «Евангелие от Иуды» вызвало общественный резонанс и было провозглашено тогда же сенсацией. То есть именно «Евангелию от Иуды» придавалось какое-то особенное значение, именно с ним связывались надежды, именно ему приписывалась роль ниспровергателя традиционного христианства. Так, например, Б.Д. Эрман тогда же утверждал, что «Евангелие от Иуды» открывает путь к новому пониманию христианства, к новому пониманию бытия [24; 83].

Попытки реабилитации Иуды Искариота предпринимались и ранее. Сначала робкие, затем все более уверенные, вплоть до заверений о перевороте в христианстве. С появлением «Евангелия от Иуды» появилось множество комментариев и работ, направленных на то, чтобы убедить большинство в истинности и правдивости этого документа. Предлагалось пересмотреть традиционное христианство и принять «новую» версию событий двухтысячелетней давности и «новый» взгляд на христианское вероучение. Другими словами, человечеству предлагалось принять новый миф как о происхождении христианства, так и об Иуде и Иисусе.

Цель этих предложений заключалась в том, чтобы реабилитировать Иуду Искариота, представить его героем и положительным персонажем и доказать, что традиционный взгляд на него как на предателя ложен, а, значит, ложны традиционные христианские представления. В соответствии с новыми мифами не было ни Распятия, ни Воскресения. Иисус был не тем, за кого выдают его канонические Евангелия. Скорее всего, он был неким учителем. Его последователи образовали множество движений, внутри которых было написано множество «евангелий». Те же «Евангелия», что мы называем каноническими, были отобраны впоследствии. Отбор осуществлялся Церковью, всегда стремившейся к политической власти и контролю. Б.Д. Эрман утверждает, что Новый Завет сложился в своем настоящем составе

и виде, благодаря влиянию одной из конкурирующих групп в христианстве. «Эта группа, взяв верх над остальными, «обратила в свою веру больше людей, чем прочие, сумела вытеснить своих оппонентов на обочину. Эта группа определила, какой должна быть организационная структура церкви. Она установила, каким постулатам веры должны следовать христиане. И она же решила, какие книги должны считаться писанием» [24; 124].

Однако учение, содержащееся в Новом Завете, и учение «Евангелия от Иуды» настолько разнятся между собой, что утверждение, будто бы книги Нового Завета конкурировали с «Евангелием от Иуды» как разные взгляды на христианство, представляется малоубедительным. Кроме имен собственных, книги Нового Завета и «Евангелие от Иуды» не имеют ничего общего. Это не просто два разных взгляда на христианство, это два разных мировоззрения, две разные религии, несущие противоположные заряды и утверждающие противоположные ценности. Выбор между этими книгами означает выбор между христианством и не-христианством, между двумя противоположными способами отношения к себе, окружающему миру и ближним.

Согласно новым мифам, считает Т. Райт, человечеству необходима новая религия, которой вполне может стать гностицизм, представленный, в частности, в «Евангелии от Иуды». Т. Райт также считает, что сегодня инстинкт сомнения выродился в инстинкт неверия во что бы то ни было. Подозрительность, вера в существование какой-то тайной правды — все эти признаки современного мирозерцания стали хорошей почвой для укоренения гностических идей, сводимых, в частности, к разрыву с внешними доступными источниками знания и поиску чего-то тайного, хранящего подлинное знание. Отметим, что мнение Т. Райта, а кроме того, названия статей, сопровождавших появление «Евангелия от Иуды», свидетельствуют о дерационализации и мифологизации сознания современного человека, проявляющихся в тяге ко всякого рода тайнам, кодам, разоблачениям, тайным знаниям и пр. Вот примеры статей, опубликованных в разных источниках: «Times» — «Иуда Непонятый. Ватикан восстановит имя оболганного апостола». Там же — «Обвинен, подставлен или оклеветан. Три веские причины освободить Иуду Первого». «The Guardian» — «Иуда Искариот: его жизнь и добрые деяния». «Toronto Star» — «Новое рождение Иуды: готовы ли мы пересмотреть свое отношение к негодяю?» «The Mail of Sunday» — «Мировой эксклюзив: Евангелие от Иуды Искариота: величайшая в мире археологическая находка угрожает 2000-летнему христианскому учению». Там же — «Спустя 2000 лет — голос Иуды (Мировой эксклюзив: Церкви замерли в ожидании публикации «Потерянного Евангелия», которое может поставить

под угрозу саму основу христианского вероучения)». Там же — «Евангелие от Иуды докажет, что Воскресения не было».

В «Евангелии от Иуды» Иисус призывает Иуду следовать за своей звездой [7; 46]. Призыв, по мнению Т. Райта, как нельзя лучше отвечает психологии индивидуализма. Т. Райт считает, что жизнь современного человека проходит, в полном соответствии с гностическим императивом и императивом Просвещения, на двух этапах. На «верхнем» этапе проходит религиозная жизнь, связанная с поиском божественности в себе и с процессом самопознания; на «нижнем» — повседневная жизнь по устройению счастья, деланию денег и пр. Гностицизм и Просвещение по разным причинам и с разными целями, но одинаково приветствовали разделение этих сфер жизни. Но тот радикальный дуализм, что содержится в «Евангелии от Иуды» может оправдывать решительно все: от идеологии накопительства до государственного мессианизма и права вершить судьбы народов, обрушивая на их головы кару за непокорность; от религиозной всеядности до сексуальной распущенности [15; 117–118]. Ведь кто, как не просвещенные могут позволить себе все. Тем более что Иисус — не Спаситель мира, а всего лишь некий человек, открывший, что внутри некоторых из нас сокрыта божественная сущность. Подобного рода религиозность оказывается попросту опасной, поскольку новые религиозные идеи могут оправдать в глазах самого верующего самые неожиданные и опасные для окружающих интенции [30; 168–172, 277]. Неогностицизм, как показывают Т. Райт и Ф.Д. Ли, способен не просто оправдать установку на наслаждение, но и дать авторитетное, «божественное» обоснование мировоззрению такого рода.

Смысл послания, содержащегося в «Евангелии от Иуды», заключается в том, что люди, по мнению его создателей и, очевидно, современных почитателей, разделяются на две категории: на обычных, которых большинство и чье существование заканчивается со смертью тела; и на избранных, на меньшинство, обладающих божественной искрой и не исчезающих со смертью тела. К таким избранным в «Евангелии от Иуды» относятся Иисус и сам Иуда. По учению Валентина, «одни — пневматики (духовные) — носители духа (гностики по самой своей духовной природе) неизбежно спасались — выходили в конце концов в область Божественного духа; другие — илики (вещественные), то есть язычники, которые неизбежно погибали вместе с материей; и, наконец, психики (душевные) — обыкновенные христиане, нуждавшиеся в спасении и Спасителе. По учению гностиков, они должны бороться с грехом и спастись добрыми делами. Но их судьба была предreshена их духовными задатками: души были злы и добры по природе, а не по свободной воле, которая могла бы с помощью

благодати Христовой созидать свое спасение, возродиться после падения» [12; 201–202]. Спасение не через любовь и смирение, как учит традиционное христианство, а посредством избранничества и утверждения себя в качестве обладателя «божественной искры», через «следование за своей звездой», пренебрежение к окружающему миру. Сам Иуда, как обладающий истиной и «божественной искрой», противопоставляется в «Евангелии от Иуды» остальным ученикам Христа как профанному большинству, не годящемуся к спасению и не владеющему тайной.

Внешний мир представляется гностикам обманом, неким темным и злополучным местом. Однако нельзя не отметить черты, характерные для гностика, но не связанные с его представлениями о мироздании, скорее являющиеся психологическим следствием гностических воззрений. Так, Р.В. Светлов, например, отмечает, что «каждый гностик претендует на то, что нашел нечто новое и создал нечто, до него не известное. Предпосылкой подобного субъективизма является чувство «внутреннего присутствия Бога» и вера в то, что высшие силы устанавливают прямой контакт непосредственно с подвижником, ищущим сакральное знание» [18; 56–61]. С этим положением связана и гностическая антропология, восходящая к индивидуализму и вере в собственную избранность: «Высшая ступень в мистике гностического откровения — это осознание того, что лицо, дарующее откровение, — ты сам...» [18; 56–61]. Кроме того, божественной искрой обладают не все люди, а только пневматики или «духовные». В различных культурах и обществах существовало разделение на касты и классы, на высших и низших. Но именно для гностицизма характерно сочетание избранничества, крайней формы индивидуализма и полное неприятие окружающего мира. При таком сочетании человек неизбежно воспринимает окружающий мир и людей как средство к существованию. Именно об этом и сообщает «Евангелие от Иуды».

Но вспышка интереса к Иуде не связана исключительно с публикацией «Евангелия от Иуды». Тема предательства Иуды Искариота никогда не теряла своей актуальности для теологии и особенно сотериологии. На протяжении веков существования христианства Церковь однозначно трактовала как евангельские события, связанные с именем Иуды Искариота, так и личность апостола-предателя: «Иуда льстец, сребролюбия рачительствуй, предати Тя, Господи, сокровище живота, лестно поучашеся, отнюдуже и упився, течет ко иудеям, глаголет беззаконным: что ми хотите дати, и аз вам предаю, во еже распяти Его». (Седален утрени Святой и Великой Среды). Кроме того, психологическая мотивация совершенного Иудой предательства никогда не находилась в центре внимания ни евангелистов, ни последу-

ющих за ними церковных исследователей Священного Писания, поскольку практической ценностью его предательство измерено быть не может. И упоминаемое сребролюбие рассматривается обычно как «щель, делающая его доступным внушениям дьявола» [1; 237].

Интерес к Иуде, которого не обошла ни одна из существовавших экзегетических традиций, был связан, в первую очередь, с тем, что «в соответствии с древним принципом «проклят пред Богом всякий, повешенный на дереве» (Втор. 21:23), восходящим к архаическим ритуалам казни-заклания в жертву, повешенный на древе креста Христос, принявший на себя проклятие человечества, и повесившийся Иуда Искариот, несущий бремя собственного проклятия, представляют собой многозначительную внутреннюю антитезу» [1; 237]. Характерно в этом смысле, например, изображение Иуды на фреске Джотто (ок. 1305 г., Падуя, капелла дель Арена), где лица Христа и Иуды выражают противоположные, разнополюсные человеческие качества — низости и величия, мелочности и благородства. Христианскую традицию не интересуют психологические мотивы поступка Иуды; для нее Иуда — олицетворение предательства, богоотступничества, он «предвосхищает выступление антихриста; недаром он характеризуется словосочетанием «сын погибели» (Ин. 17:12), примененное в Новом Завете также и к антихристу (2 Фес. 2:3)» [1; 237]; он исполняет пророчества (Иер. 32:9, Зах. 11:12, Пс. 108:1–2). Роль его в евангельской истории скорее мистическая, именно с этой точки зрения смотрит на него христианская традиция, не пытавшаяся объяснить психологические противоречия его поведения и весьма осторожно относившаяся к попыткам такого рода. Но с появлением новых трудов по интерпретации новозаветных текстов такие попытки стали предприниматься не только религиоведами и философами, но и теологами. Кроме того, антитеза Христос-Иуда не раз, по слову С.С. Аверинцева, «подавала пластический мотив для изобразительного искусства» [1; 237].

Из Четвероевангелия нам, прежде всего, известно об Иуде следующее:

1. Иисус избрал Иуду в ученики, Иуда вошел в круг ближайших к Иисусу двенадцати (Мф. 10:1–4; Мк. 3:13–19; Лк. 6:13–16);
2. Иуда наравне с другими учениками Христа был наделен силой исцелять болезни и изгонять бесов. Вместе с остальными апостолами Иуда был отправлен Иисусом «проповедовать Царствие Божие и исцелять болезни» (Мф. 10:1, 7–8; Мк. 3:14–15; Лк. 9: 1–6; Деян. 1:17);
3. Иуда был свидетелем чудес, творимых Иисусом (Мф. 14:14–33; Мк. 3:37–41; Лк. 9:12–17);
4. Иуда был казначеем и носил при себе «денежный ящик» (Ин. 12:6);

5. Иуда был вором (Ин. 12:6);
6. Иуда возмутился нерачительным использованием драгоценного нарда (Мф. 26:7–9; Мк.14: 3–4; Ин. 12:4–6);
7. Иуда сам отправился к первосвященникам с предложением выдать им Иисуса (Мф. 26:14–16; Мк. 14:10–11; Лк. 22:3–6);
8. Иуда вместе с другими апостолами присутствовал на Тайной Вечери (Мф. 26:20; Мк. 4: 17; Лк. 22:14–21; Ин. 13:2–30);
9. Как и всем прочим ученикам Иисус омыл ноги Иуде и разделил с ним трапезу на Тайной Вечере (Ин. 13:5–30);
10. Иуда задал лицемерный вопрос «Не я ли, Господи?» в ответ на слова Иисуса «Один из вас предаст Меня» (Мф. 26:21–25; Мк. 4:18–19);
11. В Гефсиманский сад, где Иисус молился, Иуда привел воинов и толпу народа (Мф. 26:47; Мк. 4:43; Лк. 22:47; Ин. 18:3);
12. Чтобы воины смогли опознать Иисуса, Иуда поцеловал его (Мф. 26:48–49; Мк 4:44–45; Лк 22:47–48);
13. Иисус назвал Иуду «другом» в Гефсиманском саду (Мф. 26:50);
14. После того, как Иисус был арестован, Иуда раскаялся в содеянном (Мф. 27:3–5);
15. Иуда вернул деньги первосвященникам, после чего убил себя (Мф. 27:3–5).

А об Иуде в «Евангелии от Иуды» говорится, что:

1. Иуда один из всех учеников Иисуса сумел предстать перед Иисусом, хотя не смог взглянуть ему в глаза [7; 24];
2. Иуда знает, что Иисус явился из «царствия бесмертных Барбело» [7; 25];
3. Иисус знает, что Иуда помышляет о возвышенном, а потому хочет открыть Иуде «тайны царства» [7; 25];
4. Иуде было видение, предрекшее его преследования в дальнейшем [7; 33];
5. Иисус открывает Иуде, что Иуда — избранный и открывает Иуде тайны космологии [7; 34–44];
6. Иисус велит Иуде принести «в жертву человека», телом которого облечен Иисус [7; 45];
7. Иуда видит свою звезду [7; 46];
8. Иуда получает от священников деньги и выдает им Иисуса [7; 47].

Мы видим, что в новом мифе об Иуде количество мифем оказалось значительно меньшим по сравнению с евангельским мифом. Поэтому, в частности, почему применительно к мифу об Иуде Искарите можно говорить о трансгрессии мифа, в том смысле, который вкладывает в это понятие И.П. Давыдов. Как известно, К. Леви-Строс предлагал осмысление событийного ряда

мифа как последовательность мифем или «пучков отношений» [11; 188]. Богатство мифем связано с совершенством мифа. И напротив, «дефицит мифем <...> сигнализирует о трансгрессии мифа» [6].

Но каким бы ни был Иуда, и что бы ни толкнуло его на предательство, это не столь уж важно для понимания сути событий и даже личности Иуды. Принципиальное значение имеет выбор, сделанный Иудой. Человек есть то, что он выбирает.

Именно для того, чтобы понять Иуду Нового Завета, важно осознать его выбор, важно понять, не почему и зачем он предал, а что он выбрал. Выбор же Иуды обусловлен тем, от чего он отказывается. В Евангелиях нет четкого указания на то, что предпочитает Иуда. Зато неоспоримо то, от чего он отказывается. Предательством Иуда отказывается от предложенного ему Христом. Перед Иудой, с одной стороны, символическая сумма в тридцать сребренников, называемая «ценой раба» («Если вол забодает раба или рабу, то господину их заплатить тридцать сиклей серебра...» (Исх. 21:32)), не столько вознаграждение, сколько своего рода *знак вознаграждения*. С другой стороны — Царство Небесное и обетование Христа. То есть приземленное против возвышенного, дальнее против горнего. Можно сказать, что тридцать сребренников — это та цена, за которую Иуда продает себя дьяволу, князю мира сего, другими словами, выбирает земное, дальнее.

Иисус говорит: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут. Но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут» (Мф. 6:19–20); «Не можете служить Богу и маммоне» (Мф. 6:24); «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его» (Мф. 6:33) и т.д. Обобщенно о проповеди Христа можно сказать словами его апостола: «Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей. Ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего. И мир проходит, и похоть его, а исполняющий волю Божию пребывает вовек» (1 Ин. 2:15–17), «мир лежит во зле» (1 Ин. 5:19). Именно потому С.С. Аверинцев говорит об антитезе Христа-Иуды, что выбор Иуды означает отказ от того, к чему зовет Христос, в пользу противоположного. То есть выбор, сделанный Иудой, превратил его в противоположность Христа.

Об антитезе Христа и Иуды пишет и С. Грубар, отмечая, что после Первого Никейского Собора (325 г.) Церковь утвердила «ипостасное единство Иисуса: человека и Бога одновременно» [4; 179]. Контрастом Богочеловеку стал Иуда, «также человек и сатана в одном лице» [4; 179]. Это утверждение нельзя понимать как прямую па-

раллель с Богочеловечеством, в том смысле, что сатана не воплощался в Иуду. Мироздание разделяется в учении Христа на вечное и тленное. Чтобы снискать вечное, настоящее, от человека требуются усилия, сводимые к аскезе, к постоянному самосовершенствованию. «Царствие Божие благовестуется, и всякий усилием входит в него» (Лк. 16:16), — говорит Христос. Предпочтение тленного вечному, низкого высокому — это отказ от действительного в пользу мнимого, от реальности в пользу ее знака. Мир, который Христос призывает не любить, есть вотчина дьявола, «князя мира сего», человекоубийцы, лжеца и отца лжи (Ин. 8:44). Выбирающий мир с его похотью плоти, похотью очей и гордостью житейской тем самым отказывается от усилий, ведущих в Царство Божие и от самого Царства Божия. Феофилакт Болгарский пишет в толковании на Новый Завет: «Кто не от Отца, но от мира, тот от диавола. Так и в Евангелии говорится иудеям: ваш отец диавол (Ин. 8:44), то есть у вас наклонности плотские, которые сеет и возвращает диавол. И эти мирские похотения непродолжительны и непостоянны, а что совершается по воле Божией, то продолжительно и вечно» [19].

Иисус говорит, обращаясь к прекословящему Петру: «Отойди от меня, сатана! Ты мне соблазн! Потому что ты думаешь не о том, что Божие, но что человеческое» (Мф. 16:23). Иисус разграничивает Божие и челове-

ское. При этом человеческое = земное = сатанинское, поскольку сатана = дьявол = князь мира сего. Иными словами, человеческое, не Божие, подчиняется дьяволу. «Мир во зле лежит», то есть земная, тленная жизнь, где множество соблазнов, где грех подчиняет себе человека, противопоставляется Царствию Божию. Таким образом, когда евангелист говорит, что «вошел же сатана в Иуду» (Лк. 22:3), эти слова можно понимать, как указание на то, что Иудой сделан окончательный выбор в пользу материального, земного или человеческого.

Основываясь на Священном Писании и Священном Предании, а также учитывая интерпретации образа Иуды Искариота и труды по истории Палестины, позволяющие максимально полно восстановить картину жизни современников Иисуса Христа [21], представляется возможным предположить, что мотивом предательства Иуды Искариота стал своеобразный внутренний конфликт апостола, оказавшегося перед выбором: следовать за Христом или вернуться к привычной жизни рядового горожанина Иудеи. В то же самое время «Евангелие от Иуды» из Кодекса Чакос утверждает героический образ Иуды, образ близкого ко Христу апостола, являющегося, наравне с Христом, человеком избранным. Как видим, Четвероевангелие и «Евангелие от Иуды» обладают разной семантикой, во всяком случае, в том, что касается образа Иуды Искариота.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С. С. София-Логос. Словарь. Киев, 2005.
2. Библия.
3. Вюрст Г. Иринеи Лионский и Евангелие от Иуды // Евангелие от Иуды по Кодексу Чакос. М., 2008.
4. Грубар С. Иуда: предатель или жертва? М., 2011.
5. Давыдов И. П. Гностицизм // Энциклопедия религий. М., 2008.
6. Давыдов И. П. Православный акафист русским святым (религиоведческий анализ). — Благовещенск, 2004.
7. Евангелие от Иуды по Кодексу Чакос. М., 2008.
8. Епифаний Кипрский. Панарион // Книга Иуды. С-Пб., 2007.
9. Иринеи Лионский. Против ересей. Доказательство апостольской проповеди. М., 2008.
10. Кассер Р. История Кодекса Чакос и Евангелия от Иуды. // Евангелие от Иуды по Кодексу Чакос. М., 2008.
11. Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1985.
12. Мансуров С., священник. Очерки из истории Церкви. Клин, 2002.
13. Мейер М. Иуда и гностические связи // Евангелие от Иуды по Кодексу Чакос. М., 2008.
14. Оренбург М. Ю. Гностический миф: реконструкция и интерпретация. М., 2011.
15. Райт Т. Евангелие Иуды. От какой тайны хотели избавиться древние христиане. М., 2009.
16. Райт Т. Иуда и Евангелие Иисуса. М., 2009.
17. Робинсон Д. М. Тайна истинного Евангелия от Иуды. Харьков, Белгород, 2007.
18. Светлов Р. В. Гнозис и экзегетика. СПб., 1998.
19. Феофилакт Болгарский. Толкование Нового Завета <http://rusbible.ru/books/1in.fb.html#cite-16>
20. Эванс К. Иисус глазами ученых: правда и ложь новейших открытий и скандальных исследований. М., 2011.
21. Эдершейм А. Жизнь и времена Иисуса Мессии. М., 2004.
22. Элбакян Е. С. Докетизм // Религиоведение. Энциклопедический словарь. М., 2006.
23. Эрман. Б. Д. Утерянное Евангелие от Иуды. Новый взгляд на предателя и преданного. М., Владимир, 2010.
24. Эрман. Б. Д. Христианство встает с ног на голову: альтернативное видение Евангелия от Иуды // Евангелие от Иуды по Кодексу Чакос. М., 2008.

25. Ястребов Г. Г. Кем был Иисус из Назарета? // Райт Т. Иуда и Евангелие Иисуса. М., 2009. Приложение II.
26. Bloom H. The American Religion: The Emergence of the Post-Christian Nation. NY., 1992.
27. Gathercole S. The Gospel of Judas. Rewriting Early Christianity. Oxford, 2007.
28. King K. L. What is Gnosticism? Cambridge, 2003.
29. Krosney H. The Lost Gospel: The Quest for the Gospel of Judas Iscariot. Washington, 2006.
30. Lee P. J. Against the Protestant Gnostics. NY., 1987.
31. O'Reagan C. Gnostic Return in Modernity. NY., 2001.
32. Pagels E. The Gnostic Gospels. NY., 1976.
33. Williams M. A. Rethinking «Gnosticism»: An Argument for Dismantling a Dubious Category. Princeton, 1996.
34. Wright T. N. The New Testament and the People of God. London&Minneapolis, 1992.
35. Wright T. N. Jesus & the Victory of God. London & Minneapolis, 1996.

© Замлелова (Макеева) Светлана Георгиевна (svetlana-zamlelova@yandex.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЦИАЛЬНЫЙ МИФ: СУЩНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ

SOCIAL MYTH: ESSENCE AND VALUE

O. Pluzhnik

Summary. The place of the myth in life and functioning of society at various levels of its historical development is considered. Special attention is paid to process of forming of the social myth. Value of a formation of myths for modern society reveals.

Keywords: myth, mythology, social myth, formation of myths, society, society, manipulation.

Мифы не исчезли вместе с древними цивилизациями, они продолжают существовать, но уже в новых исторических формах. Возникновение новых форм мифов связано с усложнением структуры сознания и мышления человека. Не смотря на преобладание рационального аспекта в сознании современного человека и повышение склонности к логическому мышлению, современные мифы продолжают оказывать значительное влияние на социум.

Проблема определения места и роли мифа в функционировании общества, на любом из этапов его социально-исторического развития, является актуальной. Миф воспроизводит историю общества, создает образ народного героя и антигероя, отражает представление данного социума о добре и зле. Миф — это повествование, рассказывающее о происхождении всего сущего: мира, богов, героев, самого человека; передающее представление людей о мире и месте человека в нем.

В представлении Т. Манна миф это — «изначальный образец, изначальная форма жизни, вневременная схема, издревле заданная формула, в которую укладывается осознающая себя жизнь, смутно стремящаяся вновь обрести некогда предначертанные ей приметы» [5].

Возникновение мифа, при становлении общества, было связано с необходимостью человека познать окружающий мир. Мифология есть попытка избавиться от неопределенности, давая всему таинственному и пугающему сверхъестественные объяснения. Что позволяло наполнить мир человека содержанием, а действия целенаправленностью.

На рубеже XIX — XX веков в философии возникли новые понятия тесно связанные с мифом и мифологией — это социальный миф и мифотворчество.

Плужник Ольга Борисовна

*Ст. преподаватель, Московский социально-экономический институт
mseipriemka@mail.ru*

Аннотация. Рассматривается место мифа в жизни и функционировании общества на различных уровнях его исторического развития. Особое внимание уделяется процессу формирования социального мифа. Раскрывается значение мифотворчества для современного общества.

Ключевые слова: миф, мифология, социальный миф, мифотворчество, общество, социум, манипулирование.

Социальный миф — это сформировавшееся на бессознательном уровне мировоззрение, влияющее на социальные действия людей и выражающее интересы различных социальных групп. А.В. Ульяновский давал следующее определение социальном мифу: «Если можно найти точки зрения, когда информация ложна, но в то же время есть точки зрения, когда она истинна, при этом есть заинтересованное в определенной интерпретации лицо — это и есть современный миф» [3].

Мифотворчество — это процесс создания социальных мифов, общественных иллюзий в разных сферах общественной жизни.

Особое значение проблемы мифов, мифологии и мифотворчества в XIX — XX веках приобретает в исследованиях зарубежных и отечественных философов и социологов: Ф. Ницше, О Шпенглера, К.-Г. Юнга, В. Вундта, К. Эванса, Э. Кассирера, Ф.В.Й. фон Шеллинга, А.В. Ульяновского, Б. Малиновского и др.

Большинство западноевропейских философов в своих трудах противопоставляли миф разуму. Например, У.А. Шопенгауэр считал разум послушным орудием воли, причем эта воля носила темный и бессознательных характер. К.Г. Юнг считал миф выражением содержания коллективного бессознательного.

Каким образом создаются социальные мифы?

1. Мифы возникают только тогда, когда человек пытается дать объяснение окружающей его действительности, найти причинно-следственные связи. Объяснения и связи в этом случае будут зависеть от содержания и объема информации, которой он владеет. От получаемой извне информации человек воспринимает лишь малую часть, а запоминает еще меньше, и как правило не всегда точно. Прежде чем достичь сознания человека данная информация проходит ряд физических, психиче-

ских и социальных фильтров, определяемых особенностями его личности. Таким образом, процесс мифотворчества у каждого человека носит индивидуальный характер, но зависит от окружающих его социальных факторов.

2. Миф невозможно создать на пустом месте. Для этого необходимо наличие ряда условий, таких как социальная, экономическая и политическая обстановка в обществе, предрасположенность социума к усвоению мифа и информированность.

Любые кризисные явления усиливают процесс мифотворчества. Кузнецов Н. В. приводящий высказывание американского социолога К. Эванс выделяет «четыре волны неразумия» западноевропейской цивилизации [5]:

- ◆ Закат античной цивилизации;
- ◆ Сокращение влияния христианской церкви на культуру и общество;
- ◆ Переход от капитализма к индустриализму;
- ◆ Процесс глобализации в современном мире и кризисы связанные с ней.

Рассматривая процесс создания мифов необходимо учитывать их субъективную направленность. Ю. В. Серова выделяет следующие социальные и психологические предрасположенности к мифотворчеству [6]:

- а) Потребность в самообмане (в удовлетворении иллюзий);
- б) Уровень общественного доверия;
- в) Интеллектуальное развития социума (уровень образованности);
- г) Степень информированности;
- д) Повышенная эмоциональная напряженность в социуме (аффекты, желания, потребности, страх и др.);
- е) Коллективность переживания;
- ж) Этнопсихические и этнокультурные предпосылки и особенности.

3. Предпосылки мифотворчества определяются во многом характерными чертами социального бытия.

Ю. В. Серова выделяет два вида процесса мифотворчества (стихийное и целеустремленное).

1. Стихийное мифотворчество — это процесс формирования мифа дистанцировано от воли самого человека и от влияния других социальных субъектов. Самые удивительные и мифологические конструкции представляются людям важными только по тому, что существуют независимо от воли человека подчиняясь потребностям социума. Мыслительные процессы направленные на осмысление мифа впитывают в себя подобные умозаключения и умонастроения и возвращаются в сознание

человека в виде стихийных представлений последствия которых иной раз заставляют усомниться в величии человеческого разума. И даже когда подобные идеи демифологизируются они не исчезают, не уничтожаются, а вновь воспроизводятся. И в этом воспроизводстве можно проследить господство стихийных сил общественного развития над людьми.

2. Целеустремленное продуцирование мифа — это процесс деятельности активного творческого субъекта, целью которого является создание социального мифа. Социальная мифология начала формироваться в XIX веке. Ее основной целью было управление массовым сознанием. Наиболее популярным средством манипулирования сознанием современного человека являются средства массовой информации. При формировании мифа под воздействием СМИ уже известная социуму информация подается в искаженном виде. В результате под действием социальных мифов реальность настолько изменяется, что найти рациональное зерно возможно только при сопоставлении нескольких источников, но очень часто последнее становится невозможным из-за субъективности, предубежденности и лени людей. Такой человек или группа лиц без особого сопротивления становятся жертвой мифа.

Ярким примером мифотворчества сочетающего в себе оба предложенных Ю. В. Серовой процесса являются события из истории России 17 века известные как Смутное время. Изучая данную историческую проблему мы сталкиваемся:

- ◆ с желающими обманывать (крупнейшие боярские роды стремящиеся к власти и ограничению самодержавия);
- ◆ с готовыми обманываться (население страны на плечи которого легли основные экономические и политические тяготы династического кризиса);
- ◆ с повышенной эмоциональностью населения связанной с процессами укрепления самодержавия, усиления крепостной зависимости крестьянства и усугубленной голодом;
- ◆ с низким уровнем доверия царской власти из-за смены династии;
- ◆ с верой в иллюзию, в чудесное воскрешение умершего царевича из прервавшейся царской династии;
- ◆ с низкими уровнями образования и информированности позволяющими заинтересованным лицам посадить на престол самозванца и весьма успешно манипулировать толпой по его свержению;
- ◆ с процессом демифологизации и повторного воспроизводства мы тоже сталкиваемся: убий-

ство Лжедмитрия I и развенчание мифа о его происхождении, но при этом повторное принятие, пусть уже и меньшим количеством населения, очередного самозванца.

Если вернуться к «волнам неразумия К. Эванса», то можно увидеть, что династический кризис случившийся в стране в конце XVI начале XVII представлял собой благодатную почву для возникновения и развития социального мифа приведших к 8 годам социальных волнений, экономической катастрофе и интервенции. Сделав жертвами социального мифа почти все население центральной Руси. Только реальная перспектива потери государственности смогла оставить процесс развития данного мифа.

В духовной жизни современных цивилизаций мифотворчество занимает важное место. Современный миф имеет весьма сложную структуру. Он не отличается генетическим единством, а соединяет в себе разнообразные элементы религиозных и мистических учений. Только в современном социальном мифе можно увидеть, как древние культы переплетаются с достижениями современной науки и техники.

Значение мифа в современном мире велико и носит разностороннюю направленность:

1. Социальную:

- ◆ Миф это специфический способ человеческого бытия в мире;
- ◆ Миф это способ регулирования и решения социального бытия;

- ◆ Миф это переживаемая социальным субъектом реальность.

2. Воспитательную:

- ◆ Миф это способ передачи опыта от одного поколения к другому.

3. Духовно-эстетическую:

- ◆ Миф это неотъемлемый компонент человеческой деятельности;
- ◆ Миф это проявление творческой фантазии человека;
- ◆ Миф это разновидность культурно-творческого процесса.

4. Компенсаторную:

- ◆ Миф это процесс обеспечения человеку ощущения психологической защищенности;
- ◆ Миф это воплощение веры человека в сверхъестественное.

5. Идеологическую:

- ◆ Миф в современном обществе играет важную идеологическую роль.

Многие современные науки ищут в мифе возможность радикального обновления содержания, позволяющую противостоять вызовам современного мира. Основными задачами современного социального мифотворчества являются непосредственно само создание социальных мифов и адаптацию данных мифов в массовом сознании, а целью регулирования поведения современного человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурковский М. В. Мифология в свете философских исканий Шеллинга//Вестник СПбГУКИ, № 3 (16) сентябрь 2013 г.
2. Исаков Е. А. Миф как феномен социального бытия в философии мифологии XX века//Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, вып. № 120, 2010 г.
3. Калиниченко С. С., Квеско Р. Б., Шинн Т. Определение места мифодизайна как социокультурного феномена//Известия Томского политехнического университета, 2008 г., т. 312 № 6
4. Ковалева И. А. Мифотворчество в современной культуре//Молодой ученый, № 9.1. 2015 г.
5. Кузнецов Н. В. Судьба мифа в современной культуре//Вестник Русской христианской гуманитарной академии, 2011 г.т. 12, выпуск 3
6. Серова Ю. В. Роль социального мифотворчества в жизни современного общества, 2015 г.
7. Юнг К. Г. Душа и миф. Шесть архетипов. Изд. Port-Royal. Совершенство, 3 издание, 1997 год

© Плужник Ольга Борисовна (mseipriemka@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТАЙМ-МЕНЕДЖМЕНТ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ

TIME MANAGEMENT AND SOCIO-CULTURAL FACTORS OF THE ACTIVITY OF AN ORGANIZATION

K. Safonov

Summary. The peculiarities of the influence of socio-cultural factors on the activity of an organization are discussed in the article. The use of time-management technologies gains particular importance within this context. The practicing of this approach can be understood as the means to improve management efficiency, bringing it in balance with the system of social values.

Keywords: time management, organization, staff, social values, human factor, socio-cultural factors, values system, organizational and management activities

Сафонов Кирилл Борисович

*К.филос.н., доцент, Новомосковский институт
(филиал) Российского химико-технологического
университета им. Д. И. Менделеева
k_b_s_k_b@list.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности влияния социокультурных факторов на деятельность организации. В данном контексте особое значение приобретает применение технологий тайм-менеджмента. Использование рассматриваемого подхода можно понимать как средство повышения эффективности управления, приведения его в соответствие с системой социальных ценностей.

Ключевые слова: тайм-менеджмент, организация, персонал, социальные ценности, человеческий фактор, социокультурные факторы, система ценностей, организационно-управленческая деятельность.

Современный этап развития науки характеризуется взаимопроникновением различных дисциплин и формированием интегральных концепций, отражающих инновационные подходы к рассмотрению тех или иных проблем окружающей действительности. Это в полной мере относится и к менеджменту. Признание ведущей роли человеческого фактора открывает новые горизонты для междисциплинарных исследований с привлечением положений социологии, психологии и философии, позволяющих полнее осознать социальную сущность управленческой деятельности, выработать рекомендации, которые могут найти отражение в практике. Одной из инновационных концепций управления можно считать тайм-менеджмент, различные подходы к исследованию которого отражают взаимозависимость и взаимообусловленность экономических и социальных аспектов деятельности современной организации.

С экономической точки зрения, тайм-менеджмент представляет собой «совокупность технологий планирования работы сотрудника организации, которые применяются сотрудником самостоятельно для повышения эффективности использования рабочего времени и повышения подконтрольности возрастающего объема задач» [1, с. 3]. В данном определении можно обнаружить указание на инновационный характер применяемых управленческих технологий. Он заключается в признании самостоятельности действий, предпринимаемых работником. В рамках традиционных подходов в организации происходит выделение управляющей и управляемой подсистем, первая из которых является субъектом, а вторая — объектом управления. Менеджмент, как

правило, основывается на разделении функций данных подсистем. Управленческие решения, разработанные на высших уровнях организационной иерархии, воспринимаются подчиненными и исполняются ими в рамках осуществления должностных обязанностей. При этом возможность перераспределения полномочий, как правило, не предусматривается. Следствием этого можно считать одну из основных особенностей российского менеджмента, заключающуюся в существовании иерархического принципа как методологической основы системы управления [2, с. 64]. Однако подобная модель менеджмента имеет недостатки, к числу которых можно отнести ее недостаточную адаптивность, что значительно снижает конкурентоспособность организации в постоянно меняющейся рыночной среде. Именно поэтому предоставление сотрудникам определенной самостоятельности может рассматриваться как значимое проявление ориентации организационной системы на успех и устойчивое развитие.

Эффективный руководитель должен помнить, что организация — это не просто экономический агент, занимающийся производством товаров или оказанием услуг. Прежде всего, организация представляет собой совокупность людей, коллектив единомышленников, совместнодвигающихся к достижению общей цели. В конечном итоге, любая организация ориентирована на наиболее полное удовлетворение потребностей представителей социума, с которыми она осуществляет взаимодействие. При этом часто нельзя провести четкое разграничение между внешней и внутренней средой, так как любой из сотрудников является членом не только организации,

но и современного общества. Взаимодействуя с организацией, он привносит собственные индивидуальные ценности и ценности своего непосредственного социального окружения в систему корпоративной культуры. Так происходит трансформация внутренней среды организации, ее постепенная адаптация к условиям общества.

Наглядно особенности описываемых процессов можно проследить на примере тайм-менеджмента. Практически все народы ценят пунктуальность, способность рационально использовать свое время. Одновременно осуждаются лень, бесцельное времяпрепровождение, пренебрежительное отношение к исполнению должностных обязанностей. Однако при этом различны конкретные практики планирования рабочего времени. При анализе подходов, существующих в рамках американского, европейского или японского менеджмента, можно отметить, что они отражают основные особенности национального менталитета и соответствующего ему мировосприятия. Как следствие, различается степень ориентации на конкретного работника и его потребности, а также предоставляемой ему свободы. От этого напрямую зависят возможности персонала самостоятельно планировать свое рабочее время, контролировать ход выполнения конкретных производственных заданий. Некоторые ограничения при этом не препятствуют творческому характеру труда представителей коллектива, поскольку воспринимаются ими как данность. Эти ограничения и базирующиеся на них практики управления временем всецело находятся в русле ценностных ориентаций сотрудников, совокупности представлений их народов о должном. Поэтому неважно, происходит ли в рамках тайм-менеджмента жесткая регламентация, или работники наделяются широкой автономией. Главной остается необходимость уделять должное внимание существующим социокультурным предпосылкам, лежащим в основу формирования конкретной управленческой парадигмы, и учитывать данные особенности в практике тайм-менеджмента.

Стоит отметить, что «принципиальное значение осмысления управленческого опыта в конкретной культуре обусловлено необходимостью установить отношение генезиса управления к культурному контексту» [3, с. 21]. Именно поэтому нельзя слепо копировать зарубежные модели менеджмента. Их применение в российских условиях может не принести ожидаемых результатов. Конечно, наша страна не должна оставаться в стороне от применяемых в ведущих странах мира инноваций. Однако их следует переосмысливать, адаптировать к российским условиям, которые определяются, в том числе, и характерными чертами менталитета и ценностных ориентаций народов, населяющих нашу страну. Особенно важно при этом в полной мере учитывать многовекторный характер развития национальной культуры. Действительно, в те-

чение многих столетий совместного проживания народы нашей страны оказывали большое влияние на формирование мировоззренческих установок и системы ценностей каждого из своих представителей.

Россия — уникальная страна, находящаяся одновременно в Европе и в Азии, и уникальные черты своей социокультурной системы она получила в процессе взаимодействия с народами, населяющими оба эти континента. Традиционно хозяйственная деятельность воспринималась россиянами не просто как сфера материального производства, но как способ всемерного улучшения окружающей действительности, как средство содействия устойчивому и поступательному развитию социума и самих себя как его неотъемлемой части. Каждый руководитель, стремящийся значительно повысить эффективность своей организации, должен учитывать подобные социокультурные предпосылки экономической деятельности, а не просто повторять зарекомендовавшие себя за рубежом модели менеджмента. Лишь в этом случае он может рассчитывать на успех, выражающийся, в том числе, и в повышении прибыльности и значительном росте рентабельности осуществляемой производственной деятельности.

Применительно к тайм-менеджменту необходимо понимать, что его конкретные воплощения в организации также могут принимать различные формы, особенности которых как раз и будут определяться всей совокупностью существующих социокультурных управленческих установок. Так, идея регулирования процессов использования служебного времени может быть истолкована и в индивидуально-личностном, и в организационном контексте. В первом случае ведущую роль в практическом воплощении концепций тайм-менеджмента будут играть отдельные сотрудники, самостоятельно принимающие решения о порядке и продолжительности предпринимаемых действий в рамках осуществления должностных обязанностей. Второй подход предполагает повышение роли руководителя, который в данном контексте не только намечает стратегические задачи, но и регулирует тактические и оперативные аспекты их решения. В некоторых случаях определенную роль может играть и коллектив в целом, также являющийся субъектом принятия решений в рамках системы тайм-менеджмента.

Возможность применения той или иной организационно-управленческой модели напрямую зависит от особенностей формирования у сотрудников экономической ментальности, которая «включает в себя совокупность стереотипов и ценностей, влияющих на хозяйственное поведение людей» [4, с. 75]. Здесь необходимо рассматривать все без исключения аспекты, значимые для особенностей деятельности организации. При этом нужно

опираться как на социальные ценности, так и на ценности и нормы корпоративной культуры. Особое внимание при этом следует проявлять руководителям подразделений крупных международных компаний. Очень часто они в своей деятельности не учитывают ключевые характеристики менталитета сотрудников своих зарубежных отделений и представительств. Следствием этого может стать и значительное снижение эффективности системы тайм-менеджмента, основной причиной чего будет являться различное понимание ценности времени у разных народов и иные подходы к его использованию в рамках осуществления должностных обязанностей.

Избежать подобного негативного развития событий можно при условии понимания того, что «управление персоналом — это ориентация на людей с акцентом на максимальное использование их таланта, повышение качества жизни» [5, с. 21]. Каждый сотрудник при этом должен восприниматься не как объект управленческого воздействия, а как равноправный партнер по диалогу, обладающий собственной системой ценностей и неповторимой индивидуальностью, от учета которой напрямую зависят успешность и эффективность деятельности организации. Основной задачей руководителя при этом можно считать верную расстановку приоритетов в процессе выбора между системами корпоративных и индивидуальных ценностей, правильное понимание проблем их взаимной обусловленности и того влияния, которое обозначенные системы оказывают как на организацию в целом, так и на каждого из сотрудников.

Практическое применение технологий тайм-менеджмента открывает большие перспективы в контексте всестороннего учета социокультурных факторов управления. В условиях, когда «эффективность работы организации достигается через управление коллективом сотрудников, а эффективность управления коллективом достигается через управление индивидуальной эф-

фективностью» [6, с. 74], особое значение приобретает возможность предоставления работникам права принимать те или иные решения, направленные на совершенствование процессов осуществления должностных обязанностей. Через управление временем они могут прийти к управлению собственной эффективностью, из чего в дальнейшем складывается эффективность всей организации. При этом будет отсутствовать сама возможность возникновения противоречий между системами индивидуальных, корпоративных и социальных ценностей. Так осуществление тайм-менеджмента позволит в полной мере учитывать особенности социокультурных факторов деятельности организации, повышать ее адаптивность и устойчивость, одновременно способствуя наиболее полной реализации личностного потенциала каждого из представителей коллектива.

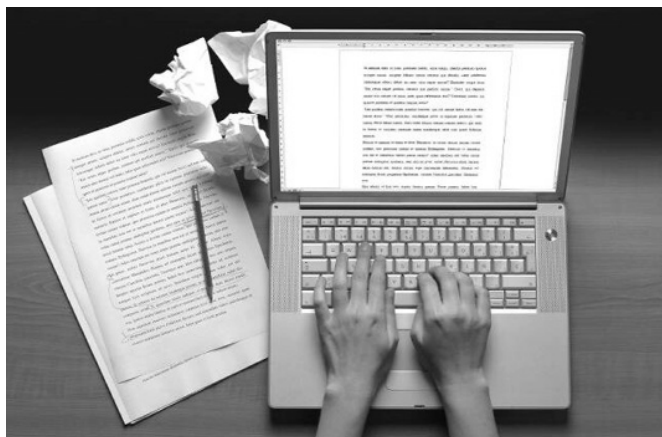
Ранее мы уже рассматривали проблемы внедрения инновационных технологий в практику управления человеческими ресурсами [7]. Сейчас мы можем с уверенностью сказать, что к числу подходов, определяющих особенности партисипативного управления и гуманизации организационной деятельности, можно отнести и тайм-менеджмент. Данная технология позволяет учитывать особенности как организации в целом, так и составляющих ее сотрудников. При этом происходит расширение полномочий персонала за счет предоставления ему возможностей управления собственной эффективностью и производительностью. Главными условиями успешности менеджмента в данном контексте можно считать готовность и способность руководителя учитывать социокультурные факторы деятельности организации. В том случае, если ему удастся решить стоящую перед ним задачу, заинтересованные стороны, к числу которых относятся, в том числе, и современное общество, могут рассчитывать на максимизацию организационной эффективности и, как следствие, на общий успех в деле производства и распределения экономического продукта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архангельский Г. А. Тайм-менеджмент в системе управления организацией: автореферат диссертации ... кандидата экономических наук. — М., 2005. — 25 с.
2. Ядова Н. Е. Особенности коммуникационного менеджмента в процессе интеграции российских компаний в мировой бизнес // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия Экономика и право. 2016. № 2. — С. 63–65.
3. Морозова О. Ф. Культурные детерминанты социального управления: автореферат диссертации ... доктора культурологии. — М., 2011. — 51 с.
4. Макеев В. А. Национальные особенности корпоративных культур // Власть. 2011. № 8. — С. 74–77.
5. Манохина О. А. Управление персоналом в организации как социально-психологическая проблема // Человеческий капитал. 2012. № 2. — С. 21–23.
6. Орловская О. В. Социально-технологический подход к управлению эффективностью деятельности персонала крупной компании // Вестник Оренбургского государственного университета. 2008. № 9. — С. 71–77.
7. Сафонов К. Б. Инновационные технологии управления человеческими ресурсами организации // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия Экономика и право. 2016. № 2. — С. 55–58.

© Сафонов Кирилл Борисович (k_b_s_k_b@list.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАШИ АВТОРЫ

OUR AUTHORS

Devyatova O. — PhD in Cultural Studies, Professor at the Chair of Cultural Studies and Leisure Studies, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N.Yeltsin, Ekaterinburg
e-mail: urfo@bk.ru

Dyakov N. — Lecturer, Department of Clinical Psychology and Psychotherapy with a course on SEI IN «Krasnoyarsk State Medical University. prof. VF Voyno-Yasenetsky»

Egorov V. — Honored worker of science of the Russian Federation Doctor of chemical Sciences, Professor, Moscow state Academy of veterinary medicine and biotechnology named after K. I. Skryabin. Moscow. Russia

Eksakusto T. — Federal State-Owned Educational Autonomy Establishment of Higher Education «Southern Federal University», (Taganrog)
e-mail: etv01@yandex.ru

Goon G. — Doctor of cultural, candidate of philosophical sciences, associate professor, Magnitogorsk state conservatories (academy) of M. I. Glinka
e-mail: filosof_gun@mail.ru

Istratova O. — Federal State-Owned Educational Autonomy Establishment of Higher Education «Southern Federal University», (Taganrog)
e-mail: oksana-istratova@yandex.ru

Kibal'chenko I. — Federal State-Owned Educational Autonomy Establishment of Higher Education «Southern Federal University», (Taganrog)
e-mail: kibal-irina@mail.ru

Kirillova N. — Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg)
e-mail: urfo@bk.ru

Komissarenko S. — Doctor of cultural, associate professor, St. Petersburg Humanities university of labor unions
e-mail: komissarenko07@mail.ru

Kostrigin A. — Russian State University named after A.N. Kosygin Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky
e-mail: artdzen@gmail.com

Kozyreva O. — Ph.D., Associate Professor, Department of correctional pedagogy SEI IN «Krasnoyarsk State Pedagogical University im.V.P.Astafeva»
e-mail: kozyrevaoo@mail.ru

Kurguzov V. — Doctor of cultural, professor, member of International commission of researches of culture of UNESCO, Honoured worker of the higher school of the Russian Federation, Honored worker of science of the Republic of Buryatia, East Siberian state university of technologies and management
e-mail: vlkurguzov@rambler.ru

Larionova I. — Honorary worker of HPE Russian Federation, Doctor of Philosophy, professor, Moscow state Academy of veterinary medicine and biotechnology named after K. I. Skryabin. Moscow. Russia
e-mail: kaf_chimii@mgavm.ru

Lezhnev E. — Applicant, Ural state law university
e-mail: mac-west@yandex.ru

Martynova V. — Head of the Department of the faculty of secondary vocational education Asrtakhan state technical University
e-mail: infanta_2000@mail.ru

Pluzhnik O. — Senior lecturer, Moscow social and economic institute
e-mail: mseipriemka@mail.ru

Saberi F. — PhD in Political Science, an independent researcher
e-mail: fz.saberi@gmail.com

Safonov K. — Novomoskovsk Institute (branch) of Russian D.I. Mendeleev University of Chemistry and Technology
e-mail: k_b_s_k_b@list.ru

Smirnov A. — Independent researcher
e-mail: sashlok@mail.ru

Tkachenko O. — Candidate of legal Sciences, associate Professor, ASTU

Zamlelova (Makeeva) S. — Ph.D., Editor in chief of network literary magazine «Kamerton»
e-mail: svetlana-zamlelova@yandex.ru

Zheng J. — People's Friendship University of Russia
e-mail: Jielan@list.ru

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).